

«ДА СЛАВЯТ ПОТОМКИ ТВОЙ ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ...»

Материалы
Международной научной конференции,
посвященной жизни и деятельности
адмирала Ф. Ф. Ушакова
(Саранск, 4 — 8 августа 2006 г.)

Саранск
НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
2008

УДК 929Ушаков(063)
ББК ТЗ(2)
Д 12

Ответственный редактор — *В. А. Юрченков*

Редакционная коллегия:

В. А. Юрченков (председатель), Е. Н. Бикейкин,
Е. В. Глазкова, Т. М. Гусева, И. В. Зубов,
А. Н. Келина, И. Г. Кильдюшкина, Г. А. Куршева,
В. А. Ломшин, Л. И. Никонова, Ю. И. Сальников,
Е. Г. Скворцова, А. В. Чернов

Д 12 «Да славят потомки твой пройденный путь...» :
Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. жизни
и деятельности адмирала Ф. Ф. Ушакова (Саранск, 4 —
8 авг. 2006 г.) / отв. ред. В. А. Юрченков ; НИИ
гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордо-
вия. — Саранск, 2008. — 300 с. : 64 с. ил.

ISBN 978-5-900029-57-3 (в пер.)

В сборнике показано новаторство флотоводческого мастерства адмирала Ф. Ф. Ушакова, а также его духовный подвиг; освещены основные этапы историографического осмысления жизни и деятельности адмирала; отражено использование его флотоводческого наследия в морской тактике последующих эпох, а также в военно-патриотическом воспитании; проанализирован образ адмирала в художественной литературе; представлены новые документы о семье Ушаковых.

Для широкого круга читателей.

УДК 929Ушаков(063)
ББК ТЗ(2)

© НИИГН при Правительстве
Республики Мордовия, 2008

ПРИВЕТСТВИЕ
ГЛАВЫ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ
Н. И. МЕРКУШКИНА

Сердечно приветствую участников Международной научной конференции, посвященной жизни и деятельности святого праведного воина Феодора (Ушакова), адмирала Российского флота, великого сына России, которого мы по праву и с гордостью называем своим земляком.

С Мордовией связаны последние годы жизни знаменитого русского флотоводца. По окончании ратного служения Федор Федорович Ушаков поселился в своем имении, сельце Алексеевка, близ города Темникова. Он открыл на свои средства госпиталь в Темникове, много раз делал пожертвования армии во время Отечественной войны 1812 г. Похоронить себя адмирал завещал в Санаксаре, на Мордовской земле.

Своей жизнью Ушаков явил нам яркий образец праведности, беззаветного служения Отечеству и своему народу, как на поле брани, так и на ниве благотворительности и милосердия, за что был причислен Русской православной церковью к лику святых, став духовным покровителем Военно-морского флота России. Имя и деяния святого праведного воина Феодора (Ушакова) стали символом возрождения морского могущества нашего Отечества.

В таких патриотах и защитниках земли Русской, как адмирал Ушаков, наш народ всегда видел источник жизни, праведной и честной. В Темников, в Рождество-Богородичный Санаксарский мужской монастырь, на могилу Ушакова едут тысячи паломников, чтобы поклониться святыням, приобщиться к памяти легендарного флотоводца. Посвятивший здесь свои дни духовному подвигу, Федор

Ушаков стал одним из символов мордовского края, предметом его особой гордости и почитания.

У республики давно сложились добрые отношения и установились тесные контакты с командованием военно-морских сил и всех флотов России. Многие годы Мордовия оказывает шефскую помощь кораблям Военно-морского флота России, которые названы в честь великого адмирала. Мы всемерно помогали кораблю Северного флота, тяжелому атомному ракетному крейсеру «Адмирал Ушаков», а с 2004 г. взяли шефство над эскадренным миноносцем Северного флота «Адмирал Ушаков», которому, по сложившейся флотской традиции, перешло овеянное славой корабельное имя. Сегодня республика регулярно оказывает помощь в ремонте корабля, отправляет экипажу продовольствие, книги, предметы первой необходимости.

На эскадренном миноносце «Адмирал Ушаков» служат лучшие мордовские призывники, прошедшие специальный конкурсный отбор. В нескольких школах Мордовии в последние годы открыты кадетские военно-педагогические классы имени адмирала Ушакова, учащиеся которых выражают желание в будущем посвятить себя благородной профессии защитника Отечества.

Сегодня, в период обновления всех сторон нашей жизни, мы снова и снова обращаемся к тем духовным и нравственным ценностям, которые всегда были присущи россиянам и ярким примером которых являются жизнь и деятельность святого праведного воина Феодора (Ушакова).

Уверен, что все это найдет широкое отражение в докладах участников нашей конференции.

Мы искренне рады приветствовать на гостеприимной Мордовской земле ученых, военных моряков из Англии, Болгарии, Греции, Италии, Франции и Украины, предста-

вителей российских общественных организаций, ведущих специалистов Российской академии наук, военных моряков всех четырех флотов России, ученых-историков из вузов Москвы, Пензы, Самары, Чебоксар, Йошкар-Олы, Ульяновска и других городов России.

Мы также рады приветствовать на наших торжествах руководителей мордовских национально-культурных автономий из 20 регионов Российской Федерации.

Особо хочу отметить, что наша конференция проходит в рамках торжественного празднования 1000-летия единения мордовского народа с народами многонационального Российского государства. Она приурочена к 5-летию канонизации адмирала Ушакова и открытию кафедрального собора святого праведного воина Феодора (Ушакова), одного из самых величественных храмов России, построенных в последнее время. На этих торжествах будет присутствовать Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, который освятит кафедральный собор, а также видные государственные и общественные деятели, представители всех флотов России, многочисленные гости из разных регионов нашей страны.

В этом знаменательном событии мы видим глубокий символический смысл: только через духовность и веру, уважительное и бережное отношение к своей истории, к своей земле и корням мы сможем достичь главной цели — процветания нашей великой России!

В заключение хочу искренне пожелать участникам конференции плодотворной работы, а также приятных впечатлений от знакомства с историческими достопримечательностями и современной действительностью нашей республики.

**ПРИВЕТСТВИЕ
ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА,
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО
ВАРСОНОФИЯ,
АРХИЕПИСКОПА САРАНСКОГО
И МОРДОВСКОГО**

Возлюбленные о Господе отцы, братья и сестры, многоуважаемые участники конференции!

Я рад приветствовать вас здесь в дни освящения кафедрального собора святого праведного воина Феодора (Ушакова).

В непростое для мирового сообщества и нашей страны время, когда исподволь смещаются ценностные ориентации в сторону безудержного потребления, нередко ведущего к гибели души, мы все ощущаем острую необходимость в приобщении к такому духовному опыту, который может привести к выходу из этой кризисной ситуации. Мы знаем, что жизненный путь Феодора Ушакова, приведший его к святости, был совершен во славу Божию и на пользу Отечеству, поэтому бесспорно, что молитвенный пример святого праведного воина Феодора (Ушакова) может послужить восстановлению духовных основ жизни и соответствующему высоким христианским идеалам развитию общества.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что жизненный путь адмирала Феодора Ушакова является житием святого. Жизнь во Христе была главным определяющим фактором в его жизни, и не без спасительного Промысла Божия совершалась деятельность святого праведного воина. Целомудренность души и плоти, внутренняя чистота, христианское милосердие, сострадание не только в мирных

условиях, но и на поле брани, что так изумляло даже неприятелей; простота и доступность; безукоризненная честность, правдивость в мыслях, поступках, — все это проявления его святой жизни. Уверен, что ваша научная компетентность будет удачно сочетаться с благочестивым отношением к личности святого, и это взаимодействие поможет успешной работе конференции во славу Божию.

Да ниспошлет Господь Бог по молитвам святого праведного воина Феодора (Ушакова) Свое благословение на всех вас и наши благие труды!

**ПРИВЕТСТВИЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВОЕННО-МОРСКОЙ
ХРИСТИАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ Б. ПАРКЕРА**

On 15th December 1942, my father sailed from Scotland in the British warship Sheffield with the first half of convoy JW51 — 17 ships bound for the Kola Inlet near Murmansk. Through the grace of God and perhaps in honour of the Advent season, all arrived safely in Russia on Christmas Day.

The second half of the convoy was attacked by the German surface raider Admiral Hipper and her escorts. The light cruisers Sheffield and Jamaica sailed to the rescue courageously engaging and damaging the larger and more powerful Hipper and sinking one of her escorting destroyers.

When Hitler learned that his big ships had been driven off by light cruisers and destroyers he flew into a rage and forced the resignation of Grand-Admiral Raeder, the Commander in Chief of the German Navy! My father came to Russia on the arctic convoys many times but this is my first visit.

In 1961, I followed my father and joined the Royal Navy, serving for 36 years until 1997. I am here today to bring greetings from the British Naval Christian Fellowship on this most excellent occasion. As you honour the name and life of Admiral Feodor Ushakov, we British are, of course, reminded of our own great naval hero, Horatio Nelson, who belongs to the same heroic age when all of Europe was threatened by the military genius of an earlier historic dictator, Napoleon Bonaparte.

It is to that period of history that the British Naval Christian Fellowship looks in search of its beginnings. An essential part of Ushakov's inspirational leadership was his religious faith and example. Nelson, Ushakov's British counterpart, had the advantage of a religious revival in England as the backdrop to his military campaigns. So, in both our countries, we see inspirational naval leadership combined with an unshakeable faith in Jesus Christ.

The Naval Christian Fellowship is more a family than an organisation. Our chief desire is to help Christians in the Navy to bear a good witness to Jesus Christ. All Christian denominations and confessions are welcome on the basis of a personal belief in Jesus Christ as Saviour and Lord. All ranks are included and all members are encouraged to pray for each other and to do their naval duty with integrity and enthusiasm.

As a fellowship of Naval Christians, we greet you in the name of our country, our navy and our Christian fellowship; we congratulate you on this auspicious occasion and are honoured to be part of it. Please accept this crest as a token of our high regard of your ancient traditions, your heroic history and continuing faith in our Lord Jesus Christ.

УДК 130.12:271.2

В. Н. Ганичев

**ОКЕАНИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ
И ПРАВОСЛАВНОЕ СОЗНАНИЕ:
ДУХОВНЫЙ ПОДВИГ ФЕДОРА УШАКОВА
(Ответ на глобальные вопросы современности)**

Ваше Преосвященство! Уважаемый Николай Иванович!
Уважаемые коллеги, братья и сестры!

Великое событие свершается в Саранске! В честь святого праведного воина Феодора (Ушакова) возведен и освящается кафедральный собор его имени! Широко и разнообразно проводится 5-летие со дня прославления адмирала Ф. Ф. Ушакова в Мордовии.

Об этом рассказывалось сегодня в послании Главы Республики Мордовия Николая Ивановича Меркушкина. В номере «Роман-журнала. XXI век», посвященном Ушакову, как и сегодня на открытии конференции, он отметил, что православие и канонизация адмирала стали добрым знаком возрождения веры, укрепления духовных основ в жизни республики и всей России¹.

Все эти годы мне пришлось быть свидетелем больших усилий главы правительства, владыки Варсонофия, священства и мирян республики по возрождению Санаксарского монастыря, возведению величественного собора святого праведного воина Феодора (Ушакова), по укреплению веры и нравственности в людях.

Позвольте мне от имени Всемирного Русского Народного Собора, Союза писателей России, Центра духовно-патриотического служения Отечеству имени святого праведного

воина адмирала флота Российского Феодора Ушакова поблагодарить вас всех за эти неутомимые усилия, душевную щедрость, за вклад во всероссийскую сокровищницу Веры, Духа, Добра и Любви к Отечеству!

Духовное поле святого праведного Феодора распространяется все шире и шире. На всех флотах произошло вручение икон с частицами мощей святого (они имеются в восьмидесяти епархиях), вознеслись памятники адмиралу в Москве, Рыбинске, Севастополе, Тутаеве, Греции, Болгарии и др. Я был на празднике Морской академии в Новороссийске, когда ей присвоили имя православного адмирала, а командующий Черноморским флотом сдернул покрывало с памятника Ушакову и вместе со священством заложил часовню святого. Ушаковские отряды юных созданы в Севастополе, Волгограде, Архангельске, Ростове, Саранске, Нижнем Новгороде и Ярославле. Севастопольские ушаковцы провели детский ушаковский крестный ход через Крым, всю Украину в Россию — в Москву, затем в Санаксырь. Ежегодные Ушаковские чтения проходят на родине адмирала в Ярославле, а также в Рыбинске. Нам надо в деревне Бурнаково, где он родился, всем миром восстановить храм, в котором его крестили.

В это же время, по благословению митрополита Кирилла, в 2003 г. был создан Центр духовно-патриотического служения Отечеству имени Ушакова. Таков духовный резонанс от свершившегося пять лет назад события.

* * *

Пять лет назад произошло прославление адмирала Феодора Ушакова Русской православной церковью. Абсолютное большинство православных людей, как и всех граждан,

встретило это решение с радостью и восторгом, ведь для множества из них Федор Ушаков — известная историческая личность. Особую славу ему принесла Великая Отечественная война, когда были вызваны из глубин истории в помощь истекающей кровью стране ее герои, ее богатыри, ее подвижники. Вспомните ноябрь 1941 г.: когда враг был в 40 километрах от столицы и никаких резервов у Верховного Главнокомандования не оставалось, оно обратилось к историческим духовным стратегическим резервам России. В числе тех великих предков, которые должны были вдохновлять воинов, уходящих с Красной площади в бой, были названы святые князья России Александр Невский и Дмитрий Донской, ее патриоты Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, ее победоносные полководцы Александр Суворов и Михаил Кутузов. Позднее в этот сонм исторических покровителей армии и народа вошли два великих флотоводца — Федор Ушаков и Павел Нахимов, чьи лики были на орденах, которые вручали героям Отечественной войны.

В 1995 г. я подготовил, по совету владыки Варсонофия, важный документ на имя Святейшего Патриарха о деяниях адмирала Ушакова, и во второй части письма было сказано: «Имя его после смерти являло чудесные представления. Вроде бы забытый и ушедший с исторической сцены и памяти, он вдруг явился народу нашему, армии и флоту в годину смертельных испытаний и вдохновил их на победу против антихристианского воинства. В период Отечественной войны были учреждены орден и медаль Ф. Ушакова, которыми награждали за наиболее заметные подвиги во славу Отечества...».

Наш народ знал Федора Ушакова как великого флотоводца. Во время и после войны, когда еще пытались сохранить связь времен, вышло немало книг, брошюр и фильмов,

в которых описывались его военные победы, деятельность по созданию Черноморского флота, операции по взятию крепости Корфу, т. е. его военный подвиг был ясен.

Однако, когда произошло прославление, некоторая часть людей, военных моряков с удивлением и даже непониманием стала вопрошать: «В чем святость адмирала?» Когда я обратился в 2001 г., накануне прославления Федора Ушакова, к Святейшему Патриарху с вопросом о том, какое место в ряду русских святых будет занимать святой праведный Федор Ушаков, Святейший Патриарх ответил, что предстоящее прославление, хотя и произойдет на епархиальном уровне, будет значимо для всей нашей Церкви. Личность Федора Ушакова неразрывно связана с историей русских ратных свершений, с историей нашей государственности. Впервые в святцах появится имя человека, служившего на русском военном флоте, к которому в молитве будут обращаться воины-моряки. Для Церкви он был не только военачальником. Главным основанием для его канонизации стало то, что Федор Ушаков, находясь по долгу службы в самой гуще боев, смог одновременно явить образ истинного христианина и не раз жертвовал собой ради спасения ближних. Последние годы он провел вблизи Санаксарского монастыря. Сохранились многочисленные свидетельства о праведной, наполненной христианскими подвигами судьбе этого великого сына России. Приветствуя участников торжеств, посвященных прославлению адмирала, Святейший Патриарх отметил, что Церковь прославляет в лице праведного воина подвижника, жившего в сравнительно недавнем прошлом, и впервые среди угодников Божиих появляется имя великого флотоводца.

Это было важное событие не только в мире духовном, но и в жизни и истории нашего флота. Действительно, только

человек такого масштаба, такого высшего озарения мог сделать столь существенный, поистине гигантский вклад в выработку океанического мышления на флоте и в целом у нации. Известно, что в те годы, когда Россия, истекая кровью, защищала европейскую цивилизацию от ордынского варварства, Испания, Португалия, Голландия, Италия, Англия и Франция выходили на океанские просторы. Зарождалось океаническое мышление, которое давало простор военно-морскому умению, экономике, науке, торговле, литературе и искусству, оно создавало по-своему глобалистский взгляд на земное пространство, на общность различных народов, целых континентов.

Русский флот во времена Ушакова вышел на просторы мировых океанов. Его корабли были на Черном и Белом, Балтийском и Средиземном морях. Пространство в Тихом океане между Аляской, Камчаткой и Охотском было освоено русскими парусниками, но Россию в Европе, а значит, и в мире океанской, даже морской державой не считали. Победы Петра I под Гангутом и Гренгамом к концу XVIII в. забылись. Кусочек Балтики давал, конечно, выход к морям, но находился под присмотром морских «грандов» — Англии, Швеции и Дании.

На время Ушакова и пришелся прорыв России к южным морям, в Азию, Африку, Южную Европу. Черноморский флот стал реальностью. Победы Ушакова у Керчи, Тендры подтвердили это, а маневр и победа у мыса Калиакрия знаменовали, что у России появился выдающийся флотоводец, чье военно-морское искусство было взято на вооружение блестящим английским флотоводцем Г. Нельсоном. (Как говорят некоторые специалисты, маневром при разгроме французского флота в устье Нила Нельсон повторил ушаковский прием при Калиакрии). Выход на освобождение

Ионических островов во главе уже объединенной русско-турецкой эскадры показал безусловный авторитет адмирала. Его победы при взятии Корфу, освобождение юга Италии, обращение Нельсона с просьбой помочь освободить Мальту, вокруг которой безусловно талантливейший адмирал баражировал почти два года, показывали, что морской и военный авторитет адмирала Ушакова был непререкаем и признан как друзьями (даже если это были столь ненадежные союзники, как турки, или такие ревностные защитники своего авторитета, как Нельсон), так и врагами.

Сегодня мы можем говорить, что именно с Ушаковым пришло в Россию всеохватывающее стратегически морское, державное, океаническое мышление. Это мышление и дух во многом способствовали созданию и процветанию в течение многих веков великой России.

Ныне, когда мы почитаем Ушакова столь высоко, для каждого военно-морского начальника, командира стратегических войск и подразделений, старшего офицера следует выделить составляющие части его стратегии: опору на державные силы, на национальный интерес; соблюдение христианских принципов во всех действиях; государственничество; умение широко охватить все действия флота, состояние кораблей, уровень союзников, масштаб морских пространств, оценить экономические и военные ресурсы флота; человеческий фактор. Для Ушакова это был не «фактор», а живые соратники, подвижники, братья во Христе, что и выделяло его даже среди лучших талантливых военно-морских командиров России.

Не будем забывать, что морские служители в основном приходили из крепостных крестьян, из крестьянских общин. Конечно, для дворянского офицера флота России они были низшим сословием, даже нижайшим, и звать к

флотскому служению, пониманию обязанностей моряка обычно могло только наказание, «розговое наущение».

Ушаков шел по другому пути: он опирался на православное общинное мировосприятие русских моряков. Те же считали свое служение долгом, повинностью, даже послушанием перед общиной, определившей их на эту обязанность. Известны и символичны лермонтовские строчки о русском офицере: «Слуга царю — отец солдатам». Для Ушакова моряки были не только родными детьми, они были братьями во Христе. Он пекся о них, обо всех их нуждах: одежде, пропитании, лечении. Достаточно вспомнить, что первый свой орден святого равноапостольного князя Владимира он получил не за сражения, а за спасение экипажа от моровой чумы, косившей всех в Херсоне в 1783 г. Один за одним выходили из-под его пера приказы и распоряжения о питании моряков, больных служителей, например от 18 октября 1792 г: «По случаю ж недостатка в деньгах по необходимости к сбережению служителей в здорovie, отпускаю я из собственных своих денег тринадцать тысяч пятьсот рублей... для покупки свежих мяс и ... для содержания госпиталей...»², или, обучая свою эскадру в 1797 г., он издал приказ о снабжении больных свежей провизией, опять из своих денег, обещая возместить расходы тем командирам, которые это сделают. Свои деньги для снабжения моряков он давал не раз, в том числе в заморских походах, и неизвестно, сколько вернула государственная казна. Эти затраты возвращались к нему беспредельной верностью моряков, их любовью и преданностью Отечеству, которые были важной составляющей океанического мышления, утверждавшегося Ушаковым.

Адмирал Ушаков всегда был нацелен на победу. Он творил ее постоянным напряжением сил, ума, создавал подго-

товкой, упражнениями, организацией. Ушаков требовал преодолевать пассивность, безразличие внутри себя, настраиваться на победу. Он был убежден: враг должен знать, что российский корабль, эскадра, флот непобедимы, а это уже предпосылка ослабления врага перед сражением.

Нам и сегодня как никогда важен опыт побед Ушакова, Суворова и Кутузова. По словам русского философа и публициста М. О. Меньшикова, поколения, воспитанные в бесславные годы, не могут быть столь же решительными, как поколения в века побед. Не будь Полтавы и Гангута, не было бы петровских побед. Не будь блистательных суворовских и кутузовских побед, не было бы и «золотого века» нашей дворянской культуры. Ушаков сегодня нужен нам, нашему флоту как символ высшего служения Отечеству, народу, символ духовного стояния в Вере.

Ушаков всегда заботился о флоте в целом, его боеспособности и необходимости для России. Когда в начале XIX в. к монаршей власти пришел Александр I, в его окружении появилось множество «реформаторов», поворачивавших Россию на другие, не екатерининские, не павловские, не имперские, пути.

Одним из «цивилизаторских» путей предлагался отказ России от флота, т. к. она сухопутная держава, и ей не нужно быть в числе первых морских стран. Другие требовали неимоверного количества средств для флота, не имея осознанного плана его развития.

Волей художественного воображения, в своем варианте киносценария я собрал в императорском кабинете Александра I в начале XIX в. ведущих военно-морских начальников и вершителей внутренних и иностранных дел. Они в те времена, правда, в разные годы, предлагали свои лжепроекты. По сценарию, Александр I выслушал их и попросил

высказаться Ушакова. Я с удовлетворением привожу твердые и резкие слова адмирала, которые вытекали из его постоянной позиции: «Ваше Величество! Заявление о том, что России большой флот не нужен, не от большого ума (Воронцов вспыхнул. Александр покачал головой, но не перечил). У Англии океанов много, но и у России их немало. Ведь из Черного и Балтийского морей прямой выход в Атлантику, а на востоке великий Тихий океан. Ведь у нас там Аляску, Форт Росс охранять надо. А торговать, что, одной Англии пристало? Мы из Одессы, Риги, Ревеля, Архангельска можем и должны везти товар, и их охранять должно морякам. Конечно, можно и Балтику оставить, и Крым туркам отдать. Но сколько же мы там крови пролили! Да и земли это древние славянские, их охранять, возделывать надо. Господин граф забыл, что Петр Великий сказал: „То государство, которое армию имеет — одну руку имеет, а то, которое флот имеет, то две руки имеет“. Почто он Россию одноруким хочет сделать? (Воронцов что-то хочет сказать, Александр успокаивает его жестом). А господин министр Чичагов считает, что деньгами сорить — самое главное доказательство деятельности, а тут ведь надо все рассчитать, какой корабль за каким строить, как оснащать. А главное, людей, команду, командиров научить. И не по знакомству их назначать, а за умение и знание. А то ведь у нас говорят, что флот нынешний создается не для неприятелей, а для приятелей. Ваше Величество, нельзя России без флота, нельзя его для прогулок содержать. Если плохо флоту, то и России плохо будет».

Не знаю, оставит ли режиссер эту сцену в фильме, но мне кажется, что она очень важна для прояснения характера Ушакова.

Думаю, что это гражданское бесстрашие Ушакова перед самыми высшими лицами и авторитетами в стране при защите государственных интересов флота должно быть важной частью характера и современного военачальника, того патриотического, океанического мышления, которое оставил нам Ушаков.

Что же касается фильма, то его создание одобрили Святейший Патриарх и министр культуры, выделив деньги. Однако, к сожалению, эти средства еще мизерны. Мы немало говорим о патриотизме, составляем программы патриотического воспитания, даже доктрины, но когда дело доходит до практических шагов, средств нет. Однако мы надеемся, что отечественный бизнес, ушаковские земли (Мордовия, Ярославщина, Архангельск, Санкт-Петербург) откликнутся на просьбы Центра духовно-патриотического служения Отечеству имени Ушакова по созданию такого фильма.

Нет сомнения, что прославление Ушакова привлекло к нему внимание не только людей верующих, но и всех граждански осмысливающих себя соотечественников.

Особую роль здесь играют наша литература, книги, журналы. В «Роман-журнале. XXI век», в журналах «Новая книга России», «Русский Дом», «Православная беседа», «О, Русская земля», в изданиях Мордовии, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и Ярославской земли за это время выходило немало исторических очерков, статей, материалов о той эпохе, о подвигах Ушакова. Вообще наша историческая литература в последнее время оказалась на высоте в борьбе за подлинные патриотические национальные ценности. Достаточно назвать полноценную и уже хорошо зарекомендовавшую себя премию «Александр Невский» за историческую прозу. Ее присуждали за такие

блестящие книги, как «Дмитрий Донской» (Ю. Лоциц), «Ермолов» (О. Михайлов) «Покрышкин» (А. Тимофеев), «Александр III» (И. Дронов), «Козьма Минин» (В. Шамшурин), «Александр Невский» (А. Сегень), «Генералиссимус» (В. Карпов), «Брусилов» (С. Семанов) и др.

Святейший Патриарх, благословляя всероссийский конкурс «Вера. Отечество. Флот. Адмирал Ушаков», который проводят в этом году Союз писателей России, компания «Гренадеры» и детский журнал «О, Русская земля», отметил: «Даже в советское время, когда наша Церковь подвергалась жестоким гонениям, русская литература сохраняла православную систему ценностей, формально себя с православием не отождествляя...

В годы войны весь наш народ, воспитанный на положительных образах русской литературы, явил чудеса мужества и героизма, чем еще раз засвидетельствовал неразрывную связь со своим историческим прошлым, героями минувших столетий, которые отстаивали независимость Родины под стягами Святого Православия»³.

Действительно, для молодого поколения — школьников, студентов — в образе Ушакова явился возвышенный, безусловный герой, образец для подражания. В ответе Святейшего Патриарха на вопрос: «Образ какого героя ждет общество? В каком герое, на Ваш взгляд, нуждаются общество и наше молодое поколение?» — мы получили целую программу высокого духовного воспитания, программу опорных действий в школе, прессе и обществе. Патриарх сказал: «...очевидно, что нельзя быть подлинным сыном своего Отечества, своей страны, не зная ее истории, будучи чуждым ее религиозно-культурного наследия. Убежден, именно с православием связана будущая судьба России, и поэтому перед лицом тех, кого именуют „нашим будущим“, я обра-

щаюсь к вам с пожеланием быть добрыми преемниками традиций своих великих предков, таких, как святой праведный воин Феодор (Ушаков), чьими усилиями и чьей верой было создано могущественное Российское государство.

Именно такого героя, на наш взгляд, ждет общество, в таком герое нуждается наше молодое поколение. Думаю, что такое желание выскажут и участники конкурса „Вера. Отечество. Флот. Адмирал Ушаков“, который мы поддерживаем и благословляем»⁴.

Действительно, сотни сочинений, исследований, стихотворений, песен, которые стекаются в Союз писателей России, свидетельствуют, что нам не следует разочаровываться в молодом поколении. Подростки, юноши, девушки представили насыщенные фактами, глубокими размышлениями, осмыслением прошлого и нынешнего времени работы, рисунки, стихи, песни. Один из них, 14-летний юноша из Белгорода, заявил, что он человек ответственный и серьезный, поэтому и цели выбирает для себя ответственные и серьезные, в итоге идеалом, образцом он избрал для себя жизнь Федора Ушакова. Понимая недостижимость его святости, он тем не менее четко сформулировал для себя задачу — «буду следовать мужеству, героизму и всем качествам православного воина».

Подводя итог первого этапа конкурса, мы предлагаем продлить его сроки с учетом и 5-летия празднования прославления, освящения собора святого праведного воина Феодора (Ушакова) в Мордовии, и того всеобщего интереса, который проявляет молодое поколение к духовному подвигу адмирала.

Вокруг Ушакова распространялось некое православное поле, то есть благодать, ибо он и сам проявлял христианское терпение, внимание к ближнему. Правилom для него во все

периоды жизни было помогать своим подопечным молитвой и любовью. Мы сегодня в нашей суетной жизни, к сожалению, часто не находим времени на полную и постоянную молитву. Историк Д. Н. Бантыш-Каменский, собиравший сведения об Ушакове и писавший о последних годах его жизни, отмечал, что Федор Федорович, находясь в Севастополе, обязательно молился на литургической службе, каждый день слушал заутреню, особенно вечерню; был чрезвычайно привержен вере. Всего он проводил в молитве не менее четырех часов в сутки (!!!). После возвращения эскадры из военного похода он всегда отправлялся с экипажами в храм на благодарственную молитву. Для окружающих было очевидно Божье благоволение к Ушакову. Так, главный стратег русской политики на юге России князь Григорий Потемкин в боевой инструкции Ушакову писал, чтобы тот возлагал твердую надежду на Бога и верил в победу.

В найденных нами материалах переписки одного из керкирских негоциантов с русским консулом в Венеции говорится о восхищении молитвенным и гражданским подвигом Федора Ушакова. Греки поражались молитвенному усердию самого адмирала, его офицеров и моряков, заполнявших все шесть храмов Керкиры, отведенных им во время церковных служб.

Молясь в храме Санаксарского монастыря и в келье по целым седмицам, Ушаков утверждался в сознании окружения, монахов и мирян как великий молитвенник. Незримая, но прочная связь адмирала с Богом сподвигла его на великую благотворительность, на милосердие. Вот тогда-то, в начале XIX в., на тамбовской, пензенской и мордовской земле проявилась в полной мере его духовная суть. Современники увидели в нем Божьего подвижника, а не только героя битв и походов. Недаром в поминальном слове об

адмирале современник писал, что его имя причислялось к именам знаменитых русских мореходов, а добродетели запечатлелись в сердцах всех тех, кто был с ним знаком в последние годы его жизни.

Есть еще одна известная, но все более расширяющаяся часть биографии духовного подвига Ушакова, — Россия и Греция. Подвиг Ушакова по освобождению Ионических островов отмечен в его «Житии» как серьезное православное деяние его жизни. Действительно, Россия всегда была благодарна светоносной Элладе, Византии, откуда пришел в наше Отечество свет христианства. Миссия Ушакова состояла в том, что, освобождая Ионические острова от безбожного воинства французской Директории, он расчищал плацдарм для освобождения Греции от 300-летнего оттоманского ига. Ушаков создал первое греческое государство со своей демократической конституцией, органами власти, армией, греческим языком и, главное, восстановил православный епископат.

Это было начало возвращения Россией духовного долга Греции. К сожалению, эта миссия Ушакова и России с течением лет стала забываться, и как я понимаю, во многом не случайно. В 1987 г., когда я работал в архиве острова Керкиры и попросил документы того периода, мне принесли папки с надписью «Русско-турецкая оккупация 1798 — 1799 гг.». Я не выдержал и с возмущением сказал: «Побойтесь Бога! Он освободил вас, дав свободу, конституцию, восстановил православие, а тут... оккупация». Архивист смутился и сказал: «Здесь на островах 40 лет был протекторат Англии, и английские историки оставили нам эту периодизацию и ее обозначение». Вот так, кто-то не хочет, чтобы именно Россия была освободительницей, созидательницей, другом народа Греции. Как часто с неблагодарностью

мы слышали слово «оккупация»! Прославление Ушакова Русской православной церковью во многом заставило пересмотреть такие взгляды. Владыка Варсонофий помнит, как в 2002 г. делегация Русской православной церкви и фонда «Русский предприниматель» — русские писатели, ученые, военные, предприниматели — были на Корфу, привезли икону и частицу мощей святого праведного воина Феодора. Это было триумфальное шествие, когда Федор Ушаков через 200 лет снова пришел на Корфу. На церемонии открытия мемориального памятника были отряд моряков черно-морского корабля «Ямал» и оркестр. Сотни людей — старики, дети, молодые женщины — крестились при прохождении иконы, многие выбегали и прикладывались к лику. Однако признание святости Феодора Ушакова на Керкире произошло не сразу. После большой пресс-конференции, ответов владыки Варсонофия, после научной конференции о деятельности Ф. Ф. Ушакова в Средиземноморье и на Керкире, которые организовали Керкирский и Афинский университеты и Союз писателей России, доктор филологических наук Е. Стериопулу, после второй и третьей Ушаковских недель в 2004 и 2005 гг., издания брошюры профессора В. Ганичева об Ушакове на греческом языке на островах все больше узнавали о деятельности Ушакова, его святости.

Номарх (мэр) Керкиры в 2005 г. на митинге у памятника великому сыну греческого народа, выходцу с Керкиры И. Каподистрии, бывшему фактическим министром иностранных дел России после войны 1812 г., сказал, что жители острова связаны великими и нерасторжимыми узами с Россией; ныне они молятся двум великим святым — Спиридону Тримифунтскому и Феодору Ушакову. Действительно, Керкира — боговдохновенный остров, с которого в Россию тянутся многие духовные нити, откуда вышли замечатель-

ные просветители и политики, связавшие свою судьбу с Россией. Их жизненный путь, исторические действия не раз пересекались с жизнью и деяниями Ушакова. Эта тема прозвучала еще на одной общей конференции. В июне завершилась по благословию митрополита Керкирского Нектария церковно-научная конференция, посвященная жизни и деятельности двух замечательных керкирян, греческих просветителей и архиепископов Русской православной церкви Евгения Булгариса и Никифора Феотокиса. Е. Булгарис — замечательный ученый, священник — был приглашен Екатериной II на должность императорского ученого библиотекаря, возведен в сан архиепископа и стал первым заместителем образованной в 70-е гг. XVIII в. на землях южной Новороссии Херсонской и Славянской епархии. Он закончил жизнь в Санкт-Петербурге, в Александро-Невской лавре, написав десятки богословских, исторических, культурологических и поэтических книг. Другой блестящий керкирец, Н. Феотокис, тоже стал (после Булгариса) архиепископом Херсонским и Славянским, а затем Астраханским; последние годы своей жизни был заместителем Свято-Данилова монастыря, где и упокоен. На месте его упокоения в июне 2005 г. был установлен в присутствии греческих дипломатов белый мраморный крест, и заместитель монастыря архимандрит Алексей совершил панихиду перед отъездом на керкирскую конференцию. Я делал на этой конференции доклад о пересечении судеб Булгариса и Феотокиса с судьбой Ушакова, в 1783 — 1786 гг. все они оказались в Херсоне. Ушаков получил в командование большой корабль «Святой Павел», достраивал его, обучал команду. Здесь он был награжден первым орденом Святого Владимира за спасение экипажа от чумы. Феотокис возглавил в это время Херсонскую епархию.

Булгарис находился здесь на покое, творчески работал, писал духовные сочинения. Ясно, что они не раз встречались в храме, на трапезах у владыки; рассуждали о Средиземноморье, где Ушаков был уже не раз, об Ионических островах, которые ему предстояло освободить.

Церковно-научная конференция прошла успешно, показав неразрывность исторических, духовных и культурных связей России и Греции, Русской и Элладской православных церквей. Это еще раз подтвердил Святейший Патриарх в ответах «Роман-журналу. XXI век», в номере, посвященном прославлению Ушакова.

Мы все приветствуем и благодарим власти Керкиры, ее ученых, краеведов, митрополита Нектария, всех керкирян за их гостеприимство, дружелюбие, уважение и память о великом святом праведном воине Феодоре (Ушакове).

Олег Костин, один из руководителей фонда «Русский предприниматель», проводящего Ушаковскую неделю, привез нам радостную весть, что создается общество русско-керкирской дружбы. Я уверен, что многие из участников нашей конференции с благодарностью вступят в это общество.

Уважаемые участники конференции! Конкурс «Вера. Отечество. Флот. Адмирал Ушаков» обращен к школьникам, кадетам, студентам, курсантам, он может объединить всех молодых и юных. Хотя не всех объединяют море и флот, но всех объединяют Вера и Отечество. В конкурсе есть тема «Твоя река впадает в океан». Иными словами, у каждого из нас есть животворный исток — источник, который соединяет нас с миром нашей великой Веры, великого Отечества, великой Истории. Одним из таких жизневостановительных, духовных источников становится житие святого праведного воина, непобедимого Феодора Ушакова, к которому мы и припадаем в эти дни.

Библиографические ссылки

¹ См.: Меркушкин Н. И. Морская республика в глубине России : [беседа с Главой Респ. Мордовия / записал В. Н. Ганичев] // Роман-журн. XXI в. 2006. № 6. С. 7.

² Адмирал Ушаков : документы : в 3 т. М., 1951. Т. 1. С. 584.

³ См.: Алексей II. Судьба России : [беседа со Святейшим Патриархом Моск. и всея Руси / записал В. Н. Ганичев] // Роман-журн. XXI в. С. 4.

⁴ Там же. С. 4.

Поступила 10.08.2006 г.

УДК 355.49

В. Д. Овчинников

ПОБЕДА РУССКОГО ФЛОТА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ Ф. Ф. УШАКОВА НАД ТУРЕЦКИМ ФЛОТОМ У ОСТРОВА ТЕНДРА

Вторая русско-турецкая война в царствование Екатерины II началась для России неожиданно, в августе 1787 г. Манифест о начале войны с Турцией был подписан императрицей 9 сентября и обнародован во всех церквях. «Мы полагаем НАШУ твердую надежду на правосудие и помощь Господню, — с глубоким чувством оглашали его священники, — и на мужество полководцев и войск НАШИХ, что пойдут следами своих недавних побед, коих свет хранит память, а неприятель носит свежие раны». Патриотический пафос манифеста, несомненно, благотворно подействовал на моральный дух всего русского народа и его

воинства. Однако общая расстановка сил на предстоящем театре военных действий складывалась не в пользу России.

Строившийся на Черном море флот не достиг штатной численности и по количеству кораблей значительно уступал противнику. В Херсоне и на азовских верфях были спущены на воду и вошли в боевой состав четыре 66-пушечных линейных корабля, 20 фрегатов, бомбардирский корабль, 3 шхуны, 4 шхунары, 7 ботов и 30 более мелких судов и транспортов. Кроме того, в Херсоне в процессе строительства находились 80-пушечный корабль и 50-пушечный фрегат. Из 12 запланированных по штату кораблей к лету 1787 г. в строю находилось всего 5.

Дислокация и состояние армий не позволяли немедленно начать активные наступательные действия, поэтому на первое время им предписывалось лишь охранять свои границы, и только Черноморский флот получил приказ действовать решительно, чтобы громкой победой на море, подобной Чесменскому сражению, вырвать у турок инициативу.

31 августа флот по настоятельному требованию генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина, князя Таврического, вышел в море к румелийским берегам (современное болгарское побережье) для поиска неприятельского флота. Однако, к несчастью, на подходе к Варне флот, застигнутый жесточайшим штормом, был рассеян по морю. Пока линейный флот приводился в порядок, главный удар приняла на себя Лиманская эскадра, которая нанесла ощутимый удар турецкому флоту в сражениях под Очаковом 7 и 17 июня 1788 г. В последнем сражении турки потеряли 6 линейных кораблей, один из которых, 50-пушечного ранга, был взят в плен; 2 фрегата, 2 шебеки, бомбардирский корабль, галеру, транспортное судно. Людские потери составили 6 тыс. человек, 2 тыс. из которых утонули, а 1 763 попали в плен.

С российской же стороны погибли только 2 офицера и 10 рядовых, были ранены 11 офицеров и 57 нижних чинов. Победа Лиманской эскадры в неравном сражении с турецким флотом подняла боевой дух русских моряков. В честь этого знаменательного события во всех церквах отслужили праздничные молебны. Была выбита памятная медаль.

Продолжая оставаться под Очаковом, командующий турецким флотом капудан-паша Гассан получил известие о выходе в море русских кораблей. К этому времени турки, получив подкрепление, располагали 17 линейными кораблями, 8 фрегатами, 3 бомбардирскими кораблями и 21 шебекой. Черноморский флот под командованием контр-адмирала М. И. Войновича имел всего два 66-пушечных линейных корабля, 10 больших фрегатов, 18-пушечный фрегат и 23 мелких судна.

Выйдя 18 июня из Севастополя, Черноморский флот из-за встречного ветра только 29 июня смог дойти до острова Тендра, где к вечеру и обнаружил противника, шедшего попутным ветром. Однако до решительного боя дело не дошло, турки по непонятным причинам упорно пытались уклониться от боевого столкновения. Противникам понадобилось еще трое суток, чтобы прекратить бесконечные маневрирования. Наконец 3 июля на рассвете оба флота подошли к устью Дуная и встали вблизи острова Фидониси. Ветер дул с севера. Неприятель находился на ветре. Бой стал неизбежным.

В 6 часов утра контр-адмирал Войнович построил свой флот левым галсом к неприятелю. Прошло еще 8 часов, прежде чем капудан-паша, выстроив свои корабли в две плотные колонны, начал сближаться с русским флотом. Затем, остановив весь строй, он обошел его и дал капитанам устные указания, учредив арьергард из 5 кораблей во главе

с реал-беем (контр-адмиралом), затем кордебаталию из 6 кораблей под командой патрон-бея (вице-адмирала), и в авангарде также с 6 кораблями пошел сам. Фрегаты и шебеки разделились против линии и держались несколько выше на ветре. Командиру русского авангарда капитану бригадирского ранга Ф. Ф. Ушакову не терпелось вступить в бой. По опыту сражений в Лимане он уже знал, на что способны турки, поэтому смело вел вперед свой авангард. В начале движения Ушаков решил растянуть строй турецких кораблей, чтобы большая часть русского флота не оставалась в бездействии. По его команде передовые фрегаты пошли круче к ветру, чтобы выиграть его и бить неприятеля уже с двух сторон, взяв его, таким образом, в два огня. Капудан-паша разгадал намерения командира русского авангарда и также начал приводить свой строй выше к ветру, при этом весь турецкий флот вытягивался в линию параллельно русскому флоту. В результате произведенного маневра в русской линии образовался «погиб», и авангард Ушакова оказался ближе всех к неприятелю. Все шло так, как задумывал Ушаков. Начался бой.

Первыми открыли огонь турки. Капудан-паша, зайдя немного вперед «Святого Павла», поставил против него самый большой 80-пушечный корабль и два 60-пушечных, а сам с 2 передовыми кораблями, прибавив парусов, бросился догонять головные русские фрегаты «Берислав» и «Стрела». Ушаков также увеличил ход и отрезал от капудан-паши 2 передовых турецких корабля. Этим маневром он лишил возможности «крокодила морских сражений» Гассана охватить русские фрегаты или взять их на абордаж.

Оказавшись отрезанными от основных сил своего флота, передовой турецкий корабль, «не дожидаясь никакого сигнала... с великой торопливостью без бою поворотил оверш-

таг и ушел на ветер»¹. С «Берислава» и «Стрелы» на следующий за ним неприятельский корабль было удачно брошено несколько брандскугелей (зажигательных бомб) и ядер, в результате чего и он повернул на ветер. Таким образом, оба передовых турецких корабля стали спешно покидать поле боя. Не остановили их и ядра, пущенные по ним с корабля капудан-паши, который, в свою очередь, был вытеснен «Святым Павлом» из своего боевого порядка и в пылу сражения оказался борт в борт с русскими фрегатами. «Дрался он с чрезвычайным жаром, — писал позднее Ушаков, — но Всевышний нам сим положением и победою спомоществовал и уповаю в корабле его, повидимости, должно быть столько пушечных пробоин, что скоро сосчитать нельзя» (С. 65). Не выдержав атаки, капудан-паша оставил поле боя, а за ним последовали и другие его корабли. Турецкий флот, получив большие повреждения, обратился в бегство. Первая генеральная баталия российского флота на Черном море завершилась победой. Сражение при Фидониси не оказало существенного влияния на всю кампанию, но оно было примечательно в другом. Впервые в открытом морском сражении малочисленный русский флот одержал победу над значительно превосходившими силами противника. Это сражение явилось прологом конца турецкого владычества на Черном море и вместе с тем началом расцвета российского военно-морского искусства.

Командуя только авангардом, Федор Ушаков в действительности руководил боем всего флота, и его личная храбрость, выдающиеся качества командира привели Черноморский флот к очень важной первой победе в открытом море. При отсутствии потерь с обеих сторон успех в этом сражении следует считать духовной победой, в которой христианское самоотвержение наполнило силой воинское

искусство. Привели к победе, конечно же, люди — русские моряки, бесконечно преданные своему командиру. Воздавая должное их мужеству, в донесении к Войновичу Ушаков писал: «...все находящиеся в команде вверенного мне корабля „Святого Павла“ господа обер-офицеры и нижних чинов служители каждый по своему званию определенные от меня им должности исправляли с таким отменным старанием и храбрым духом, что за необходимый долг почитаю отнестъ им всякую за то достойную похвалу» (С. 63). Позднее, обращаясь уже к самому Потемкину, говоря ему об истоках победы в сражении, Ушаков отмечал: «...желая и имея верную надежду на Бога, с помощью Его оную выиграть. Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей, они стреляли в неприятельские корабли нечасто и с такою сноровкою, казалось, что каждый учится стрелять по цели, снравливая, чтоб не потерять свой выстрел... Наипокорнейше прошу вашей светлости удостоить команду мою служителей наградить каким-либо малейшим знаком милости. Они во всем словам моим бесомненно верят и надеются, а всякая их ко мне доверенность совершает мои успехи...» (С. 73).

Таким образом, первое сражение линейных флотов в открытом море со всей очевидностью показало явное морально-психологическое превосходство русских моряков. Победы Черноморского флота в первый год войны и взятие Очакова положили начало победоносному шествию русских войск и значительно подорвали решимость турецких правителей продолжать войну. Вместе с тем выявились слабые боевые возможности Черноморского флота (2 линейных корабля против 17 турецких). Для его усиления из Лиманской флотилии в Севастополь были переведены еще 2 линейных корабля. Кроме того, специальным orderом Потем-

кина от 19 июля 1788 г. были зачислены в ранг линейных кораблей 40- и 50-пушечные фрегаты, перевооруженные пушками большего калибра (36-фунтовыми).

Перед началом кампании 1789 г. Потемкин решил произвести перестановку в командном составе флота и поручить главную его силу Ушакову, человеку, по мнению командующего, более достойному и знающему, чем граф Войнович. 14 апреля состоялось производство Ушакова в чин контр-адмирала, и в тот же день Федор Федорович получил под свое начало корабельный флот, базировавшийся в Севастополе.

В этом году Черноморскому флоту не пришлось сразиться с неприятелем, который уклонялся от открытых столкновений. Основные события кампании разворачивались на суше, в результате которых турецкая армия потерпела сокрушительное поражение. В войне произошел коренной перелом.

Наконец наступил достопамятный для Черноморского флота 1790 год. 14 марта командующим Черноморским флотом вместо отправленного на Каспий Войновича был назначен Ушаков. В orderе Потемкина по этому поводу значилось: «Не обременяя вас правлением адмиралтейства, препоручаю вам начальство флота по военному употреблению...» (С. 118). Тогда же в письме императрице Екатерине II он писал, что Ушаков будет его помощником.

Согласно плану военных действий кампании значительные сухопутные силы необходимо было сконцентрировать у западных границ на случай непредвиденных действий со стороны Пруссии, а на Дунае надлежало вести оборонительные действия. Не мешкая, Ушаков стал готовить весь флот для выхода в море, используя для этих нужд собственные средства за неимением таковых в Черноморском адмиралтейском правлении. К концу июня на рейде

Севастополя уже стояли в готовности 10 кораблей, 6 фрегатов, 13 крейсерских судов и несколько более мелких судов. К этому времени Ушаков получил известие о выходе из Константинополя турецкого флота под флагом самого капудан-паши Гуссейна. Сорок судов различной величины, основу которых составляли линейные корабли с посаженным на них сильным «высадным корпусом», шли, чтобы поразить русские эскадры на черноморских водах, сделать высадку на таврические берега и присоединить этот полуостров как древнее владение к Турции.

Получив известие о появлении противника у Керченского пролива, Ушаков немедленно отправил донесение Потемкину и 2 июля отдал приказ Черноморскому флоту вступить под паруса. Оставив за себя старшим в порту капитана 1-го ранга Д. Доможирова, командующий дал ему все нужные распоряжения, предписав усиленно охранять порт и суда. Особое внимание он обратил на сохранение здоровья служителей. «Если найдутся свободные люди, — писал Ушаков, — не оставьте вспомоществовать старанием вашим о построении новой госпиталя и о поправлении старых, имейте старание о сбережении больных служителей сходно с предписанием, от меня об оном сделанным...» (С. 202).

Потемкин, получив извещение Ушакова, 3 июля отправил ему очередной ордер: «В соответствие рапорта вашего об оказавшемся ввиду берегов таврических неприятельском флоте, предписываю вашему превосходительству смотреть, куда онный наклоняется, и старайтесь решить с ним дело. Молитесь Богу, Он нам поможет. Положите на Него всю надежду, ободрите команду и произведите в ней желание к сражению. Милость Божия с вами. Уведомляйте меня по часту, не пойдут ли они для намереваемого десанта к Ениколю» (С. 208).

7 июля Ушаков с вверенным ему флотом встал на якорь недалеко от Керченского пролива, имея все основания ожидать появления неприятеля со стороны Анапы. Его предположения оправдались. Утром 8 июля при мрачной погоде и северо-восточном ветре на горизонте показался турецкий флот в составе 10 линейных кораблей (из них 4 флагманских), 8 фрегатов и 36 других судов. Ушаков немедленно отдал приказ сниматься с якоря и строить линию баталии левого галса. Турки также стали выстраиваться в боевой порядок и в 12 часов дня первыми открыли огонь, направив главный удар на авангард бригадира флота Г. К. Голенкина. Однако тот выдержал атаку неприятеля и точным ответным огнем сбил его наступательный порыв. Капудан-паша все же продолжил натиск, подкрепляя силы на направлении главного удара кораблями с большими орудиями. С началом сражения оказалось, что ядра с русских фрегатов, поставленных в линию из-за недостатка линейных кораблей, не долетают до неприятеля. Тогда Ушаков подал им сигнал выйти из линии для возможного оказания помощи авангарду, а остальным кораблям — сомкнуть образовавшуюся между ними дистанцию. Не подозревая об истинных намерениях русского флагмана, турки очень обрадовались этому обстоятельству. Их вице-адмиральный корабль, выйдя из линии и став передовым, начал спускаться на русский авангард с целью его обхода. Однако Ушаков предвидел возможное развитие событий, а потому, мгновенно оценив обстановку, подал сигнал резерву защитить свои передовые корабли. Фрегаты подоспели вовремя и заставили турецкого вице-адмирала пройти между линиями под сокрушительным огнем русских орудий.

Используя благоприятную перемену ветра на 4 румба (45 градусов), Ушаков стал сближаться с противником на дистанцию картечного выстрела, чтобы ввести в действие всю артиллерию, включая малую. От перемены ветра и решительного напора русских турки пришли в замешательство. Они стали поворачивать через оверштаг всей колонной, подставив себя под мощный залп флагманского 80-пушечного корабля Ушакова «Рождество Христово» и 66-пушечного корабля «Преображение Господне», неся при этом большие разрушения и потери в живой силе (на борту турецких кораблей находился десант, предназначенный для высадки в Крыму).

У неприятеля особенно пострадали вице-адмиральский корабль и еще два корабля, которые едва не сцепились с русским арьергардом. Капудан-паша, пытаясь защитить их, спустился под ветер и стал проходить в непосредственной близости от боевого порядка русских, в результате чего также получил большие повреждения. Вскоре, будучи уже на ветре, Ушаков подал очередной сигнал авангарду исполнить поворот всем вместе через оверштаг и стремительно войти в кильватер корабля «Рождество Христово», ставшего передовым. После исполненного маневра уже вся русская линия во главе с адмиралом очень быстро оказалась на ветре у неприятеля, что значительно усугубило положение турок. Не надеясь выдержать очередную атаку, турки дрогнули и пустились в бегство к своим берегам. Легкость в ходу турецких кораблей спасла их от разгрома. Уходя от преследования, они растворились в ночной темноте. Этим и закончилось Керченское сражение, в результате которого была сорвана попытка высадки вражеского десанта в Крыму. Противник понес большие потери, тогда как русские потеряли только 29 человек убитыми и 68 ранеными. Отслу-

жив благодарственный молебен, эскадра вернулась в Севастополь.

Как и в сражении при Фидониси, турецкий флот избежал более значительных потерь из-за преимущества в скорости хода. После Чесменского сражения он пополнился кораблями новой постройки, изготовленными под руководством французских мастеров. Большинство турецких кораблей были обшиты медью, тогда как российские суда (черноморской постройки) в подводной части сильно обрастали ракушечником и терпели множество бед от водяных червей, что делало их тяжелыми на ходу. Однако все это не умаляло заслуг русских моряков. Образец личной храбрости показал в сражении Ушаков. Он проявил себя умелым флотоводцем, способным мыслить творчески и принимать нестандартные решения, рационально распоряжаться силами флота. В сражении им четко прослеживалось стремление поставить флагманский корабль в голову колонны, принять на себя инициативу и вместе с тем дать определенную самостоятельность в маневре своим командирам. Ярко проявилось преимущество русских моряков в выучке и огневой подготовке. Ушаков в максимальной степени использовал мощь своей артиллерии, тем самым сведя на нет численное преимущество противника и сосредоточив главный удар на его флагманских кораблях.

В ознаменование победы в Керченском сражении Потемкин направил Ушакову письменную благодарность: «Отдавая полное уважение победе, одержанной вами над флотом неприятельским... приписую оную благоразумию вашего превосходительства и неустрашимой храбрости вверенных вам сил. Примите через сие, ваше превосходительство, засвидетельствование моего удовольствия и признательности и объявите оные всем подчиненным вашим» (С. 239), а в

письме к императрице отметил достоинства Ушакова как военачальника и выразил уверенность, что из него выйдет великий морской предводитель. В ответном послании Екатерина II сообщила: «Победу Черноморского флота над Турецким мы праздновали вчерась молебствием в городе у Казанской, и я была так весела, как давно не помню. Контр-адмиралу Ушакову великое спасибо прошу от меня сказать и всем его подчиненным» (С. 257).

Турки же донесли Порте о своей победе, и по Константинополю незамедлительно пополз слух об этом с красочным описанием подвигов Гуссейна, который во время сражения якобы потопил четыре российских фрегата. Однако капитаны с прибывших в Константинополь кирлангичей, вопреки ожиданиям народа, стали говорить о том, что турецкий флот сильно поврежден в бою, потеряно 18 судов, а российские суда все целы и практически не имеют повреждений. Султан, обеспокоенный фактическим положением своего флота, приказал прислать для него подкрепление. Он намеревался вновь вывести флот в море, чтобы, разделив на четыре части, отправить к Севастополю для высадки десанта с очевидной целью захвата порта и уничтожения стоящих там русских кораблей. Таким образом, разбросанный по всему Черному морю турецкий флот опять сосредоточивался в районе Варны для нового нападения на российские берега. Однако окрыленный победой Ушаков не собирался упускать инициативу. Приведя в порядок поврежденные корабли, Черноморский флот снова был готов к встрече с врагом.

Замысел русского командования сводился к тому, чтобы соединенными силами линейного и гребного флотов нанести сокрушительное поражение туркам, лишив их возможности продолжать войну на море, и тем самым создать угрозу турецкой столице. В это время, 6 августа, Ушаков получил

донесение из Балаклавы о появлении там 29 неприятельских судов, а 10 августа их обнаружили на траверзе Георгиевского монастыря, находившегося недалеко от Севастополя. Ушаков немедленно распорядился о приготовлении флота. Он ждал случая для генерального сражения, который вскоре представился. С небольшим запозданием, 12 августа, Потемкин извещал Ушакова о появлении 27 июля большого турецкого флота в районе устья Днестра. При этом он приказывал немедленно выйти в море, соединившись с гребным флотом, чтобы совместными усилиями найти и атаковать неприятеля. «При сих случаях, — предписывал главнокомандующий, — не должно заниматься стрельбою издали, но подходить как можно ближе, чтобы заряды не терялись напрасно» (С. 275). 16 августа он повторил приказание и известил о намерении прибыть к Гаджибею, чтобы лично наблюдать флот. Ордером от 18 августа Ушакову была поставлена более конкретная задача: подойти к устью лимана, присоединить к себе 46-пушечный корабль «Навархия» («Вознесение Господне») и 3 фрегата, сопровождаемые гребным флотом под командованием генерал-майора флота И. М. де Рибаса, после чего найти и разбить неприятеля. При этом в случае боя в прибрежном районе гребным судам надлежало оказывать содействие главным силам. За день до этого приказа, 17 августа, весь турецкий флот в составе 17 трехмачтовых, 18 двухмачтовых и 2 одномачтовых судов собрался около устья Днепровского лимана и встал на якорь.

Обнаружив с берега прибытие к Днепровскому лиману крупных неприятельских сил, генерал-майор М. И. Кутузов выслал в море лансон № 3 под командованием прапорщика Кондогурия для ведения разведки, о результатах которой немедленно рапортовал Потемкину и «летучей»

(голубиной) почтой оповестил Ушакова. Турки же, не наблюдая движения российских кораблей со стороны Севастополя, чувствовали себя достаточно спокойно. Утром 21 августа их флот снялся с якоря и под малыми парусами при северо-западном ветре стал отходить в сторону Очакова. Поздно вечером того же дня, миновав Гаджибейский фонарь (маяк), турецкий флот бросил якорь на самом фарватере по линии норд-зюйд. Собрав все свои силы между Гаджибеем (ныне Одесса) и островом Тендра, капудан-паша Гуссейн жаждал реванша. Своей решимостью сразиться с неприятелем он сумел убедить султана в скором поражении российских морских сил на Черном море и тем заслужил его благосклонность. Селим III для верности дал в помощь своему другу и родственнику (Гуссейн был женат на его сестре) опытного адмирала Саид-бея, намереваясь переломить ход событий на море в пользу Турции. Однако на пути к их заветной цели встал русский адмирал Ушаков. Имея под своей командой 10 линейных кораблей, 6 фрегатов, 17 крейсерских судов, бомбардирский корабль, репетичное судно и 2 брандера, 25 августа он вышел из Севастополя и направился к Очакову, чтобы соединиться с гребным флотом и дать бой неприятелю.

Утром 28 августа, не ожидая никаких неприятностей, турецкий флот, состоящий из 14 линейных кораблей, 8 фрегатов и 23 других судов, продолжал стоять на якоре между островом Тендра и Гаджибеем. Его командующий, как обычно, направил в море несколько крейсеров. Вдруг со стороны Севастополя Гуссейн увидел русские корабли, идущие под всеми парусами в походном порядке трех колонн. Это движение заметил и прапорщик Кондогурий. Он немедленно отправил донесение Кутузову, что видит

российский флот, находящийся недалеко от турецкого в выигрышном положении из-за ветра. Появление русских привело турок в замешательство. Несмотря на превосходство в силах, они спешно стали рубить канаты и в беспорядке отходить к Дунаю. Ушаков, справедливо полагая, что в нравственном отношении половина победы уже на его стороне, приказал нести все паруса и, оставаясь в походном порядке, стал спускаться на неприятеля. В это же время Ушаков обнаружил гребной флот де Рибаса, находившийся между Гаджибеем и островом Ада. Чтобы предупредить о своем намерении атаковать турок, Ушаков отрядил к де Рибасу крейсерское судно. Командующий гребной флотилией также был намерен участвовать в сражении, но погодные условия не позволили этого сделать. Передовые турецкие корабли, наполнив паруса, удалились на значительное расстояние. Однако, заметив опасность, нависшую над аррьергардом, капудан-паша стал соединяться с ним и строить линию баталии. Ушаков, продолжая сближение с неприятелем, также отдал приказ перестраиваться в боевую линию. В результате русские корабли быстро выстроились в боевой порядок на ветре у турок.

Используя оправдавший себя в Керченском сражении тактический прием, Ушаков вывел из линии три фрегата — «Иоанн Воинственник», «Иероним» и «Покров Богородицы» — для обеспечения маневренного резерва на случай перемены ветра и возможной при этом атаки неприятеля с двух сторон. В 15 часов, подойдя к противнику на дистанцию картечного выстрела, Ушаков принудил его к бою, и уже вскоре под мощным огнем русской линии противник начал уклоняться под ветер и приходить в расстройство. Подойдя ближе, русские со всей силой обрушились на передовую часть турецкого флота. Флагманский корабль

Ушакова «Рождество Христово», ведя бой с тремя кораблями противника, заставил их выйти из линии.

Пораженный грандиозностью начавшегося сражения, прапорщик Кондогурий не переставал креститься и воссылать молитвы ко Всевышнему, прося его о помощи в сражении с иноплеменным врагом. Переведя дух, он написал рапорт Кутузову о происходящем на его глазах жарком бое и голубиной почтой отправил по назначению.

Кутузов всей душой переживал за своего старого товарища, с которым познакомился больше десяти лет назад на его фрегате «Святой Павел» во время перехода из Ливорно в Константинополь. Получив донесение от Кондогурия, Кутузов развернул свиток и начал читать. Присутствовавшие при этом офицеры по выражению лица генерала поняли, что сражение складывалось в пользу Ушакова. Кутузов приказал подать ему бумагу и сам сел писать донесение Потемкину о начавшемся сражении, выразив надежду на скорую победу российского флота.

К 17 часам вся турецкая линия была окончательно разбита. Теснимые русскими, передовые неприятельские корабли повернулись к ним кормой, чтобы выйти из боя. Их примеру последовали остальные суда, ставшие в результате этого маневра передовыми. Во время поворота по ним был сделан ряд мощных залпов, причинивших большие разрушения. Особенно пострадали два флагманских турецких корабля, находившихся против «Рождества Христова» и «Преображения Господня». На турецком флагмане были сбиты грот-марсель, перебиты реи, стены и разрушена кормовая часть. Бой продолжался. Русские капитаны храбро следовали примеру своего командующего, продолжавшего преследование адмирала. Три турецких корабля были отрезаны от основных сил, а кормовая часть корабля капудан-

паши разнесена в щепки русскими ядрами. Замешательство турок возрастало с каждой минутой. Наконец, неприятель обратился в бегство в сторону Дуная. Ушаков преследовал его до тех пор, пока темнота и усилившийся ветер не вынудили прекратить погоню и встать на якорь.

На рассвете следующего дня оказалось, что турецкие корабли находятся в непосредственной близости от русских, а российский фрегат «Амвросий Медиоланский» оказался среди вражеского флота. Однако, так как флаги еще не были подняты, турки приняли его за свой. находчивость командира — капитана М. Н. Нелединского — помогла ему выйти из столь сложного положения. Снявшись с якоря с прочими турецкими судами, он продолжал следовать за ними, не поднимая флагов. Понемногу отставая, Нелединский дождался момента, когда опасность миновала, поднял Андреевский флаг и ушел к своему флоту. Ушаков отдал команду поднять якоря и вступить под паруса для преследования противника, который, имея наветренное положение, стал рассеиваться в разные стороны. Однако от турецкого флота отстали сильно поврежденные 74-пушечный корабль «Капудания», который был флагманским кораблем Саид-бея, и 66-пушечный «Мелеки Бахри». Последний, потеряв своего командира Кара-Али, убитого ядром, сдался без боя, а «Капудания», пытаясь оторваться от преследования, направил курс к мелководью, отделявшему фарватер между Кинбурном и Гаджибеем. В погоню был послан командир авангарда капитан бригадирского ранга Голенкин с двумя кораблями и двумя фрегатами. Корабль «Святой Андрей» первым настиг «Капуданию» и открыл огонь. Вскоре подоспел «Святой Георгий», а вслед за ним — «Преображение Господне» и еще несколько судов. Подходя из-под ветра и произведя залп, они сменяли друг друга.

Корабль Саид-бея был практически окружен, но, несмотря на свое незавидное положение, продолжал храбро защищаться. Ушаков, видя бесполезное упорство неприятеля, в 14 часов подошел к нему на расстояние 30 сажен, сбил с него все мачты и уступил место следовавшему за ним «Святому Георгию». Вскоре корабль «Рождество Христово» снова встал бортом против носа турецкого флагмана, готовясь к очередному залпу. Тогда, видя свою безысходность, последний спустил флаг.

«Люди неприятельского корабля, — доносил впоследствии Ушаков, — выбежав все наверх, на бак и на борты, поднимая руки кверху, кричали на мой корабль и просили пощады и своего спасения; заметя оное, данным сигналом приказал я бой прекратить и послать вооруженные шлюпки для спасения командира и служителей, ибо во время боя храбрость и отчаянность турецкого адмирала 3-бунчужного паши Саит-бея столь была отчаянна, что он не сдавал своего корабля до тех пор, пока не был весь разбит до крайности...» (С. 299).

Русские моряки вступили на борт уже объятого пламенем неприятельского корабля, в первую очередь стараясь отобрать для посадки в шлюпки офицеров. При шквальном ветре и густом дыме последняя шлюпка с большим риском вновь подошла к борту и сняла Саид-бея, после чего корабль взлетел на воздух вместе с оставшимся экипажем и казной турецкого флота. Взрыв большого адмиральского корабля на глазах у всего турецкого флота произвел на турок сильное впечатление и довершил моральную победу, добытую Ушаковым при Тендре. Усиливавшийся ветер, повреждения в рангоуте и такелаже не позволили Ушакову продолжить преследование противника. Русский командующий отдал приказ прекратить погоню и соединить-

ся с Лиманской эскадрой. В половине пятого вечера флот встал на якорь, а крейсерские суда были разосланы для поиска остатков турецкого флота, потерпевшего сокрушительное поражение в двухдневном морском сражении, в котором турки потеряли два линейных корабля, бригантину, лансон и плавбатарею.

31 августа русский флот пришел к Гаджибею, где на следующий день его посетил прибывший из Ясс Потемкин. Его ордером Черноморскому адмиралтейскому правлению было объявлено: «Знаменитая победа, одержанная Черноморским ее и. в. силами под предводительством контр-адмирала Ушакова в 29 день минувшаго августа над флотом турецким, который совершенно разбит... служит к особой чести и славе флота черноморского. Да впишется сие достопамятное происшествие в журналы Черноморского Адмиралтейского правления ко всегдашнему воспоминанию храбрых флота Черноморского подвигов» (С. 314). Вскоре полетела депеша к императрице, в которой Потемкин с великой радостью сообщил о победе при Тендре, отметил особые качества контр-адмирала Ушакова и поставил вопрос о его очередном награждении.

В Петербурге по случаю победы был отпет благодарственный молебен при пушечной стрельбе и дан праздничный обед, на котором, также при пушечных залпах, пили за победоносный Черноморский флот. Французский посол, присутствовавший на торжествах, сообщал в Версаль, что эта победа может быть оценена императрицей как средство, способное приблизить мир. Подобным образом выразился и министр иностранных дел Франции в беседе с российским послом И. М. Симолиным. Русская же императрица, оценив победу при Тендре, писала Потемкину: «Я всегда отменным оком взирала на все флотские вообще дела; успехи

же одного меня всегда более обрадовали, нежели самые сухопутные, понеже к сим исстари Россия привыкла, а о морских ее подвигах лишь в мое царствование прямо слышно стало, и до дней одного морская часть почиталась слабейшею; Черноморский же флот есть наше заведение собственное, следовательно сердцу близко. Контр-адмиралу Ушакову посылаю по твоей просьбе орден Св. Георгия второй степени и даю ему 500 душ в Белоруссии за его храбрые и отличные дела...» (С. 347). Сам же Федор Федорович по приходе 8 сентября в Севастополь сразу же отдал приказ по эскадре: «...рекомендую завтрашний день для принесения всевышнему за столь счастливо дарованную победу моление всем, кому возможно, с судов быть в церковь Николая Чудотворца; священникам со всего флота быть же во оную церковь в 10 часов пополуночи и по отшествии благодарственного молебна выпалить с корабля „Рождества Христова“ из 51 пушки» (С. 338).

Лишь к середине сентября турецкий флот смог частично собраться вместе и пойти к Константинополю. На этот раз капудан-паша не говорил о своей победе, но тем не менее был благосклонно принят султаном. Доброжелательность турецкого правителя объяснялась, очевидно, тем, что 19 сентября в Журже между Австрией и Турцией было подписано перемирие на семь месяцев, что развязывало туркам руки для продолжения войны с Россией. Поэтому 24 сентября Селим III вместе со всем своим двором поехал к Киоску (местечко в Босфоре) для торжественной встречи капудан-паши. Похвалив его за храбрость, он наименовал Гуссейна победителем и приказал возложить на него соболью шубу, а на тюрбан пожаловал бриллиантовое перо. Прочим тринадцати его капитанам также раздал золотые перья. Однако на этом щедрые излияния султана не закон-

чились. За «храбрые поступки» Гуссейна в последнюю баталию, в которой, по его словам, дрались только он и шедший с ним рядом корабль, а остальные сразу ушли, султан подарил ему дом, ханжияр (большой нож), усыпанный алмазами, и Гуссейн был объявлен «гази», то есть великим. Два англичанина, находившиеся на турецком флоте, получили кафтаны и по пять мешков пиастров каждый. Они также превозносили храбрость и подвиги капитан-паши, рассказывая о победе, одержанной над российским флотом. Но, несмотря на их красноречие и явный обман, использованный правительством для предотвращения народных волнений, им мало кто поверил, т. к. весь турецкий флот пришел сильно поврежденным. Он состоял из 9 линейных кораблей, 4 фрегатов, 10 кирлангичей, 3 бомбард и 2 бригов, а находившиеся на них люди почти все были ранены. Капудан-паша уверял, что остаток этого флота отправился в Анапскую и Синопскую пристани. Однако в народе пошли слухи, что часть, которой недостает, разбита в последнем сражении. К 12 октября в Константинополь из Черного моря прибыли еще 3 линейных корабля и несколько мелких судов в таком же плачевном состоянии, как и прежние. Русский агент доносил, что все 12 возвратившихся кораблей имеют повреждения разной степени. И это против 46 человек убитых и раненых на эскадре Ушакова!

Победа Черноморского флота при Тендре внесла весомый вклад в кампанию 1790 г., оставив яркий след в боевой летописи отечественного флота. Красной строкой вписана она и в историю военно-морского искусства. Главным героем сражения, несомненно, стал контр-адмирал Ушаков. Активно участвуя в каждом эпизоде, он был в самых ответственных и опасных местах, являя подчиненным образец храбрости, личным примером побуждая их к действию. При этом

Ушаков предоставлял им возможность проявления инициативы. В ходе сражения при Тендре он, так же как и в сражении при Керчи, в максимальной степени использовал огневую мощь своих кораблей, подходя к противнику на предельно короткие дистанции и нанося главный удар по флагманским кораблям. Со всей очевидностью сказалось преимущество в выучке русских моряков, особенно комендоров (артиллеристов). Их умение, удивительная стойкость и вера в своего командующего дали исключительный результат.

Затем была еще победа при Калиакрии. Она получила достаточно широкий международный резонанс. Известия о ней долетели как до Лондона, так и до Парижа. Французский поверенный в делах в России Э. Жене 6 сентября писал своему министру, что блеск этой победы превосходил все предыдущие. Русский флот, открывший войну своими победами под Кинбурном и Очаковым, не менее блистательно завершил ее знаменитой победой у мыса Калиакрия. Ушаков был, несомненно, горд этой победой еще и потому, что во многом благодаря его усилиям Черное море оказалось у ног России. К Ушакову пришли заслуженная слава и уважение.

Первый биограф адмирала Р. Скаловский справедливо писал о нем, что это был гроза турок, но вместе с тем уважаемый ими и прозванный Ушак-паша; он прославился как храбрый и искусный морской офицер и главнокомандующий. Преданный своему долгу, высоко ценивший воинскую доблесть, неутомимо деятельный, предприимчивый, обладавший редкими способностями для того поприща, которое определила для него судьба, он вскоре сделался любимым вождем, и одного имени его было достаточно для устрашения турок и воодушевления подчиненных.

В ходе этой войны Федор Федорович Ушаков явил миру пример истинно русского православного воина. Флот под

его командованием, вдвое уступавший противнику по численности, имел в 100 раз меньшие потери в личном составе. Не потеряв в сражениях ни одного корабля, Ушаков нанес турецкому флоту невосполнимый урон. Из 33 линейных кораблей и 15 фрегатов у турок после войны осталось (с учетом построенных и купленных) лишь 17 линейных кораблей и 20 фрегатов, из которых только 4 флагманских линейных корабля и 4 фрегата находились в боевой готовности. Другими словами, турецкий флот на Черном море был практически полностью уничтожен, а на небосклоне российской истории зажглась звезда адмирала Ушакова.

* * *

Не стало боевого адмирала, но остались его традиции. Остались на флоте его система подготовки, глубокое духовное наследие воспитания подчиненных на идеалах православия и патриотизма. Остались и носители его идей — его ученики и последователи, питомцы знаменитой черноморской школы выучки. Они сохранили и приумножили славу ушаковских побед и не дали предать забвению имя своего прославленного учителя, которое запечатлелось в названиях кораблей и боевых наград.

Вопрос о боевых наградах для Военно-морского флота СССР возник сразу же после учреждения орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского. Желание моряков иметь свои награды было справедливым. С первых же дней Великой Отечественной войны флот, единственный из всех видов и родов вооруженных сил, встретил ее организованно. Боевые операции флота непрерывно велись на море, на суше и в воздухе. Уже в 1941 г. авиация Балтийского флота подвергла бомбардировке Берлин.

В середине 1943 г. народный комиссар Военно-морского флота Н. Г. Кузнецов в одной из бесед с Верховным Главнокомандующим высказал мысль о целесообразности учреждения специальных военно-морских наград. Отказа не последовало, и Кузнецов отдал распоряжение заняться разработкой эскизов двух орденов и медалей Ушакова и Нахимова.

Создатели будущих орденов и медалей находились в то время практически на казарменном положении. Работа над проектами наград часто продолжалась круглосуточно. Высказывались различные варианты тех или иных деталей. Сразу же всем понравилась компоновка якоря и медальона с изображением Ушакова. В дальнейшем этот вариант, взятый за основу, совершенствовался.

Варианты орденов и медалей Ушакова и Нахимова были представлены Верховному Главнокомандующему. Орден Ушакова понравился Сталину. В законченном виде он представлял собой лучистую звезду из платины для ордена 1-й степени и из золота — для 2-й степени с наложенным на нее якорем и круглыми медальонами с изображением флотоводца анфас — золотым в первом случае и серебряным — во втором.

Указом Президиума Верховного Совета СССР 3 марта 1944 г. был учрежден орден Ушакова двух степеней и медаль его имени. Суворовский принцип «врагов не считают, их бьют», поддержанный Ушаковым, стал определяющим в русском флоте. Не случайно поэтому в статуте ордена было записано: «Орденом Ушакова награждаются офицеры Военно-морского флота за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских активных операций, в результате чего в боях за Родину была достигнута победа над численно превосходящим врагом». В Положении о медали Ушакова

было соответственно записано, что ею награждаются военно-служащие Военно-морского флота от матроса до мичмана за мужество и отвагу, проявленную при защите Отечества на морских просторах как в военное, так и в мирное время.

Появление флотских наград с одобрением было встречено моряками. Первым кавалером ордена Ушакова I степени стал командующий Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц. Дважды этой награды удостоивались наши прославленные адмиралы: Н. Г. Кузнецов, И. С. Исаков, А. Г. Головкин, Л. М. Галлер, С. Г. Горшков, Ф. С. Октябрьский и др. Всего за годы Великой Отечественной войны было награждено орденом Ушакова I степени — 50, II степени — 200, медалью Ушакова — 15 000, что является ярким примером преемственности боевых традиций знаменитого флотоводца. Орден и медаль Ушакова сохранены и в современной наградной системе.

Год 2000-летия Рождества Христова был ознаменован для всех русских воинов поистине знаменательным событием: 30 ноября Синодальная комиссия по канонизации святых Русской православной церкви сочла возможным канонизировать адмирала Федора Федоровича Ушакова. В декабре Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил прославление его в лике праведного местночтимого святого Саранской епархии, а 4 — 5 августа следующего года в Санаксарском монастыре при огромном стечении народа был совершен этот удивительный акт.

Библиографическая ссылка

¹ Адмирал Ушаков : документы : в 3 т. М., 1951. Т. 1. С. 65. (Далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в скобках с указанием страницы).

Поступила 10.08.2006 г.

УДК 929 Ушаков:355.49

В. Д. Овчинников

ВКЛАД АДМИРАЛА Ф. Ф. УШАКОВА В РАЗВИТИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ИСКУССТВА

Российский флот явил миру целую плеяду талантливых флотоводцев — тех, кем по праву гордится наше Отечество, кто своим опытом, мастерством и беспримерными подвигами создавал его морскую славу. Это адмиралы Петр Михайлов (Петр I) и Федор Апраксин, Григорий Спиридов и Василий Чичагов, Дмитрий Сенявин и Михаил Лазарев, Павел Нахимов и Владимир Корнилов, Григорий Бутаков и Степан Макаров, Николай Кузнецов и Сергей Горшков... Особое место в этом ряду занимает Федор Ушаков. Его ратный путь и морские победы навечно запечатлены на скрижалях отечественной истории. Фидониси, Керчь, Тендра, Калиакрия и Корфу стали образцами мирового военно-морского искусства, а его преданность службе, Вере и Отечеству — примером служения для многих поколений русских моряков.

Воспитанный в благочестии, Ушаков сам воспитал целую плеяду талантливых флотоводцев, офицеров и просто верных сынов своей Родины. В своих подчиненных он видел не просто исполнителей, а соратников, от старания и умения которых зависел успех в бою. Адмирал создал свою знаменитую черноморскую школу выучки, на традициях которой выросли многие прославленные русские флотоводцы. По нравственным заповедям адмирала Ушакова и ныне живет российский Военно-морской флот.

Еще в первой половине XIX в. моряк, лично помнивший Ушакова, писал о нем, что этот адмирал, бич и гроза турок, называемый ими Ушак-паша, должен по всей справедливости занять одно из первых мест в ряду наших знаменитых военачальников и быть предметом признательности самого отдаленного потомства.

К изучению флотоводческого наследия адмирала Ушакова обращались многие известные историки — такие как Е. Аренс, П. Белавенец, А. Висковатов, Ф. Веселаго, В. Головачев, Д. Милютин, Ф. Носов, Р. Скаловский, А. Станиславская, Е. Тарле и многие другие¹. Свое творчество посвящали ему литераторы М. Лялина, Л. Раковский, С. Сергеев-Ценский, Г. Шторм, В. Ганичев, М. Петров и др. В 1953 г. на киностудии «Мосфильм» режиссером М. Роммом была создана историческая диалогия «Адмирал Ушаков» и «Корабли штурмуют бастионы». Всё это не случайно, так как флотоводческое наследие адмирала Ушакова для нас чрезвычайно важно: его боевой опыт — это опыт успеха. Известный русский военно-морской теоретик Н. Л. Кладов в одном из своих трудов справедливо заметил, что «теорию во всякой области можно определить как исследованный, обобщенный и сведенный в систему прежний опыт»², поэтому, несомненно, дальнейшее исследование боевого опыта Ушакова позволит нам прийти к важному и актуальному теоретическому обобщению.

Объектов для изучения и сегодня предостаточно: это разработанные и внедренные Ушаковым принципы обучения и воспитания личного состава, стройная система боевой подготовки, передовая тактическая мысль и глубокое духовно-нравственное наследие. Все перечисленное наложило свой отпечаток на отечественный Военно-морской флот и дальнейшее развитие военно-морского искусства.

Как указывалось выше, в определенной степени эти вопросы уже изучены и обобщены отечественными историками, однако нельзя сказать, что флотоводческая деятельность адмирала Ушакова всесторонне проанализирована и обобщена военно-морскими теоретиками. В результате появилось множество необоснованных оценок, касающихся вклада адмирала в развитие военно-морского искусства, и противоречивых суждений, значительно искажающих подлинное значение флотоводческого наследия Ушакова.

Российский флот развивался с заметным отставанием от европейских. Россия в отличие от них не обладала столь мощным флотом и богатым практическим опытом, поэтому естественно, что российское военно-морское законодательство вобрало в себя основы тактических правил, выработанных во флотах Западной Европы. В российском флоте действовал Морской устав 1720 г., в котором не устанавливались жестких требований ведения морского боя, а определялись лишь его основные принципы, созвучные с изложенными П. Гостом³.

В советской военно-исторической литературе работа Госта подверглась безапелляционной критике за то, что он якобы установил жесткие каноны ведения морских сражений, за нарушение которых флотоводцев отдавали под суд и даже казнили. В действительности это была чрезвычайно полезная и нужная для того времени книга. С. О. Макаров назвал работу Госта «образцовым классическим произведением»⁴, а германский военно-морской историк А. Штенцель писал: «...взгляды на морскую тактику освещаются им яснее, чем всякого рода инструкциями или описаниями сражений того времени»⁵. Главное достоинство книги как раз в том и заключалось, что Гост не устанавливал жестких рамок действий флотоводцев, а показывал им лишь возможные

варианты. Он писал: «Я не сомневаюсь, что мои читатели найдут другие, не сходные с моими эволюциями, кои им покажутся лучше, да и советую им употреблять в практике по рассмотрению соединенных с ними обстоятельств, по представленным здесь основаниям»⁶.

Изучив в Морском корпусе Морской устав и труд Госта, вобрав весь предшествующий опыт морских сражений, Ушаков творчески подошел к применению изложенных в нем эволюций и к развитию морской тактики в целом. При этом он не нарушал никаких жестких канонов, потому что таковых фактически не существовало.

До 1788 г. русский линейный флот не имел опыта крупных открытых морских сражений. Проходившие до этого бой у острова Эзель (24 мая 1719 г.) и Чесменское сражение (24 — 26 июня 1770 г.) велись в прибрежных районах, в простой обстановке, а в первом случае — при превосходстве сил русского флота. Во вторую русско-турецкую войну 1787 — 1791 гг., в ходе которой имя Ушакова стало широко известно, Черноморскому флоту впервые пришлось в открытом море столкнуться с численно и качественно (имеется в виду качество постройки турецких кораблей) превосходящим противником, где во всем блеске проявилось преимущество русской тактической школы, новатором которой явился Федор Федорович.

Первое сражение русского и турецкого линейных флотов произошло 3 июля 1788 г. близ острова Фидониси, где малочисленный русский флот одержал победу над значительно превосходившими силами противника. Это стало началом расцвета российского военно-морского искусства.

Императрица Екатерина II была довольна результатами сражения. За победу над турецким флотом в сражении у

острова Фидониси Ушаков был награжден орденом Святого Георгия IV класса. 14 апреля состоялось производство Ушакова в чин контр-адмирала, и в тот же день Федор Федорович получил под свое начало корабельный флот, базировавшийся в Севастополе, а через год уже был назначен командующим всем Черноморским флотом.

В начале кампании Ушаковым была успешно проведена крейсерская операция у анатолийских берегов Турции. Противнику был причинен серьезный материальный ущерб, и главное, он был подавлен морально.

8 июля произошло крупное морское сражение между русским и турецким флотами, в котором ярко проявились все лучшие качества русских моряков и самого контр-адмирала. В награду за одержанную победу Ушаков был награжден орденом Святого Владимира II степени.

Очередное сражение произошло 28 — 29 августа недалеко от острова Тендра, в результате чего турки потеряли 2 линейных корабля, их адмирал был взят в плен. Ушаков снова показал образец личной храбрости. За победу при Тендре ему были пожалованы орден Святого Георгия II степени и 500 душ в Белоруссии. Удостоился Ушаков и по обыкновению краткой, но очень емкой оценки А. В. Суворова, воскликнувшего: «Виват Ушаков»!

В ходе сражения при Тендре Ушаков, так же как и в сражении при Керчи, в максимальной степени использовал огневую мощь своих кораблей, подходя к противнику на предельно короткие дистанции и нанося главный удар по флагманским кораблям. Со всей очевидностью сказалось преимущество в выучке русских моряков, особенно комендоров (артиллеристов). Их умение, удивительная стойкость и вера в своего командующего дали исключительный результат. Федор Ушаков, по существу, стал первым россий-

ским флагманом европейского уровня, признанным мастером вождения эскадр, новатором тактики морского боя, что рельефно проявилось в сражении у острова Тендра.

Блистательные победы Ушакова, одержанные им над турецким флотом в Черном море, значительно осложнили общее положение Турции в войне с Россией и способствовали успешным действиям русских войск, ведущих наступление на Дунае, где узловым пунктом обороны противника стал Измаил. Однако и после его падения Турция не прекратила войны.

11 мая 1791 г. Потемкин отдал распоряжение армии и Черноморскому флоту действовать наступательно. В соответствующем ордере контр-адмиралу главнокомандующий отметил: «Испрося помощь Божию, направьте плавание к румелийским берегам, и если где найдете неприятеля, атакуйте с Богом... Я Вам препоручаю искать неприятеля, где [он] в Черном море случится и господствовать там, на Черном море, чтобы наши берега были ему неприкосновенны»⁷.

С этим напутствием Ушаков, не имея известий об уже подписанном перемирии, 29 июля вывел Черноморский флот из Севастопольской бухты и направил его к румелийским берегам, где 31 июля обнаружил флот противника, стоящий на якоре под защитой береговых батарей. Оценив его положение, русский флагман решил использовать внезапность. Чтобы выиграть ветер и отрезать турок от берега, Ушаков направил свой флот между береговой батареей и неприятелем. Неожиданное появление русского флота привело противника в замешательство. Турки в спешке стали рубить канаты и ставить паруса. Не справившись с управлением на крутой волне, при порывистом ветре, несколько кораблей столкнулись друг с другом и получили повреждения.

Ушаков, пользуясь неразберихой в стане противника, продолжал сближаться с ним, оставаясь в походном порядке трех колонн. Алжирский вице-адмирал Сеит-Али, специально направленный султаном в помощь капудан-паше Гуссейну, увлек за собой весь турецкий флот, выстроив его на левый галс. Гуссейну ничего не оставалось делать, как занять место в боевом порядке алжирца. Однако в начавшемся сражении первым же ядром с русского флагманского корабля Сеит-Али, похвалявшийся перед султаном в скорой победе над Ушаковым, был тяжело ранен, а его корабль, не выдержав атаки русского флагмана, с большими повреждениями убрался в глубину своего боевого порядка.

Вышедшие на его место 2 корабля и 2 фрегата попытались отрезать корабль «Рождество Христово», но под метким огнем русских кораблей также были вынуждены повернуть к своему флоту. Тем временем адмирал Ушаков продолжал преследование алжирского паши. Экипажи русских кораблей, следуя примеру своего флагмана, сражались с большим мужеством. Они разбили боевую линию противника, корабли которого стали укрываться друг за друга. Окруженные практически со всех сторон, они были буквально засыпаны русскими ядрами. При этом турки были настолько стеснены, что били друг в друга. Вскоре они не выдержали и, обратившись к русскому флоту кормой, пустились в бегство.

Наступившая темнота, густой пороховой дым, окутавший поле боя, и безветрие спасли турецкий флот от полного разгрома и пленения. Ушаков был вынужден прекратить погоню и встать на якорь. Вскоре контр-адмирал получил известие о заключении перемирия и приказ о возвращении в Севастополь.

Весь турецкий флот разбросало по морю. Большая часть экипажей погибла, в то время как на российских кораблях были убиты 1 унтер-офицер и 16 рядовых, а ранены 3 офицера, 2 унтер-офицера и 23 рядовых.

Лишь к сентябрю остатки турецкого флота смогли собраться в Константинополе. Из 90 вымпелов, вышедших в Черное море в мае, не вернулось 28, из них 1 линейный корабль, 4 фрегата, 3 бригантины, 21 канонерская шлюпка и другие мелкие суда. Остальные были настолько повреждены, что не могли выходить в море. Всего в боевой готовности осталось лишь 4 линейных корабля и 4 фрегата.

14 октября Федор Федорович Ушаков был награжден орденом Святого Александра Невского. К нему пришли заслуженная слава и уважение.

В сражениях с турецким флотом тактика Ушакова носила ярко выраженный активный, наступательный характер, при этом оригинальность тактических приемов на редкость точно соответствовала оперативной обстановке на море. Независимо от соотношения сил, которое всегда было в пользу неприятеля, и взаимного расположения флотов Ушаков навязывал противнику свои правила боя и побеждал.

В отличие от большинства флотоводцев своего времени он верно оценил возможности артиллерии и в бою старался использовать ее с максимальной эффективностью, подходя к противнику на предельно короткую дистанцию, сосредоточивая огонь на его флагманских кораблях, поведение которых определяло действия всей неприятельской эскадры. Показывая пример подчиненным, Ушаков всегда находился на самых ответственных участках битвы.

Результаты сражений Черноморского флота были превосходны. Не случайно у моряков, испокон веков мечтавших о справедливом и храбром предводителе, имя Ушакова

ассоциировалось со словом «победа». Матросы почитали его как отца и знали: где Ушаков — там успех, оттого и силы его эскадры удваивались. Справедливо говорить о том, что победы Ушакова — это победы русского духа. Российский флот под командованием адмирала не потерпел ни одного поражения!

Федор Федорович Ушаков явил миру ярчайший пример православного воина, которому была ниспослана помощь Божия. Свидетельством этой помощи стал небывалый во всей военной истории факт: флот под командованием Ушакова, вдвое уступавший противнику по численности, имел в сто раз меньшие потери в личном составе. Не потеряв в сражениях ни одного корабля, Ушаков нанес турецкому флоту невосполнимый урон в более чем 50 судов, отвоевав для России Черное море.

Окончание войны с Турцией ознаменовало собой важный этап в истории борьбы Российского государства за свои национальные интересы в Черноморском регионе. Если в результате Русско-турецкой войны 1768 — 1774 гг. России удалось лишь укрепиться на Черноморском побережье, то победа в войне 1787 — 1791 гг. позволила утвердиться в качестве влиятельной черноморской державы.

В начале 1798 г. Павел I решил сплотиться с монархией Европы для борьбы с французской экспансией, войдя в состав второй антифранцузской коалиции. Первым его шагом стало объединение флотов России и Турции как наиболее мобильных сил для борьбы с французами на Средиземном море.

Главной целью экспедиции являлось освобождение Ионических островов. Общее командование соединенной русско-турецкой эскадрой формально не определялось. Каждая из эскадр была подчинена своему адмиралу. Одна-

ко специальным повелением султана турецкому вице-адмиралу Кадыр-бею было предписано почитать русского вице-адмирала как учителя, что по существу определяло главенствующее положение Ушакова.

Узловым пунктом Ионических островов являлась крепость Корфу, считавшаяся неприступной. Ушаков твердо решил, что для успешного штурма приморской крепости необходимы: специальная подготовка эскадры и десанта; поддержание высокого морально-боевого духа личного состава; точный расчет сил противника, времени и места штурма; сосредоточенный и координированный удар корабельной и береговой артиллерии по кораблям и бастионам противника, их надежное огневое поражение; высадка морского десанта под прикрытием корабельной артиллерии в наиболее слабых местах обороны противника с последующим захватом всей крепости.

18 февраля с первым благоприятным ветром начался штурм крепости. По сигналу с флагманского корабля соединенная эскадра снялась с якоря и под всеми парусами стала подходить к береговым батареям острова Видо, ведя по ним непрерывный огонь. Четко прослеживая ход начавшегося сражения, Ушаков, находясь на «Святом Павле», в сопровождении фрегата обошел весь строй и, подойдя вплотную к берегу, начал обстрел самой мощной батареи острова Видо и основной крепости с береговых батарей, установленных в северной и южной частях Корфу. Вскоре к берегу устремился десант, и к 14 часам остров Видо был взят. Однако со взятием Видо штурм Корфу не закончился. Центр сражения переместился на главную крепость, и вскоре она пала.

20 февраля был подписан акт о капитуляции. Это был день великого торжества русских и греков, победы военного

таланта адмирала Ушакова и его твердой воли, поддержанных храбростью и искусством русских моряков, единения русского и греческого народов.

Штурм Корфу явился образцом до конца продуманной и логически завершенной военно-морской операции. Эта грандиозная победа не смогла бы стать реальностью без той самоотверженности, с которой русские моряки блокировали и штурмовали бастионы Корфу. Каждый из них был героем, и никто не был забыт своим командующим.

Великий русский полководец Суворов, узнав о победе при Корфу, воскликнул: «Великий Петр наш жив! Что он по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах произнес, а именно: „Природа произвела Россию только одну; она соперницы не имеет!“ — то и теперь мы видим. Ура Русскому флоту! Я теперь говорю сам себе: „Зачем не был я при Корфу хотя мичманом?“».

Штурм и взятие крепости Корфу явились вершиной флотоводческого искусства Ушакова. При этом он блестяще выполнил и чисто дипломатическую миссию, став, по существу, создателем первого национального греческого государства нового времени.

Во время Средиземноморской экспедиции моряки Ушакова освободили еще и юг Италии, где под восторженные возгласы жителей вошли в Неаполь и Рим. При этом русские войска, по словам неаполитанского министра Мишуру, «заставили себя обожать». Это были воины, бесконечно преданные своему Отечеству и своему предводителю. Не случайно адмирал Ушаков, так же как и генералиссимус Суворов, стал символом непобедимости русского воинства, его доблести и славы. Имя адмирала Ушакова на флоте — среди наиболее почитаемых и поныне, а сам он — образец христианина, моряка и патриота.

Средиземноморская экспедиция русской эскадры под командованием адмирала Ушакова была завершена. В ходе ее Россия, используя свой флот в качестве действенного инструмента внешней политики, дала свободу народам Ионических островов и упрочила там свое влияние. России удалось создать Республику Семи Соединенных островов, явившуюся прообразом независимой Греции. Однако, наверное, не только указы и рескрипты были определяющими в благородной миссии Ушакова. Федор Федорович любил греков, и его действия были продиктованы искренним желанием помочь своим братьям во Христе.

Кроме того, подвиги наших моряков и солдат обессмертили имя русского воина в Европе. Средиземноморская экспедиция адмирала Ф. Ф. Ушакова и Итальянский поход генерал-фельдмаршала А. В. Суворова стали одними из самых блистательных страниц российской военной истории.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Аренс Е. И.** История русского флота: Екатерининский период / Е. И. Аренс. СПб. ; Николаев, 1897; **Веселаго Ф. Ф.** Краткая история русского флота / Ф. Ф. Веселаго. СПб., 1893; **Висковатов А. В.** Взгляд на военные действия россиян на Черном море и Дунае с 1787 по 1791 гг. / А. В. Висковатов. СПб., 1828; **Он же.** Блокада и осада Корфу 1798 — 1799 гг. // Сын Отечества. 1828. № 3 — 4; **Головачев В. Ф.** История Севастополя как русского порта / В. Ф. Головачев. СПб., 1872; **Милютин Д. А.** История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I : в 5 т. / Д. А. Милютин. СПб., 1852 — 1857; **Носов Ф. В.** Адмирал Ушаков / Ф. В. Носов. Л., 1955; **Скаловский Р.** Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова / Р. Скаловский. СПб., 1856; **Станиславская А. М.** Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции / А. М. Станиславская. М., 1983; **Тарле Е. В.** Адмирал Ушаков на Средиземном море / Е. В. Тарле. М., 1948.

² Кладо Н. А. Этюды по стратегии / Н. А. Кладо // Мор. сб. 1913. № 2. С. 91.

³ См.: Гост П. Искусство военных флотов, или Сочинение о морских эволюциях / П. Гост. СПб., 1764.

⁴ Макаров С. О. Рассуждения по вопросам морской тактики / С. О. Макаров. М., 1943. С. 114.

⁵ Штенцель А. История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики / А. Штенцель. СПб., 1917. Ч. 3. С. 381.

⁶ Гост П. Указ. соч. С. 185.

⁷ Адмирал Ушаков : документы : в 3 т. М., 1951. Т. 1. С. 482.

Поступила 05.09.2006 г.

УДК 947:355.322

Е. А. Стериопулу

ПРИСУТСТВИЕ РУССКИХ НА ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВАХ В КОНЦЕ XVIII в.

Пребывание адмирала Ф. Ф. Ушакова на Ионических островах, хотя и было непродолжительным, оставило глубокий след и имело решающее значение для возрождения религиозного и национального духа не только на самих островах, но и на всей территории Греции.

Семь островов — территория, которая никогда не находилась под турецким, или, точнее, османским, владычеством. Острова оставались под властью венецианцев вплоть до августа 1797 г., когда после распада венецианского государства были переданы французским войскам. Этот акт был закреплен договором между Австрией и Францией (договор Campoformio).

Совершенно естественно, что венецианское владычество оказывало предпочтение католической церкви по сравнению с православной. Уже в XIII в. Карл Анжуйский по требованию папы упразднил престол православного епископа Керкиры (Корфу). Однако жители Ионических островов, которые в большинстве своем были православными, имея частые контакты с расположенной рядом Италией и испытывая ее естественное культурное влияние, с религиозной точки зрения признавали духовную власть Вселенского Константинопольского патриархата. По меткому замечанию ученого-историка XIX в. Георгиоса Терцетиса, «семь островов, кольшущихся в море между Италией и Грецией, не подчиняющихся султану, на которые, однако, оказывала давление деспотичная иностранная держава, очарованные изяществом итальянской культуры, устрашенные зрелищем варварства и рабства, господствовавшими в соседней стране, тем не менее навсегда сохранили веру в греческую родину, в большей степени, как мне кажется, благодаря неизменному подчинению патриарху Константинопольскому»¹.

Находясь под игом Венеции, население Ионических островов разделялось на дворян, имена которых входили в «Золотую книгу», и простых людей, класс, включавший в себя как горожан — ремесленников и кустарей, так и крестьян, скотоводов, рыбаков и рабочих, которые не имели каких-либо гражданских прав. Официальным языком являлся итальянский. Местная аристократия имела те же привилегии, что и венецианская. Венеция проводила политику строгого меркантилизма по отношению к ремесленникам и торговцам — вся внешняя торговля должна была проходить через руки венецианцев. Сельские жители в большинстве своем были крепостными или мелкими

землевладельцами, обложенными разного рода повинностями. Таким образом, часто вспыхивали восстания, во время которых дворяне вставали на сторону завоевателей².

В этих условиях было естественно, что французы, провозглашавшие свободу, равенство и братство, были приняты с энтузиазмом как местным населением, за исключением дворян, так и греческими представителями Просвещения — такими как Адамантиос Кораис и трагически погибший национальный мученик Ригас Фереос. Французов же интересовало лишь то преимущество, которое обеспечивало им стратегическое положение островов.

Наполеон, в то время — генерал, победитель итальянской кампании, писал в донесении для Директории в Париже: «Корфу, Занте и Кефалония представляют для нас большую ценность, чем вся Италия вместе взятая. По моему мнению, если бы мы были вынуждены выбирать, то нам было бы выгоднее передать всю Италию Австрии и оставить за собой эти острова не только ради экономических и коммерческих выгод, но и потому, что сейчас, когда развал турецкого государства не за горами, если мы будем владеть островами, то мы сможем, в зависимости от обстоятельств, либо поддержать его, либо оторвать от него достойный кусок»³. Действительно, в XVIII в. Османская империя переживала период упадка по сравнению с набиравшей силу Западной Европой. Крупные европейские державы — Франция, Англия, Австрия и Россия — уже строили планы относительно ее наследия.

Французы быстро разочаровали жителей Семи островов. Их враждебное отношение к религии, пренебрежение по отношению к местным нравам, неуважение к мощам святого Спиридона на Корфу и разграбление храмов (священную утварь и иконы они продавали евреям, за-

ставляя христиан вновь выкупать их), повышение налогов, грабежи и, наконец, разоружение жителей — все это не замедлило настроить население против французских завоевателей.

Среди крупных европейских держав Россия была единственной православной страной. Таким образом, греки считали ее своей естественной союзницей и покровительницей. Согласно различным «пророчествам», которые имели хождение среди порабощенных греков, освобождение должно было принести «светло-русое племя». В этом смысле характерна народная песня начала XVIII в.:

Уже этой весной,
Порабощенные греки,
Этим летом,
Бедная Румели,
Придет москаль,
Порабощенные греки,
И приведет с собой рать,
Пелопоннес и Румели⁴.

Эта позиция греков по отношению к русским не изменилась даже тогда, когда по причинам, связанным с общеполитическими соображениями, анализ которых не входит в число стоящих перед нами задач, Россия не оправдала их ожидания в плане предоставления военной помощи. Так, греки неоднократно восставали против турок в одиночку, например, в 1711, 1770 и 1783 гг. Однако помощь России не была незначительной. Хотя она не смогла обеспечить выполнение гарантий в соответствии с условиями Кючук-Кайнарджийского (1774) и Ясского (1792) мира, зато, предоставив грекам право плавать под российским флагом и приняв множество людей, которые нашли прибежище,

получили должности, титулы и обзавелись имуществом в России, она оказала решающую помощь при подготовке Греческой революции 1821 г.

Таким образом, совершенно естественно, что ярко выраженные пророссийские настроения получили развитие, в том числе на Семи островах. Помимо симпатии к православному России в целом, дворянские семьи, которые утратили свои привилегии и титулы, культивировали антифранцузские настроения, так же как и торговцы, которые поддерживали коммерческие связи с Россией и имели интересы в этой стране. Не следует также забывать о присутствии российских агентов, которые развернули активную пропаганду против безбожных французов, чтобы психологически подготовить народ и обеспечить его участие в готовившемся конфликте⁵. Важную роль сыграла энциклика патриарха Григория V, обращенная к духовенству и населению островов и направленная против безбожников-французов.

Экспансионизм Франции периода Директории наряду с египетской кампанией привели к созданию всеобщего союза против этой страны. Эти совместные усилия сблизили в том числе и таких вечных врагов, как Россия и Высокая Порта. Султан Селим III был благожелательно настроен по отношению к французам и питал отвращение к русским. Однако когда опасность стала реальной, он был вынужден пересмотреть свои взгляды. Союз между русскими и турками был заключен в июне 1798 г., после нападения французов на Александрию.

Объединенный русско-турецкий флот под командованием адмиралов Ф. Ф. Ушакова и Кадыр-бея осенью 1798 г. начал завоевание Семи островов, которое завершилось 20 февраля (2 марта) 1799 г. капитуляцией французского гарнизона Корфу.

До захвата Корфу Ушаков писал в донесении императору Павлу, что жители всех освобожденных островов демонстрировали исключительную преданность России, испытывали благодарность к русским морякам-освободителям.

После капитуляции французов 5 марта 1799 г., в субботу, накануне пасхального воскресенья — Торжества православия (это совпадение имеет глубокое символическое значение) российская армия торжественно вошла на Керкиру и после четырех веков латинского владычества вновь возродила православную веру на островах. Русский адмирал Ушаков являлся главным лицом в новой ситуации. У ворот Святого Николая его ждал глава греко-православной церкви вместе с духовенством, окруженный толпой дворян. Ушаков вышел на площадь, а оттуда — к церкви Святого Спиридона, где было отслужено славословие в честь победы императорского оружия и освобождения острова от французского владычества.

Толпа с энтузиазмом приветствовала торжественное прохождение Ушакова по улицам города. Радость греков была абсолютно искренней. Казалось, русские вернулись к себе на родину. Ситуацию, которая сложилась в те трудные минуты на Семи островах, а также реальную власть Ушакова, которая опиралась на любовь и уважение православных, весьма красноречиво описывает историк Г. Е. Маврояннис: «После изгнания французов Семь островов оказываются в... той переходной ситуации, когда все было неопределенным и несвязанным... С одной стороны, три власти и органа власти под разными названиями сосуществовали в молодом государстве, претендуя на то, чтобы управлять им. Это были местные органы, недавно созданные властью временного государства — то есть Сенат и местные

правительства, власть османского адмирала Кадыр-бея, представлявшего будущую господствующую державу, и власть русского адмирала Ушакова. Однако на самом деле властью распоряжался русский вице-адмирал, который, находясь на флагмане „Святой Павел“, бросившем якорь в порту, держал в своих руках все нити управления и оттуда направлял в Сенат и в остальные органы власти свои предложения, которые имели силу приказов. С одной стороны, в его руках была сосредоточена высшая военная власть, а, с другой, имя России обладало огромной притягательной силой для народа. Поэтому жители местности с удовольствием подчинялись представителю этой державы, в то время как Сената они не боялись, а османского адмирала ненавидели и презирали»⁶.

О том, что во время пребывания Ушакова на Семи островах реальная власть находилась в его руках, свидетельствует также следующий факт: «В первые месяцы 1801 года русский консул на Корфу в своем послании в сенат заявил о том, что союзническая армия, в соответствии с положениями Константинопольского договора, покинет острова, которые должны были осуществлять самоуправление. Сенат, испугавшись, в своем документе начальнику русского гарнизона слезно просил продлить его пребывание, зная, что было бы невозможно установить порядок на островах без присутствия иностранных держав. Однако, к сожалению, это не имело результатов.

Союзники передали крепости двум сенаторам, и 25 августа 1801 г. две армии погрузились на корабли и окончательно покинули Семь островов. Единственное, чего добился Сенат — это заставить турок покинуть острова вместе с русскими, чего те особенно не желали» (из доклада

С. Моранти-Капецони на конференции на Корфу 19 — 20 сентября 2003 г.).

Таким образом, с завоеванием Семи островов в определенной степени осуществилось одно из неизменных устремлений российской политики, а параллельно с этим — старая мечта греков об освобождении хотя бы незначительной части территории страны православной державой. Однако это освобождение опиралось на временный и противоестественный союз. В действительности следовало найти какое-то решение и на будущее. Россия не могла оставаться здесь навсегда, но и не хотела передавать Семь островов Турции. Таким образом, ей удалось убедить Турцию создать на Семи островах государство, внутренне автономное, а внешне находящееся под русско-турецким покровительством, при условии, что это государство будет платить налоги Порте и уступит ей венецианские владения, которые находились на побережьях Эпира. Это государство, под названием Республика Семи Соединенных островов, было создано на основе Константинопольского договора 1800 г. и явилось первым независимым греческим государством. Франция, потерпев неудачу в египетской кампании и поражение в Абукире, была вынуждена признать новое государство⁷.

Эти события, связанные с резкими изменениями во внешней политике европейских держав в тот неустойчивый и исключительно критический период истории, имели лишь ограниченное значение и, вероятно, упоминались бы только в учебниках по военной истории, если бы на месте Ушакова находилось какое-то другое лицо. Ушаков осуществлял управление Семью островами, обладая достоинствами военного и политика, он продемонстрировал практическую веру и преданность православию.

В июне 1799 г. благодаря его действиям вновь был избран православный архиепископ Семи островов. Православное население обрело чувство собственного достоинства и полную религиозную свободу.

Под непосредственным руководством Ушакова в 1799 г. был сформирован Сенат, в работе которого приняли участие выбранные представители всех островов, составлен Временный план нового государства, который в измененном виде на следующий год был ратифицирован Константинопольским договором. Он закрепил использование греческого языка как официального языка судопроизводства и восстановил законность в действиях администрации. Хотя Временный план и не носил название «конституция», поскольку это слово вызывало ассоциации с Французской революцией, по сути дела он стал конституцией и первым юридическим документом такого рода, который регулировал создание и организацию первого независимого греческого государства после падения Константинополя. Это государство стало маяком надежды для поработанных греков и прибежищем для всех тех, кто подвергался гонениям со стороны турецкой администрации.

Успех адмирала Ушакова был обусловлен опорой его политики на убежденность, что общая вера в православие, которую русские сохранили после падения Византии, определяла также тот курс, который отличал греков как от осман-иноверцев, так и от жителей Запада — католиков. Акцент именно на этом элементе их культурной идентичности способствовал укреплению национального духа греков, что нашло оправдание в войне за независимость.

Как уже было сказано ранее, жители Семи островов с болью расстались с Ушаковым, когда в 1800 г. он был

вынужден покинуть их из-за нужд внешней политики России. Сенат Корфу преподнес ему золотую шпагу, украшенную бриллиантами, а Кефалония и Итака выпустили в его честь золотую медаль. На кефалонийской медали адмирал назван «спасителем» и «благочестивым», а медаль итакцев свидетельствует о преданности жителей Ушакову. Следует отметить, что обе медали напоминают о религиозности и говорят о чувстве уважения единоверных к своему благодетелю.

В октябре 2002 г. на Корфу был сооружен памятник адмиралу. Таким образом, через 202 года Ф. Ф. Ушаков вновь вернулся на свой любимый остров.

Библиографические ссылки

¹ Цит. по: **Хадзифотис И.** Повседневная жизнь греков в период турецкого владычества / И. Хадзифотис. Афины, 2002. С. 39.

² Об этом подробнее см.: **Svoronos N.** Storia della Grecia Moderna / N. Svoronos. Roma, 1972. С. 10.

³ Цит. по: **Папарригопулос К.** История греческой нации / К. Папарригопулос. Афины, 1971. Кн. 14. С. 274.

⁴ Там же. С. 247.

⁵ См.: **Кукку Э.** История Семи островов с 1797 года до периода английского владычества / Э. Кукку. Афины, 1985. С. 53.

⁶ **Маврояннис Г. Е.** История Ионических островов начиная с 1797 года и заканчивая 1815 годом / Г. Е. Маврояннис. Афины, 1889. С. 287.

⁷ См.: **Папарригопулос К.** Указ. соч. С. 278.

Поступила 17.08.2006 г.

УДК 929 Ушаков

В. А. Юрченков

АДМИРАЛ Ф. Ф. УШАКОВ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Адмирал Ф. Ф. Ушаков принадлежит к блестящей плеяде российских политических и военных деятелей XVIII в. — «громкого века русской славы». Флотоводец, не проигравший ни одного сражения, новатор тактики морских сражений, дипломат и государственный деятель, он во время протекционизма достиг вершин упорным трудом и личным мужеством, талантом и беззаветным служением Родине. Ни один из российских адмиралов не удостоился такого внимания со стороны исследователей. Однако осмысление жизни и деятельности Ушакова не было однозначным.

Историографию первой половины XIX в. достаточно хорошо охарактеризовал академик Е. В. Тарле, который писал: «Давно отмеченный Грибоедовым недуг части русской общественности в XVIII — XIX вв. — доходившее иногда до подобострастия преклонение перед Западом, перед иностранцами главным образом потому, что они — иностранцы, — сказался и на посмертной участи Ушакова»¹. Действительно, о его исторической роли в это время умалчивалось, а если она и оценивалась, то с явным преуменьшением его заслуг. Примером может служить работа А. А. Лефорта о царствовании императрицы Екатерины II, где адмирал Ушаков упоминается мимоходом².

Особняком стоят работы Александра Васильевича Висковатова, которому принадлежит заслуга обрисовки Ушакова как крупного военно-морского стратега³. Висковатов первым стал серьезно заниматься исследованием жизни и деятельности адмирала. Хотя начатая им большая книга об Ушакове осталась незаконченной, он достаточно детально проанализировал операции его эскадр в ионических водах и у берегов Италии, блокаду и взятие Корфу. С именем Висковатова связана и первая публикация документов Ушакова. В 1827 и 1828 гг. в журнале «Славянин» были опубликованы письма Великого визиря к Ушакову в январе — марте 1799 г., письма А. В. Суворова к Ушакову в июле 1799 г. и Ушакова к Али-паше.

Ситуация начала меняться в середине XIX в., когда после Крымской войны усилился интерес к военной истории России. В этих условиях появились первые очерки об Ушакове. Первым биографом адмирала стал генерал-майор Ростислав Карпович Скаловский⁴. Несомненной заслугой его явилось обобщение материалов о жизни и деятельности адмирала с внесением ряда довольно ярких подробностей, которые последующие жизнеописатели были вынуждены повторять. Между тем все эти «темниковские» детали, включая охоту юного Ушакова на медведя под руководством деревенского старосты, оказались легендарными⁵. Весьма важным моментом исследования Скаловского был осторожный намек на то, что причиной выхода в отставку Ушакова стала неблагоприятность императора Павла I, не оценившего адмирала. Книга содержала значительное число документов из официальных источников. Скаловский определил основные темы исследования жизни и деятельности Ушакова, которые позднее были детально проработаны историками.

В трехтомной истории войны России и Франции (1798 — 1800) генерал-майора *Дмитрия Алексеевича Милютин* содержатся концептуальные оценки жизни и деятельности Ушакова, соответствовавшие оценочным суждениям, которые складывались в отечественной историографии. Стоит привести весьма показательную цитату: «Прежде всего должны мы познакомить читателя с личностью самого адмирала Ушакова — одного из старых, доблестных моряков Екатерининского века... В корпусе Ушаков также не приобрел ни ученого образования, ни светскости: не только не знал иностранных языков, но даже по-русски писал безграмотно. Известный геройскою храбростью на море, он однакоже был робок в обществе, застенчив и неловок, особенно же перед женщинами. Вообще Федор Федорович Ушаков казался с виду простоватым, в обращении иногда был даже груб; но кто знал его ближе, тот не мог не отдать справедливости природному его уму и добродушию. Он был в душе добрейший человек, кроток, набожен, примерно честен и бескорыстен; когда дело касалось казенного интереса, то берег каждую копейку»⁶. В вышеприведенном отрывке просматривается не только попытка оценки адмирала, но и субъективный, личностный момент, связанный с общением либо непосредственно с Ушаковым, либо с людьми, которые его достаточно хорошо знали. Милютин называл адмирала «знатнейшим русским флотоводцем со времен Петра Великого» и успех действий отечественного флота в 1798 — 1800 гг. видел в «великих дарованиях, при необходимой твердости» его вождя.

В изданной в начале XX в. многотомной «Истории русской армии и флота» разделы, связанные с деятельностью Ушакова, были написаны *Н. Д. Каллистовым*. Он харак-

теризовал адмирала как «выдающегося государственного человека», «тонкого политика»⁷. Им была высказана интересная мысль: «Ушаков является историческим феноменом, монархист чистой воды в качестве творца и организатора Ионической республики»⁸.

Большую роль в восстановлении памяти об адмирале Ушакове сыграли «Записки флота капитан-лейтенанта *Егора Метаксы*» (1915). Этот офицер, плававший с адмиралом в Черном море, участвовавший в экспедиции 1798 — 1800 гг. и отличавшийся храбростью, умный и вдумчивый наблюдатель, переживший и передумавший свои наблюдения в зрелом возрасте, в своих мемуарах с любовью, живо и образно рисует знаменитого флотоводца.

Традиции дореволюционной историографии получили логическое завершение в работе *В. П. Ильинского*, написанной к 100-летию со дня смерти адмирала⁹. Исследователь отмечал: «Это был многосторонний ум и полезный деятель на разнообразных поприщах. В Ушакове отразился дух тех исторических самородков, какими было ознаменовано царствование Екатерины II и которыми создана слава его века, выдвинувшего Россию на передний план в ряду европейских держав»¹⁰. Ильинский дал достаточно подробную биографию адмирала, особо остановился на его победах, подчеркнул его роль в строительстве Черноморского флота. Вершиной деятельности Ушакова он считал командование русско-турецким флотом в войне с Францией: «Нужно признать, что кампания 1798 — 1800 годов была лавровым венком на голову уже прославленного пред тем своими победами адмирала Ушакова»¹¹. Достоинством работ Ильинского являлись популярность и живость изложения.

После революции 1917 г. отношение к российской истории резко изменилось. Победила нигилистическая раз-

рушительная тенденция отрицания основ вековой российской государственности, был отброшен патриотизм как основа воспитания, героические деяния предков игнорировались или отрицались. Например, в школьном и вузовском учебнике «Русская история в сжатом очерке» М. Н. Покровского адмирал Ушаков даже не упоминался.

В годы Великой Отечественной войны историографическая ситуация коренным образом изменилась. И. В. Сталин резко изменил политический курс, сделав ставку не на классовую борьбу, а на идею социального мира перед лицом внешнего врага. Он обратился к примеру великих предков, в ряду которых стояло имя адмирала Ушакова. 3 марта 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был утвержден статус ордена Ф. Ф. Ушакова. Газета «Правда» от 4 марта 1944 г. писала: «С именем Ушакова связаны замечательные победы на Черном и Средиземном морях. Он обладал исключительным талантом флотоводца, поражавшим оригинальностью и новизной тактических приемов. Он был ярый враг рутины и шаблона. Подобно Суворову на суше, Ушаков был новатором тактических приемов на море».

Изменение историографической ситуации позволило исследователям обратиться к анализу жизни и деятельности адмирала Ушакова. Были изданы книги *Н. Кровякова*, *В. Л. Снегирева*, *А. И. Зонина*¹², что свидетельствовало о новом этапе в осмыслении жизни и деятельности Ушакова.

Особую роль в этом процессе сыграл академик *Евгений Викторович Тарле*, который в 1945 — 1946 гг. опубликовал монографию «Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800)». Являясь крупнейшим специалистом в области истории внешней политики России, Тарле, естественно, основное внимание уделил деятельности адмирала Уша-

кова как дипломата. Академик писал: «Его проницательность, тонкость ума, понимание окружающих, искусно скрытая, но несомненная недоверчивость не только к врагам, но и к „союзникам“, и даже главным образом к союзникам, — все это позволило ему совершенно, по существу, самостоятельно вести русскую политику и делать большое русское дело на Средиземном море в течение двух тревожных и критических лет европейской политики...»¹³. Далее он указывал: «Ушаков проявил себя как умнейший, тонкий и осторожный дипломат и вместе с тем как человек широкого государственного кругозора»¹⁴.

Тарле оставил великолепный портрет адмирала Ушакова, основанный на сравнениях. Он причислял адмирала к военным вождям типа П. А. Румянцева и М. И. Кутузова, которые обнаружили замечательные дипломатические способности, а по стратегии и тактике Ушаков сопоставлялся с Суворовым¹⁵. Особо стоит сказать о сравнении Ушакова и Г. Нельсона, предпринятом Тарле. Здесь, пожалуй, наиболее полно сосредоточены концептуальные оценки историка: «Непохож был великий русский флотоводец Ушаков на английского адмирала Нельсона. Ушаков, идя абсолютно самостоятельным путем, явился творцом новой наступательной тактики. Он не только поломал все догмы застывшей линейной тактики, господствовавшей в западноевропейских флотах того времени, но разработал и практически осуществил новые маневренные формы боя. Нельсон же, особенно сначала, был счастливым последователем и продолжателем своего соотечественника Клерка, талантливым реализатором его идей... Но главное и основное несходство между двумя флотоводцами было в свойствах морального порядка... Если сравнивать моральные качества Ушакова и Нельсона, то становится

очевидным, что последнему было совершенно незнакомо великодушие к поверженному врагу, рыцарское отношение к противнику, уважение к ценности человеческой жизни, которые так ярко проявлялись в Ушакове. Наш герой в этом смысле был — не колеблясь говорим — бесконечно выше Нельсона»¹⁶.

В 1951 г. Институтом истории АН СССР и Главным архивным управлением МВД СССР под редакцией капитана 1-го ранга *Р. Н. Мордвинова* был опубликован первый том сборника документов «Адмирал Ушаков». Он содержит документы, относящиеся к деятельности Ушакова за период с 1768 по 1797 г., причем основное внимание в нем уделено Русско-турецкой войне 1787 — 1791 гг. Второй и третий тома посвящены Ионической кампании 1768 — 1800 гг. и последним годам жизни и деятельности адмирала. Этот сборник произвел подлинный переворот в исследовании деятельности адмирала. Ученые получили широкую и доступную источниковую базу, носящую всеобъемлющий комплексный характер. Развивая мысль отечественных историографов, ответственный редактор издания писал: «Стратегия и тактика Ушакова были подчинены одной цели — уничтожение живой силы противника. Так же как и Суворов, Ушаков всегда искал решительного сражения. Это придавало его тактике ярко выраженный наступательный характер, причем его приемы наступательной маневренной тактики были полнее и богаче приемов западноевропейских адмиралов»¹⁷.

В это же время появилась биография Ушакова, написанная *А. И. Андриющенко*¹⁸. Он ввел в научный оборот ряд интересных документов и дал в принципе верную оценку флотоводческого гения Ушакова. Особое внимание Андриющенко уделил анализу конституции Ионической республи-

ки, подчеркнув, что она производила на всех монархов впечатление излишне демократического законодательства.

В 1940 — 50-е гг. достаточно плодотворно занимался исследованием биографии Ушакова писатель и историк *Георгий Шторм*¹⁹. Он попытался показать жизнь и деятельность адмирала на широком фоне российской действительности XVIII в., увязав их со знаковыми фигурами того времени (*М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев, А. В. Суворов, Г. А. Потемкин* и др.). Шторм, уделяя должное внимание описанию военно-морской деятельности Ушакова, особо отмечал его взаимоотношения с сослуживцами, рядовыми солдатами и матросами. Он фактически первым поставил вопрос о месте и дате рождения Ушакова, решив это достаточно однозначно: «Федор Федорович Ушаков родился в 1752 году, вернее всего, в родовом имении своего отца — селце Бурнакове Романовского уезда Ярославской провинции»²⁰. В качестве доказательств приводились документы Департамента герольдии Сената.

Шторм впервые после Скаловского обратился к проблеме политической деятельности Ушакова, однако переоценил степень его самостоятельности. По мнению Шторма, адмирал создал республику на Ионических островах «на собственный риск, не имея на то никаких полномочий», «не снесясь со своим правительством»²¹. В условиях XVIII в. это невозможно представить, тем более отсутствуют доказательства столь категоричных утверждений.

В 1960-х — первой половине 1980-х гг. вышел ряд работ, в которых деятельность Ушакова рассматривалась в связи с проблемами внешней политики России, ее военной истории. Типичным примером могут служить исследования *Августы Михайловны Станиславской* о взаимоотношениях России и Греции и политической деятельности

Ушакова в Греции²². Станиславская сделала принципиально важный вывод о том, что деятельность Ушакова в 1798 — 1800 гг. на Ионических островах в качестве советника и помощника при организации внутренней жизни полунезависимого греческого государства — Республики Семи Соединенных островов — примечательная и необычная страница в биографии великого русского флотоводца. Она отмечала: «Ф. Ф. Ушаков в военных условиях проводил там определенную политическую линию, социальную политику, рассчитанную на расширение внутренней опоры России, а с этой целью и на смягчение местных противоречий, на установление компромисса нобилитета и буржуазной верхушки»²³. Нельзя не согласиться с мнением Станиславской о том, что изучение ионических лет Ушакова помогает высветить новые черты облика адмирала, увидеть не только патриота России, победоносного флотоводца, новатора в стратегии морского боя, блестящего организатора, заботливого и гуманного командира, но и политического деятеля, имевшего свои взгляды и боровшегося за них. Видим мы и другого Ушакова — побежденного в этой борьбе, осиленного обстоятельствами и врагами, опасавшегося пойти вразрез с царской волей. Борьба за Временный план и поражение в этой борьбе — тяжелое время в жизни адмирала. На Ионических островах удача отвернулась от него, кончилась столь успешная карьера — как раз тогда, когда после блестящей победы при Корфу можно было бы ожидать ее взлета.

В 1980 — 90-е гг. к осмыслению роли Ушакова в истории России обратился Валерий Николаевич Ганичев, автор нескольких посвященных адмиралу книг²⁴. Характеризуя Ушакова, он писал: «Корабль был его домом, его миром. Корабль — мир. В нем соединялось для Ушакова все: заботы, устремления, чувствования, размышления. Корабль

не стал для него местом погребения надежды, нет, наоборот, он вывел его в большой мир великих людей, связал его золотыми нитями с будущим, не ограничил его, а расширил кругозор, выведя в океаны...»²⁵. Ганичев одним из первых обратил внимание на духовную сторону деятельности Ушакова, а в 1995 г. высказал идею канонизации адмирала.

В последние годы огромную роль в осмыслении жизни и деятельности Ушакова сыграл капитан 1-го ранга Владимир Дмитриевич Овчинников²⁶. В 1988 г. в «Морском сборнике» была опубликована одна из первых его статей «Новое об адмирале Ф. Ушакове», где вводились в научный оборот Исповедальные ведомости церкви Богоявления-на-Острове Романово-Борисоглебского уезда. Тогда же завязалась переписка между сектором истории НИИЯЛИЭ (ныне НИИГН при Правительстве РФ) и Овчинниковым, обусловленная практически одновременными поисками документальных подтверждений места рождения адмирала. Впоследствии Овчинников внес ряд серьезных уточнений в биографию Ушакова; несомненной заслугой, результатом многолетних и многотрудных поисков явилось установление места рождения адмирала. Диссертационное исследование Овчинникова «Роль и место Черноморского флота в достижении Российским государством военно-политических целей (конец XVIII — начало XIX вв.)» — серьезный вклад в разработку военно-морской истории России.

Показателем роста интереса к личности адмирала Ушакова служат последние публикации в периодике, в том числе академической. Так, в журнале «Вопросы истории» опубликован созданный А. Г. Сацким обстоятельный исторический портрет Ушакова²⁷, а в альманахе «Центр и периферия» — статья А. Кузнецова о взаимоотношениях адмиралов Ушакова и Мордвинова²⁸.

Следует сказать несколько слов о региональной историографии. В Мордовии интерес к личности адмирала Ушакова возник благодаря стараниям темниковского краеведа *Александра Александровича Чернухина*, который опубликовал ряд материалов о флотоводце²⁹, а также стал первым смотрителем его могилы. Практически одновременно с ним личностью Ушакова заинтересовался научный сотрудник НИИ при Совете Министров МАССР *Михаил Иванович Зевакин*³⁰. Его заслугой явились поиск и публикация документов о последних годах жизни адмирала, проведенных в д. Алексеевке Темниковского уезда. Исследования продолжил Петр Петрович Смирнов, написавший научно-популярную книгу об Ушакове³¹. Директор Темниковского краеведческого музея *Николай Николаевич Зараев* собрал существенный материал о потомках Ушакова.

Имя адмирала Ф. Ф. Ушакова будет и далее продолжать жить в веках как пример высокой гражданственности и беззаветного служения Отечеству. Ушаков по всей справедливости занимает одно из первых мест в ряду знаменитых российских флотоводцев и должен остаться объектом признательности самого отдаленного потомства.

Библиографические ссылки

- ¹ **Тарле Е. В.** Соч. : в 12 т. / Е. В. Тарле. М., 1959. Т. 10. С. 95.
- ² См.: **Лефорт А. А.** История царствования государыни императрицы Екатерины II. М., 1838. Ч. 4. С. 135 — 140.
- ³ См.: **Висковатов А. В.** Блокада и осада Корфу в 1798 и 1799 гг. / А. В. Висковатов // *Сын Отечества*. 1827. № 3 — 4; **Он же.** Блокада и осада Корфу в 1798 и 1799 гг. СПб., 1828.
- ⁴ См.: **Скаловский Р. К.** Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова / Р. К. Скаловский. СПб., 1856.
- ⁵ См.: **Шторм Г. Ф.** Страницы морской славы / Г. Ф. Шторм. М., 1954. С. 16.

- ⁶ **Милютин Д. А.** История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I : в 3 т. / Д. А. Милютин. СПб., 1857. Т. 1. С. 97.
- ⁷ См.: История русской армии и флота. М., 1913. Т. 9. С. 31, 32.
- ⁸ Там же. С. 56.
- ⁹ См.: **Ильинский В. П.** Адмирал Ф. Ф. Ушаков / В. П. Ильинский // *Мор. сб.* 1919. № 3 — 8.
- ¹⁰ Цит. по: Адмиралы Российского флота. Россия поднимает паруса. СПб., 1995. С. 215 — 216.
- ¹¹ Там же. С. 286.
- ¹² См.: **Кровяков Н.** Русские в Корфу / Н. Кровяков. М., 1943; **Снегирев В. Л.** Адмирал Ушаков / В. Л. Снегирев. М., 1943; **Зонин А. И.** Федор Федорович Ушаков / А. И. Зонин. М., 1944.
- ¹³ **Тарле Е. В.** Указ. соч. С. 115.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 114 — 115.
- ¹⁶ Там же. С. 175 — 176.
- ¹⁷ См.: Адмирал Ушаков : документы : в 3 т. М., 1951. Т. 1. С. XXX.
- ¹⁸ См.: **Андрющенко А. И.** Адмирал Ушаков / А. И. Андрющенко. М., 1951.
- ¹⁹ См.: **Шторм Г. Ф.** Ф. Ф. Ушаков / Г. Шторм. М., 1947; **Он же.** Страницы морской славы. М., 1954; **Он же.** Дети доброй надежды. М., 1962.
- ²⁰ **Шторм Г.** Страницы морской славы. С. 16.
- ²¹ **Шторм Г. Ф.** Ф. Ф. Ушаков. С. 266, 271.
- ²² См.: **Станиславская А. М.** Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. / А. М. Станиславская. М., 1976; **Она же.** Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции. М., 1983.
- ²³ **Станиславская А. М.** Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова... С. 4 — 5.
- ²⁴ См.: **Ганичев В. Н.** Ушаков / В. Н. Ганичев. М., 1990; **Он же.** Флотовождь. М., 1994.
- ²⁵ **Ганичев В. Н.** Ушаков. С. 125.
- ²⁶ См.: **Овчинников В. Д.** В служении Отечеству (Адмирал Ушаков: неизвестные страницы жизни) / В. Д. Овчинников. Ярославль, 1993; **Он же.** Федор Федорович Ушаков. М., 1995; **Он же.** Федор Ушаков. М., 1998; **Он же.** Святой праведный адмирал Федор Ушаков. М., 2001; **Он же.** Святой адмирал

Ушаков (1745 — 1817). Историческое повествование о земном пути святого праведного воина. М., 2003.

²⁷ См.: Сацкий А. Г. Федор Федорович Ушаков / А. Г. Сацкий // Вопр. истории. 2002. № 3. С. 51 — 78.

²⁸ См.: Кузнецов А. Адмиралы Ф. Ф. Ушаков и Н. С. Мордвинов: к вопросу о взаимоотношениях / А. Кузнецов // Центр и периферия. 2003. № 1. С. 10 — 13.

²⁹ См.: Чернухин А. А. Наш земляк — адмирал Ушаков / А. А. Чернухин // Зап. НИИ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1949. Вып. 11. С. 41 — 48; Он же. Темников. Саранск, 1973.

³⁰ См.: Зевакин М. И. Документы о великом русском флотоводце Ф. Ф. Ушакове / М. И. Зевакин // Зап. НИИ... Вып. 13. С. 251 — 265; Он же. Ф. Ф. Ушаков в Алексеевке // Литературная Мордовия. Саранск, 1952. № 5 (9). С. 278 — 285.

³¹ См.: Смирнов П. П. Адмирал Ушаков / П. П. Смирнов. Саранск, 1989.

Поступила 10.08.2006 г.

УДК 355.48

В. А. Артамонов

АПОГЕЙ РУССКОЙ МОРСКОЙ СЛАВЫ (Новаторство флотоводческого мастерства Ф. Ф. Ушакова)

С петровских времен русская армия и флот были, образно говоря, двумя руками могучей державы. Никогда за время правления династии Романовых (1613 — 1917) военные успехи России не были такими блестящими, как в конце XVIII — начале XIX в. Причина заключалась не только и не столько в расцвете феодализма, в большей, чем где-либо в мире, выплавке чугуна и железа, не в военных по-

бедах, а в том, что Российская империя, завершая миссию становления православной цивилизации в Северной Евразии, начала освобождать единоверцев — греков, сербов, болгар, валахов, молдаван, украинцев, белорусов, грузин и армян — от исламского и католического гнета, а позже — избавлять европейцев от ига Наполеона. Два русских военных гения, символ сухопутной мощи А. В. Суворов и морской — Ф. Ф. Ушаков, поднялись на высокой волне русского мессианизма и державности.

Мессианизм России понимался тогда как историческая неизбежность — «Божественное предопределение». (Естественные и гуманитарные науки в будущем признают предопределенность и направляемость исторических событий энергетикой высших сил.) Взлет русской гордости и самосознания был невиданным. Все осознавали превосходство русской армии и флота над любой силой в мире. Слова Суворова «Мы русские, с нами Бог!» понимались буквально. От генералов до солдат все окрылялись «русской идеей», выражавшейся боевыми кличами: «Бог за русских!», «Никто в мире не одолеет русских!», «С нами Бог и Екатерина!», «Виват Екатерина!». Смерть за высшие национальные ценности — святую веру, «вдохновенную Богом» Россию и «богоносную» царскую власть — воодушевляла великороссов не меньше, чем французов, рушивших замшелый феодализм в Европе под лозунгом «Свобода, равенство и братство». Традиционная пассивная стойкость русского солдата и матроса преобразилась в атакующий натиск, огромные потери сократились, победа перестала зависеть от численности.

Задолго до 1791 г., когда поэт Г. Р. Державин и композитор О. А. Козловский написали гимн-марш «Гром победы, раздавайся!», в сражениях в Греческом архипелаге, на Балтике, Адриатике, Италии и Черном море солдаты

и моряки, кавалеристы и артиллеристы уже были настроены подобным образом.

Такой энтузиазм редок в истории народов. В нашем Отечестве подобное случалось еще дважды — в середине XVI в., при становлении царства, и в середине XX в., когда Советский Союз был второй сверхдержавой мира.

До Ушакова линейная тактика на море насчитывала больше ста лет. Голландцы во время войн с Англией в 1652 — 1654, 1665 — 1667 и 1672 — 1674 гг. стали применять кильватерный строй, при котором линейные корабли вели огонь на параллельных курсах. Тогда на море (и на суше) старались избегать решающих схваток и проводили оборонительные бои.

В отечественной историографии высказывалось мнение, что русский флот перешел к маневренной тактике либо в Северную войну 1700 — 1721 гг., либо в 1770-х гг. при адмирале Г. А. Спиридове (1713 — 1790), либо при Ушакове в 1790-х гг.¹

Петр Великий не только создал в 1696 г. регулярный Военно-морской флот, но и перенес на Балтику забытую тактику гребных судов и абордажей. В 1714 г. при Гангуте 23 русских галеры бросились фронтом на линию шведов, составленную из 1 фрегата, 6 галер и 3 шхерботов. После отчаянного абордажа были захвачены все десять шведских судов. При помощи такой же тактики генерал-аншефом М. М. Голицыным была одержана победа при Гренгаме в 1720 г. Однако неопытный парусный флот тогда не мог следовать ударной тактике галер и предпочитал отбиваться от шведов в гаванях, стоя на якорях.

Адмирал Спиридов у острова Хиос в 1770 г., действуя в русле традиционной линейной тактики, потерял много времени, вытягивая линию². Он не использовал фактор внезап-

ности и не прорезал турецкого строя, хотя вначале и шел поперек него. Русские суда, последовательно выстраиваясь вдоль турецких, вводились в бой по частям и сильно пострадали от огня. Корабли «Евстафий» и «Три святителя» со сбитым рангоутом были снесены на турецкую линию. «Евстафий», выведя из строя неприятельский флагман, взорвался вместе с ним, потеряв 507 офицеров, матросов и солдат. Однако даже такой неловкий напор русской линии навел панику на турок, и те бежали в Чесменскую бухту.

Только Ушаков заменил линейную тактику маневренной. Его победы контрастно выделяются на фоне морских боев на Балтике. Адмирал — шотландец на русской службе С. К. Грейг (1736 — 1788) стабильно держался линейной тактики (в 6-часовом Гогландском сражении 1788 г., окончившемся русской победой, отстали центр эскадры, арьергард и сильно пострадал авангард).

Многочасовая артиллерийская дуэль адмирала В. Я. Чичагова с герцогом К. Зюдерманландским в сражении у острова Эланд 15 июля 1789 г. окончилась безрезультатно. В победном Ревельском сражении 2 мая 1790 г. Чичагов приказывал кильватерной колонне стрелять только по рангоуту шведов. Эффектной была победа после пятичасового сражения в Выборгском заливе 21 — 22 июня 1790 г., но много шведских кораблей сумело прорваться через русскую линию. В Роченсальмском сражении 28 июня 1790 г. шведы нанесли серьезное поражение гребной флотилии вице-адмирала К. Н. Нассау-Зигена.

Во вторую Русско-турецкую войну 1787 — 1791 гг. Османская империя пыталась уничтожить Черноморский флот и отвоевать Крым (отказа России от Крыма требовала и Швеция). Тогда боеспособность флота и команд из бывших крестьян-общинников, оставленных на пожизненную службу,

была наивысшей, и русские моряки стали профессионалами не хуже английских. Они ставили свои суда специально между кораблями противника, чтобы громить их с обоих бортов³.

Четыре триумфа Ушакова — при Фидониси (1788 г.), Керчи и Тендре (1790 г.) и Калиакрии (1791 г.) — слились с фейерверком русских побед у Кинбурна (1787 г.), Очакова (1788 г.), Фокшан и Рымника (1789 г.), с героическим штурмом Измаила (1790 г.) и победами при Мачине и Анапе (1791 г.).

Решительный, прямой и смелый от природы (подростком ходил с рогатиной на медведя) Ушаков закалил свои бойцовские качества в Морском шляхетском кадетском корпусе, куда поступил 15 февраля 1761 г. Рождение Черноморского флота России совпало с переводом Ушакова в 1783 г. из Петербурга в Херсон. Как у всех в то время, у адмирала была твердая вера в помощь высших сил («Надеясь на всещедрую помощь Божью, окажем себя полезными Отечеству»)⁴. Как и у Суворова, мужество Ушакова рождало неустранимость его подчиненных. Ставя четкую цель, адмирал твердо, ни на йоту не отклоняясь, преследовал ее. Каждый приказ подлежал неукоснительному исполнению.

Новаторство Ушакова детально изучалось еще в XIX в., и в настоящее время перспективным может быть сопоставление его военно-морского мастерства с мастерством других отечественных и иностранных флотоводцев.

Русский адмирал возродил и ввел в морскую тактику непреходящие принципы военного искусства: сосредоточение сил на решающем направлении, внезапность атаки без перестроения из походного в боевой порядок, взаимность поддержки, быстрый маневр, расчленение противника, окружение и разгром его по частям. Адмирал занимал самое

опасное положение и требовал бить неприятеля не по всей кильватерной линии, а громить его по частям с кратчайшей (картечной) дистанции «неукротимой пальбой» в два огня. Канонаду больших 100- и 120-пушечных кораблей (при скорострельности 1 выстрел в 2 минуты) он приказывал сосредоточивать в первую очередь на авангарде и флагманских кораблях неприятеля⁵. Ушаков стал выделять резерв из нескольких фрегатов для нападения на адмиральский корабль и преследовать отступающие суда без соблюдения номеров. При каждой пушке обучалось стрелять не менее 3 человек на случай выхода из строя одного из них⁶.

Для Ушакова, так же как для Румянцева и Суворова, а позже и для Наполеона, главным было сломить дух противника. Вместе с тем Ушаков избегал необоснованного риска и заботился о сбережении кораблей, не всегда следуя призыву фельдмаршала Г. А. Потемкина атаковать турецкий флот при любых обстоятельствах (возможно, в этом состояла причина временного конфликта Ушакова с молодым капитаном Д. Н. Сенявиным).

В отличие от времен Северной войны, экипажи при Ушакове отлично управлялись одновременно и со стрельбой, и с парусами. Противники новаторской тактики Ушакова (Мордвинов, Войнович, Фондезин и др.) оказались беспомощны, и только позже, когда николаевское самодержавие сковало русскую военную силу, лишённые мессианского воодушевления военачальники типа А. С. Меншикова и М. Д. Горчакова из-за перестраховки ставили заслон новым инициативам во флоте и в армии.

Светлейший князь открыл широкий путь для наступательной тактики Ушакова и призывал всех моряков биться «по-черноморски» (то есть по-ушаковски), подходить к врагу на расстояние меньше кабельтова, не брать в плен, а

истреблять корабли и «сильным и живым огнем бить флагманские турецкие суда бомбами и брандскугелями»⁷.

Благодаря новаторским победам 1788 — 1791 гг. только что родившийся Черноморский флот завоевал господство на Черном море. 3 июля 1788 г. при острове Фидониси (Змеином) капитан бригадирского ранга Ушаков, взяв на себя инициативу, занял место не в середине, а во главе строя, показав пример всей эскадре. Хотя по артиллерии османские суда были втрое сильнее русских, черноморские канониры стреляли так хладнокровно и сноровисто, что турецкие корабли выходили из боя. Потери русских были ничтожны — всего 5 убитых и 2 раненых. Контраст с беспомощностью контр-адмирала черногорца М. И. Войновича, который уговаривал Ушакова держать сомкнутую линию и быть осторожным («...наш флотик заслужил чести и устоял противу этакой силы»)⁸ был разительным. Потемкин имел полное право обвинить того в трусости и сменить Ушаковым. 14 апреля 1789 г. Ушаков был произведен в контр-адмиралы, а через год стал командующим Черноморским флотом.

В мае 1790 г. «богом хранимые» (по словам Ушакова) 3 линейных корабля, 4 фрегата и 11 крейсерских судов обошли турецкое Причерноморье от Синопа до Анапы. 22 мая у Синопа Ушаков обстрелял турецкие батареи, 2 фрегата, 1 шхуну и несколько малых судов, стоявших в гавани, потопил и захватил 15 торговых судов. 25 мая перешел к Самсуну, а 31 мая — 1 июня произвел обстрел Анапы и нескольких турецких кораблей, укрывшихся под защиту тамошних береговых батарей. Разгрома Синопа (как при П. С. Нахимове в 1853 г.) и Анапы не произошло потому, что Потемкин не ставил такой задачи. Ушаков правильно писал, что Синопский и Анапский порты без брандеров, бомбардирских судов и гребных судов с пушками так просто

не взять. Тем не менее после рейда две части турецких эскадр «искали своего спасения под крепостями и... трепетали от страха и отчаянности»⁹. Стремление не ослаблять флот в мае 1790 г. было оправданным, и в июле и августе 1790 г. Ушаков дважды разбил турок.

В соответствии со стратегией Потемкина — исполнять свой долг не жалея жизни, добиваться победы любой ценой — Ушаков превратил только что рожденный Черноморский флот в грозу Стамбула.

8 июля 1790 г. у Керчи турки пытались окружить авангард «гяурской» эскадры, но контр-адмирал, выйдя вопреки линейной тактике из строя, поддержал авангард своим центром и прорезал турецкую линию. Рвение и храбрость моряков, как писал Ушаков, были огромными — турецкие команды сметались с палуб картечью. Турки даже закрывали пушечные порты со стороны русских кораблей. Во второй половине боя Ушаков занял место головного корабля, атаковал арьергард и с расстояния пистолетного выстрела «жестоким огнем» нанес великое повреждение противнику, который бежал. После боя у турок утонуло 3 судна, потери русских составляли 29 убитыми и 68 ранеными.

С невероятной быстротой Ушаков исправил повреждения и 28 — 29 августа 1790 г. нанес поражение противнику у острова Тендра. Тремя походными колоннами он внезапно атаковал турецкого адмирала, разбил его авангард и рассеял турецкую эскадру. Корабль Ушакова «Рождество Христово» бился с тремя кораблями противника. Турки потеряли 2 корабля и около 2 тысяч человек, русские — всего 16 человек убитыми и 25 — ранеными.

9 сентября все священники Черноморского флота служили благодарственный молебен в севастопольской церкви Николая Чудотворца под гром салюта с корабля «Рождество

Христово». 15 сентября 1790 г. императрица Екатерина присутствовала на молебне в Петербурге и пила за здоровье победоносного Черноморского флота и Ушакова, «служащего за десяток адмиралов». 23 сентября 1790 г. «морской лев» России планировал нападение на Стамбул¹⁰.

Победа в 1791 г. у мыса Калиакрия под Варной дала Российскому флоту господство на Черном море. Эскадра Ушакова с командой в 11 528 человек вышла против 78 судов турецкой, алжирской и тунисской эскадры с 25 тысячами человек¹¹. Рискованная из-за османского огня с суши, но ошеломляющая атака со стороны берега оказалась оправданной. Пальба почти в упор с дистанции 50 — 70 метров заставила турецкие корабли сталкиваться и прятаться друг за другом. Ушаковские корабли носовыми пушками гнали турецкие. Из 90 вымпелов, вышедших в Черное море в мае, 28 не вернулось назад. Разгром был подобен Чесменскому¹². Бежавшие к Босфору суда разнесли слух о намерении «Ушак-паши» взять Стамбул. Осознав безнадежность войны, султан Селим III, по выражению Екатерины II, «стал мягок и сговорчив, как теленок»¹³.

Конечно, победы над османским флотом облегчались из-за низкой боеспособности турецких экипажей. Османский флот не имел постоянных морских команд; они плохо управлялись с парусами, хуже стреляли и увольнялись после походов. Насильственные наборы турок, греков и армян приводили к массовому дезертирству. Морских карт и приборов было мало. Единоверцы русских — греческие мастера и урядники, совершавшие православные богослужения на исламских кораблях, не усиливали их боеспособность. Однако корабли, построенные после Чесменского погрома по французским проектам, были легкой отделки, обшиты медью и более быстроходны. Они имели больше

орудий крупного калибра в хорошем состоянии, при которых были и англичане.

К началу войны с Францией в 1798 г. Ушаков стал живым воплощением морской мощи России. Важной базой в центральной части Средиземного моря были Ионические острова с крепостью Корфу. После неудачной осады Гибралтара французами и испанцами в 1779 — 1783 гг. считалось, что осада крепостей с моря невозможна.

Главным боевым средством Ушакова являлись корабельная артиллерия и десант. Фрегаты Ушакова, встав на расстояние картечного выстрела от батарей противника, стрелявших каменными ядрами, сбили их. 18 — 20 февраля 1799 г. произошло неслыханное в мировой военной истории событие: русские моряки яростным штурмом захватили большую часть острова и неприступную крепость. Адмирал Г. Нельсон не мог совершить подобного подвига при осаде Мальты. После этого ушаковский флот и русские десанты участвовали в изгнании французов из Италии, помогли англичанам захватить Неаполь и вошли в Рим. Победы «морского Суворова» и его экспедиция 1798 — 1800 гг. в Греческий архипелаг поставили Россию на равных с «владычицей морей» Британией.

17 января 1807 г. по собственному желанию Ушаков был уволен со службы «с мундиром и пенсией». Правительство не использовало талант Ушакова в войне с Турцией 1806 — 1812 гг., но его новаторство развил вице-адмирал Д. Н. Сенявин (1763 — 1831). В Афонском сражении 19 — 20 июня 1807 г. он не только атаковал авангард и флагманские корабли неприятеля, но выставил против борта каждого турецкого корабля по два русских, создав двойное превосходство артиллерийского огня.

Последней победой русского парусного флота стала Синопская победа адмирала П. С. Нахимова, после которой

флот, старея вместе с самодержавием, дошел до Цусимской катастрофы 1905 г. (Бессмертные подвиги, подобные деяниям «Варяга» и «Стерегущего», были одержаны благодаря русскому характеру, но не «державности» выдохшейся империи.) Новый подъем славы и героизма связан с Рабоче-крестьянским флотом СССР.

Если при Петре Великом морская сила России была четвертой после Великобритании, Франции и Османской империи, то к 1796 г. Российский флот мог считаться вторым после британского.

Вряд ли стоит противопоставлять русских и британских моряков, Ушакова и Нельсона. Тот и другой были талантливыми флотоводцами, оба были державниками и ревнителями строгой дисциплины, оба больше любили море, чем берег. Конечно, мораль английского флотоводца контрастировала с ушаковской. Нельсон не страдал избытком великодушия и скромности, был большим женолюбцем и сквернословом, но англичане, провожая его в походы, бывало, становились перед ним на колени.

Сто лет линейной тактики завели образцово-самоуверенный, приученный к штормам британский флот в тупик. Нарушение кильватерного строя в бою каралось вплоть до казни. Кораблям не позволялось выходить из линии даже на помощь соседу. Неудачи в сражениях с французским флотом, постоянно державшимся оборонительной тактики, вызывали в адрес моряков обвинения в трусости, а флотоводцев — в бездарности.

Как известно, мысль материальна. Маневренная тактика почти одновременно появилась в России и в Западной Европе. Случайный человек — мелкий шотландский чиновник Д. Клерк (1728 — 1812), размышляя над неудачами английского флота, теоретически обосновал маневренную

тактику. Он доказал, что не следует брать под огонь всю эскадру противника, а нужно сосредоточить превосходящие силы против ее части, оставшихся же обратиться в бегство.

Потомственный моряк, служивший во флоте с 1732 г., адмирал Д. Б. Родней (1718 — 1792) в сражении при острове Доминика 9 — 12 апреля 1782 г. впервые отошел от линейной тактики. Не боясь нарушить строй, он прорезал линию французской эскадры с целью разгрома ее части и привел в беспорядок неприятеля. Адмирал Дункан в сражении при Кампердоуне 11 октября 1797 г. атаковал двумя неправильными колоннами арьергард и авангард голландской эскадры, прорезал ее строй, оставив центр без внимания, и смешал противника¹⁴. Подобные идеи появились и во Франции, но их развитию помешала Французская революция.

Для барона Нильского, франкофоба Нельсона (1758 — 1805), главным было истребление морской силы врага. Нельсон интересовался идеями Клерка, но, как и Ушаков, исходил в основном из своего опыта, когда впервые при Сен-Винсенте, в 1797 г., командуя арьергардом, без разрешения, вопреки догмам линейной тактики преградил путь испанскому адмиралу и взял на abordаж два судна. При Абукире 1 — 2 августа 1798 г., когда из 13 французских кораблей 2 были сожжены и потери достигли 5 тысяч человек, а 9 кораблей сдались, атака производилась без построения из походного порядка в боевой, удар наносился по флагману, противник ставился в два огня, стрельба велась не по рангоуту, а по корпусу, чтобы уничтожить канониров и орудия врага. При Трафальгаре 21 октября 1805 г. Нельсон приказал прорезать линию франко-испанской эскадры в двух местах и, произведя стрельбу в упор (британцы стреляли вдвое чаще, чем испанцы и французы), одержал победу, потопив и пленив 18 кораблей. Английские моряки

перед боем плясали, раненые не покидали орудий, один из матросов при ампутации руки пел гимн «Правь, Британия».

Победы Ушакова, казалось бы, не завершались эффектной концовкой, как у Спиридова в Чесменской бухте или у Нельсона при Трафальгаре, однако они достигли главного — Российский флот подавил боевой дух османов и завоевал господство на Черном море.

К концу XVIII в. русская нация стала не только военной, но и морской, ни в чем не уступавшей англичанам. Известно, что Нельсон, сам бросавшийся на abordаж, предостерегал своих капитанов от рукопашных схваток с русскими. Однако не стоит преувеличивать его «ненависть к русским»¹⁵. Для яростного британского державника Нельсона смертельным врагом была Франция, и неприязнь его к союзной России и Ушакову была явно ниже. Противник обоих адмиралов в конце XVIII в. был не на высоте. Испанские матросы, набравшиеся по кабакам, и французские моряки, растерявшие после 1789 г. свою квалификацию, были не намного качественнее турок.

Можно предположить, что при одинаково высокой выучке английских и русских моряков, энтузиазме русских команд в конце XVIII в. и равенстве флотоводческого мастерства Ушакова и Нельсона компьютерное моделирование боя между ними, скорее всего, дало бы ничейный результат.

Адмирал Ф. Ф. Ушаков — национальная слава России, и он будет вечной гордостью нашего народа.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Мордвинов Р. Н.** Флотоводческое искусство адмирала Ф. Ф. Ушакова / Р. Н. Мордвинов // Русское военно-морское искусство. М., 1951. С. 122; Морской энциклопедический словарь. СПб., 1993. С. 110.

² См.: **Кладо Н. Л.** Морская тактика / Н. Л. Кладо. СПб., 1897. С. 84.

³ См.: Георгиевские кавалеры : сб. : в 4 т. / сост. А. В. Шишов. М., 1993. Т. 1. С. 119.

⁴ См.: Адмирал Ушаков : документы : в 3 т. М., 1951. Т. 1. С. 371.

⁵ Там же. С. 18 — 19.

⁶ См.: **Мордвинов Р. Н.** Суворов и Ушаков / Р. Н. Мордвинов // Русское военно-морское искусство. С. 120 — 121.

⁷ См.: Адмирал Ушаков. С. 316, 360.

⁸ Там же. С. 64.

⁹ Там же. С. 188.

¹⁰ Там же. С. 351.

¹¹ См.: **Носов Ф. В.** Адмирал Ушаков / Ф. В. Носов. Л., 1955. С. 23.

¹² См.: **Овчинников В. Д.** Святой праведный адмирал Федор Ушаков / В. Д. Овчинников. М., 2001. С. 101 — 103.

¹³ См.: Адмирал Ушаков. С. 534.

¹⁴ См.: **Кладо Н. Л.** Указ. соч. С. 103.

¹⁵ См.: **Тарле Е. В.** Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798 — 1800) / Е. В. Тарле. М., 1948. С. 150.

Поступила 11.09.2006 г.

УДК 355.48

А. В. Кузнецов

ФЛОТОВОДЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Ф. Ф. УШАКОВА КАК ПРИЛОЖЕНИЕ ПРИНЦИПОВ МОРСКОЙ ТАКТИКИ ПОСЛЕДУЮЩИХ ЭПОХ

Разносторонний опыт прошлых войн, оперативной и боевой подготовки обогащает военно-морское искусство как научную теорию. В то же время «военно-морское искусство — категория историческая, так как каждому периоду истории

соответствуют свои теории и практика вооруженной борьбы на море, адекватно отражающие достигнутую ступень в развитии материальных средств этой борьбы. <...> Без изучения опыта прошлых войн и критического его освоения нельзя обеспечить развитие военно-морского искусства»¹.

С исторической точки зрения адмирал Ф. Ф. Ушаков, с его самобытным характером, военным гением и судьбой, есть коррелят русской культуры в период наивысшего пассионарного напряжения. Эта эпоха, хронологические рамки которой примерно соответствуют веку, характеризуется тем, что сама антропосфера выдвигала на ведущие позиции ярких, талантливых, а главное, инициативных героев, бесстрашных перед лицом как внешней, так и внутренней угрозы. В связи с этим выдвигание в середине — второй половине XVIII в. из среды российского социума выдающихся военачальников, администраторов, политиков закономерно.

Решаемые ими задачи основывались именно на практическом осуществлении внутри- и внешнеполитических директив. Вследствие этого не случайно, что все они в меньшей степени занимались теоретическими изысканиями, а следовательно, не оставили нам монументальных трудов, которые могли бы составить значительный пласт в научном наследии целой исторической эпохи. Не означает ли это, что для последующих поколений деятельность П. А. Румянцева, Г. А. Потемкина, А. В. Суворова, Ф. Ф. Ушакова любопытна лишь в историческом аспекте? Действительно ли, как отмечал А. Т. Мэхэн, приложение выработанных принципов изменяется с течением времени?² Будут ли кардинально отличаться способы применения военно-морского флота в современных условиях от тех, которые доминировали в прошлых войнах, как считал С. Г. Горшков?³

Если эти положения справедливы, то на самом деле адмирал Ушаков интересен, прежде всего, тем, что он — создатель школы флотоводческого искусства, из которой вышли: непосредственно — Д. Н. Сенявин, а опосредованно — М. П. Лазарев, П. С. Нахимов и В. А. Корнилов, унесшие с собой в небытие романтику парусной эпохи. Неужели с приходом пара, брони и атомной энергетики все это становится предметом исторических исследований? Большинство специалистов действительно так считает, отрицая неизменность принципов в военном деле. «Морская тактика основана на условиях, главный фактор которых, а именно оружие, изменяется с течением времени; изменения в нем, в свою очередь, необходимо влекут за собою изменения в конструкции кораблей, в способах управления ими и, наконец, в диспозиции и управлении флотами», — данное убеждение известно еще со времен представителя французской военно-теоретической школы XVIII в. Морога⁴.

Для того чтобы представить уровень военно-морского искусства на том этапе развития, на котором довелось действовать прославленному русскому флотоводцу, нам необходимо сделать небольшой экскурс в историю. В парусную эпоху борьба на море носила характер артиллерийских дуэлей и абордажных свалок кораблей, часто не соблюдавших своего места в строю эскадры. Эволюция форм борьбы на море к моменту начала второй англо-голландской войны (1665 — 1667) привела к организации конгломерата множества кораблей в тесно сомкнутую линию баталии. Впоследствии данное построение было принято как основной боевой порядок противоборствующих эскадр. Традиция отдает честь инновации герцогу Йоркскому (будущий король Джеймс II), впервые применившему ее в сражении у Лоустофта 11 июня 1665 г. Тем не менее основой для

тенденциозного «Предписания по морскому и военному делу герцога Йоркского» был учебник по морской тактике У. Пенна, закрепившего за собой право считаться теоретиком нового способа построения эскадры в бой.

Воспроизведя механизм возникновения связности «линия баталии — линейный корабль», можно прийти к следующей схеме: перемещение артиллерии на борту корабля диктовало требование держать неприятеля на траверзе, что, в свою очередь, привело моряков к практике использования кильватерной колонны; в то же время стало ясно: для того чтобы длинная тонкая линия не могла быть прорвана, в нее необходимо вводить суда с одинаковыми характеристиками. Так возник новый класс кораблей, получивших название линейных, которые предназначались только для действий в порядке баталии. Все остальные суда служили для иных целей — наблюдения, связи, охранения и т. д.⁵

Таким образом, на протяжении всего XVIII столетия военно-морское искусство основывалось на так называемой линейной тактике, которая, впрочем, продолжала господствовать и на последующих этапах развития флотов вплоть до 40-х гг. XX в.* Однако из этого не следует, что она удовлетворяла всем требованиям той конкретной обстановки, в которой оказывались противоборствующие стороны во время проведения той или иной кампании. Теория и практика морской войны требовали постоянного поиска новых

* Для иллюстрации этого положения можно привести пример американского адмирала Р. А. Спрюэнса, слывшего во флоте «черным сапогом» — приверженцем традиционных схем использования флота. В первом бою у Филиппин (18 — 20 июня 1944 г.) он выделил в особое оперативно-тактическое соединение линейные корабли, предполагая уничтожение противника башенными орудиями главного калибра в «классическом стиле».

форм и методов флотовождения. Первые попытки теоретического обоснования маневренной формы ведения морского боя нашли отражение в труде англичанина Дж. Клерка «Опыт морской тактики» (1790 — 1797, ч. 1 — 4; рус. пер. «Движение флотов», 1803), в котором он на основе анализа причин неудач «Royal Navy» в сражениях середины XVIII в. изложил некоторые рекомендации по изменению линейной тактики и внедрению новых принципов ведения морского боя⁶.

Первым практически использовал инновационные модели и методы применения морской силы, отказавшись от шаблонов господствующей тактической схемы, причем с неизменным положительным результатом, именно Ушаков. Его морские победы заложили основы новой формы боевого использования флота — маневренной. Наряду с маневром эскадры для более полного использования артиллерии и нарушения управления силами флота противника она предусматривала большую самостоятельность в проведении маневра отдельных кораблей. Данная тенденция способствовала внесению нового содержания в тактику одиночного корабля и предъявляла повышенные требования к командиру в искусстве управления и использовании оружия корабля в бою⁷. Морские победы английского адмирала Г. Нельсона и русского адмирала Д. Н. Сенявина способствовали дальнейшему утверждению в военно-морском искусстве новых принципов боевого соприкосновения противоборствующих флотов.

Рассмотрим приемы ведения войны на море, последовательно вводившиеся в практику Ушаковым. Оговоримся лишь, что в данном случае нас интересует, прежде всего, задача действий «флот против флота». Итак, 14 июля (здесь и далее новый стиль) 1788 г. у острова Фидониси

командующий авангардом русской эскадры бригадир Ушаков применил новый тактический прием — сосредоточенный удар артиллерии по флагманскому кораблю турок. В результате этого турецкий командующий Гассан-бей потерял управление эскадрой и был вынужден отойти, уступив меньшему по численности противнику.

19 июля 1790 г. в сражении у Керченского пролива контр-адмирал Ушаков для поддержки авангарда, подвергшегося сосредоточенному обстрелу турецкой эскадры, выделил особый резерв из 6 фрегатов, который в решительный момент по сигналу адмирала усилил давление на флагманский корабль Хусейна⁸. Новый тактический прием позволил Ушакову выиграть артиллерийскую дуэль, а затем, отступив от правил линейной тактики, начать преследование противника.

Бои у острова Фидониси и Керченского пролива показали малую пригодность 40-пушечных фрегатов азовской постройки вследствие слабости их артиллерии для борьбы с кораблями. Для повышения действенности огня русской эскадры Г. А. Потемкин с подачи Ушакова приказал перевооружить крупные фрегаты артиллерией больших калибров. После данной акции в документах возникла путаница в классификации полученных кораблей. Согласно классификации Потемкина их перевели в ряд линейных кораблей⁹.

Ушаков предпочитал другой термин — «линейный фрегат», обозначающий особый класс кораблей, способных сражаться в порядке баталии рядом с линейными кораблями¹⁰. Именно они входили в состав тактического резерва Ушакова, предназначавшегося для усиления натиска на определенную единицу или часть флота противника. От «малых фрегатов» линейные отличались артиллерийской

мощью. Например, в русской Средиземноморской эскадре в 1798 г. числилось 6 линейных кораблей, 5 линейных фрегатов и 2 малых фрегата. Корабли имели на двух батарейных палубах и шканцах по 70 — 90 орудий; репетичный фрегат «Счастливый» — 32 пушки, из которых на деке располагались 24-фунтовые, а на шканцах — 18-фунтовые орудия. К числу фрегатов причислялся и акат «Ирина», вооруженный 18 пушками. Пятидесяти- и сорокапушечные линейные фрегаты по производительности залпа занимали промежуточную позицию, но были ближе к кораблям, чем к крейсерским судам¹¹.

8 сентября 1790 г. у острова Тендра Ушаков, не меняя походного порядка на боевой, внезапно атаковал турецкий флот, ожидавший на якорях развертывание русских в линию баталии. Тактика Ушакова вновь сводилась к бою на дистанции, позволяющей вводить в дело всю наличную артиллерию и наносить ею сосредоточенный удар по вражеским флагманским кораблям с целью лишить их возможности руководства боем. Результатом этой неожиданной для турок атаки стал разгром турецкого флота.

Можно утверждать, что главным условием успешной атаки противника является внезапность нападения. Благодаря эффекту внезапности Ушакову удалось разгромить турецкую эскадру в наиболее эпохальном сражении у мыса Калиакрия 11 августа 1791 г. Здесь он свел продолжительность маневра вне боя к возможному минимуму, выиграв у противника позицию, а затем атаковал стоявшую под прикрытием береговых батарей численно превосходившую турецкую эскадру капудан-паши Хусейна. Вопреки канонам военно-морского искусства того времени русский флагманский корабль вышел из строя баталии и сосредоточил огонь на корабле Хусейна. Снова результатом стали потеря

турками управления в бою, отступление, а в итоге оперативного преследования — полный разгром.

Последующие поколения как западных, так и отечественных специалистов беспрекословно отдавали первенство в военно-морском искусстве Нельсону, не желая признавать того факта, что Ушаков являлся истинным новатором в тактике морского боя¹², при этом основные победы русского флотоводца были одержаны значительно раньше успехов британца*. Мы не ставили перед собой цель критики западноевропейской историографии, а также поиска источника последующих заблуждений по данному вопросу. Выделим лишь несколько тактических принципов, которыми воспользовался прославленный русский адмирал примерно на десятилетие раньше Нельсона. Это, прежде всего, сочетание в бою неожиданного маневра, натиска и сосредоточенного огня по флагманскому кораблю, применение «маневренной группы» в критические моменты боя для давления на один из концов кильватерной колонны противника, а при положительном исходе артиллерийской дуэли — преследование деморализованного противника до полного истребления.

В связи с этим следует заметить, что сам Нельсон предпочел при Трафальгаре атаковать арьергард линии баталии противника, оснащенного не в пример более слабыми фрегатами в отличие от мощных флагманских кораблей¹³. На наш взгляд, выделенные тактические принципы не только не уступают своего места со сменой кораблестроительных эпох, но и концентрируют свою значимость по отношению к но-

* Ф. Ф. Ушаков одержал победы в 1788 г. (у острова Фидониси), в 1790 г. (у Керченского пролива и острова Тендра), в 1791 г. (у мыса Калиакрия). Победы адмирала Г. Нельсона относятся к более позднему периоду: Сен-Винсент — 1797 г., Абукир — 1798 г., Трафальгар — 1805 г.

вым условиям. Ушаков не только сумел преодолеть сопротивление адептов «линейной тактики», существовавшей со второй половины XVII в., но и предвосхитил многие положения морской тактики, нашедшие свое применение в эпоху брони и пара.

Многие черты, свойственные флотоводческому искусству Ушакова, настолько прочно вошли в арсенал русской военно-морской мысли, что на качественно иной основе сделались типичными для всего последующего развития русского национального военно-морского искусства¹⁴. Например, вышедшее в 1897 г. «Рассуждение по вопросам морской тактики» адмирала С. О. Макарова носило ярко выраженный наступательный характер. Быстрому реагированию отдельных мателотов при этом отводилось заметное место как у Ушакова, так и у Макарова. При боевой подготовке Ушаков учил личный состав особенно учитывать фактор времени: «Ту же минуту каждый должен показать исполнение действия вверенного ему судна, то-есть идти в свое место, где кому быть должно, не ожидая никого и не медля ни одной минуты...»¹⁵. Наставления Макарова перекликались с утверждениями великого предшественника: «Мое правило: если вы встретите слабейшее судно — нападайте, если равное себе — нападайте и если сильнее себя — тоже нападайте. Если увидите, что и другой наш корабль нападает на то же судно, на которое вы напали, продолжайте ваше нападение, пока не уничтожите неприятеля... Успех в бою будет в большей степени зависеть от умелого управления кораблем, и надо изыскивать всякие средства, чтобы приучить личный состав к маневрированию корабля»¹⁶.

Первое издание «Рассуждения...» Макарова было вскоре переведено за границей, где всерьез изучались такие

аспекты боевого применения кораблей эскадры, как раздельное маневрирование и охват головы и хвоста колонны. Среди них хотелось бы отметить знаменитый принцип боевого воздействия «crossing the T», при котором флагманский корабль противника ставится под сосредоточенный огонь артиллерии эскадры, что влечет за собой его выход из строя и, как следствие, потерю управления соединением в целом. Данный принцип пытался реализовать адмирал Х. Того в сражении в Желтом море 10 августа 1904 г. Однако удержание японцами «Цесаревича» на траверзе с легкостью парировалось русскими простым уклонением от генерального курса. При Цусиме (27 — 28 мая 1905 г.) этот маневр также не был реализован, хотя простой охват головы колонны сам по себе нанес большой вред головным кораблям эскадры З. П. Рожественского. Итог данного сражения всем хорошо известен и мало чем отличается от результатов поражений турок после столкновений с кораблями Ушакова.

Следует указать и на возвращение в первые десятилетия XX в. к практике быстроходных маневренных групп. В 1905 — 1906 гг. Первый Лорд Адмиралтейства Дж. Фишер на основании опыта использования в Русско-японской войне броненосных крейсеров выдвинул идею «универсального боевого корабля», одной из задач которого британский комитет по созданию «all — big — gun» кораблей определил следующий принцип Ушакова: «Образовать легкую эскадру для поддержки линейных кораблей во время сражения... Тревожить корабли, находящиеся в голове или хвосте колонны противника»¹⁷.

Вслед за Британией строить и проектировать линейные крейсера (усовершенствованные линейные фрегаты) начали и в других странах. Отрадно отметить тот факт, что среди многочисленных проектов данного класса кораблей, реально

строившихся на заводах великих морских держав, самым совершенным выглядел проект линейного крейсера русской схемы, наиболее полно отразивший в себе принцип Ушакова (рисунок). При подробном рассмотрении данного проекта возникает ассоциативный ряд с линейными фрегатами, который мы постараемся изложить ниже.

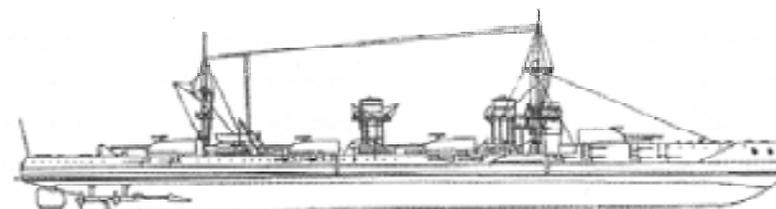

Рис. Линейный крейсер «Измаил» (проект)

Согласно концепции Морского генерального штаба в основу программы возрождения флота после цусимской катастрофы было положено производство целых оперативно-тактических соединений, при этом в состав такого соединения, кроме двух бригад линейных кораблей, в качестве «быстроходного летучего отряда» входила одна бригада линейных крейсеров. На последние Морской генеральный штаб возлагал ряд важных задач: дальняя тактическая разведка боем главных сил противника; поддержка флангов колонны своих линкоров в бою и оказание давления на фланги боевой линии противника; отсечение от эскадры противника уже ослабленных в линейном бою тяжелых единиц и их последующее уничтожение, а также преследование его расстроенных боевых порядков¹⁸.

Общая оценка проекта «Измаил» специалистами сводится к тому, что он является продуктом передовой оперативно-тактической концепции, предвосхитившей появление

быстроходных линкоров 30 — 40-х гг. XX в. Превосходство «Измаила» в огневой мощи над всеми линкорами постройки 1911 — 1919 гг. неоспоримо, однако и корабли следующего поколения — «Мериленд», «Нагато», «Нельсон» — по совокупности залпа главного калибра также отставали от русского линейного крейсера соответственно на 15, 11 и 9 %¹⁹.

В принципе, характеристика данного типа кораблей весьма затруднена. Например, С. Б. Переслегин отмечает: «...охарактеризовать русские крейсера серии «Бородино» («Измаил». — А. К.) невозможно, из-за крайней противоречивости информации об энергетической установке»²⁰. Ведущий специалист по изучению проблем создания и проектирования в Российской империи сверхдредноутов С. Е. Виноградов намеренно не употребляет официальной классификации «линейные крейсера» по отношению к «измаилам», предпочитая называть их «быстроходные линейные корабли»²¹. Эта терминологическая путаница в достаточной степени напоминает возникшую ранее при классификации больших фрегатов Ушакова и Потемкина и, в свою очередь, сближает концепции применения обоих классов кораблей.

Основным тактическим принципом Ушакова было сочетание огня и маневра. Эти две категории военно-морского искусства в течение продолжительного времени практически исчерпывали основное содержание морской тактики. Благодаря маневру силы флота оказывались способными донести оружие до такого положения, при котором возможности последнего могли быть реализованы в полной мере в ударе и, кроме того, в определенных случаях обеспечивалось нужное сосредоточение сил. Ушакову, следовавшему своему принципу, приходилось подводить корабли на «пистолетный выстрел» к противнику. По мере совершенствования

технических средств поражения боевой маневр, выполнимый на этапе тактического развертывания, в линейном измерении все время сокращался²². Сейчас каждая боевая единица флота должна быть готовой отразить удар противника, находящегося на удалении 500 — 700 км, т. е. быть в постоянной боевой готовности. В этой ситуации как никогда актуально следование примеру тактического искусства Ушакова: четко разделять морской бой на фазы, главными из которых являются оборонительные и наступательные; уметь организовать взаимодействие между отдельными частями своей эскадры, атакующими соединение врага, повсеместно учитывая фактор времени²³.

В своей боевой деятельности Ушаков дал пример высшей тактики, если понимать под этим термином «искусство совершать целесообразные комбинации перед сражениями, так же, как и в течение их»²⁴. Его комбинация основывалась на условии, что корабли подветренного флота, стоящего на якоре, не имеют возможности оказать своевременную помощь наветренным кораблям. Повторяя постулаты Мэхена, следует сказать, что с точки зрения тактики принцип комбинации, который диктует условие избрания в качестве цели части неприятельского оперативно-тактического соединения, наименее рассчитывающей на поддержку, и атаку ее превосходящими силами, не утратил своего значения и в наше время²⁵.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод: основные принципы морской тактики Ушакова продолжали восполнять пробелы «линейной тактики» в период броненосного судостроения и служат реминисценцией для современных методов ведения боевых действий на море. Эпоха ядерной энергетики и ракетного оружия совершенно неожиданно приводит некоторых теоретиков военно-морского искусства и флотских функционеров к смене парадигмы в

кораблестроении (так называемое линкорное лобби). Иначе говоря, с 70-х гг. XX в. в печати наметились тенденции к реабилитации идеи применения линкора²⁶, броня которого способна надежно защитить экипаж от воздействий атомного взрыва, а главное оружие, артиллерия, более выгодно с точки зрения стоимости и эффективности*. При этом альтернатива вероятностной реализации связности «линия баталии — линейный корабль», описанная нами выше, может реализоваться с точностью до наоборот.

В течение почти двух столетий в результате технического прогресса флот все дальше уходил от парусной эпохи с ее специфической тактикой, зависящей от погодных условий, и общей примитивностью кораблей (фактически парусный линейный корабль отличался от кораблей других классов только размерами и огневой производительностью). Развитие систем защиты и нападения в последующее время привело к тому, что линейный корабль в некоторых аспектах стал принципиально отличным от крейсеров, эсминцев и т. д., на которые возлагали теперь только обеспечивающие функции ПВО и ПЛО. Начиная с 40-х годов XX в. линейные корабли в качестве ядра флота были заменены авианосцами. Роль же отдельного корабля обеспечения (класса фрегат-эсминец) вплоть до недавнего времени была все так же невелика, поскольку габариты электроники и ракетного

* В 70-е гг. XX в. для секретаря флота США был подготовлен объемный доклад, в котором обобщался опыт применения линейных кораблей в Корее и Вьетнаме. Для сравнения приводились следующие факты: 406-миллиметровые орудия «Айовы» за 30 мин. могут выпустить 232,7 т взрывчатки и стали, стандартная же производительность авиакрыла атомного авианосца «Нимитц» — 228,6 т в сутки. При этом «доставка» каждой тонны боеприпасов линкором обходится в 1,6 тыс. долл., а авианосными самолетами — примерно в 12 тыс. долл.

оружия не давали возможности сделать в ограниченном водоизмещении универсальный корабль*.

Тем не менее, все тот же технический прогресс²⁸ в последние годы приводит к парадоксальной ситуации. Миниатюризация электроники, развитие вариации модульного размещения оружия способствуют тому, что сейчас в классе корвета и фрегата создаются корабли, призванные не только с высокой эффективностью самостоятельно исполнять функции судов ПВО и ПЛО эскадры, но и решать ударные задачи и осуществлять радиоэлектронную разведку. Для командиров подобных флотских единиц следование принципам Ушакова было бы очень полезным. Современные тенденции повышают требования к инициативности командира, так как от действий небольшого, но самостоятельного корабля, который по оснащенности мало уступает крейсеру 1970 — 80-х гг., может зависеть успех целого сражения. Именно подобные боевые единицы, являющиеся в своей универсальности наследниками тяжеловооруженных линейных фрегатов Ушакова, должны стать основой российского надводного флота в ближайшие десятилетия**.

Подобная альтернатива в еще большей степени может способствовать практической связи современности

* Для примера можно назвать американский фрегат «Старк», на котором стоял зональный комплекс ПВО, но практически отсутствовал комплекс ПВО ближнего радиуса действия.

** Подтверждением этого положения могут служить данные о вооружении корабля проекта 20380, официально интерпретируемого как корвет (в реальности — малый фрегат водоизмещением около 2 тыс. т). Эта боевая единица несет оперативно-тактические противокорабельные ракеты дальностью действия около 300 км, которые ранее устанавливались только на крейсерах. Если прибавить к этому планируемые модули ПВО крейсерского класса, можно говорить о высокой степени универсальности проекта.

с традициями флотовождения предшествующих времен. Цикличность исторического процесса приводит к тому, что современная структура надводного флота становится похожа на ту, что была в эпоху Ушакова: корабли отличаются только размерами и количественным составом вооружения. Таким образом, можно с уверенностью сделать вывод о том, что тактические принципы Ушакова универсальны и являются непреложными в современном военно-морском искусстве.

Библиографические ссылки

- ¹ Горшков С. Г. Морская мощь государства / С. Г. Горшков. М., 1976. С. 347.
- ² См.: Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю, 1660 — 1783 / А. Т. Мэхэн. М. ; СПб., 2002.
- ³ См.: Горшков С. Г. Указ соч.
- ⁴ Цит. по: Мэхэн А. Т. Указ соч. С. 21.
- ⁵ Там же.
- ⁶ <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/005/970.htm>
- ⁷ Там же.
- ⁸ См.: Тарле Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798 — 1800) : избр. соч. : в 4 т. / Е. В. Тарле. Ростов н/Д, 1994. Т. 4.
- ⁹ См.: История отечественного судостроения IX — XIX вв. : в 5 т. СПб., 1994. Т. 1.
- ¹⁰ См., напр.: Рос. гос. арх. Воен.-мор. флота, ф. 119, д. 6925; ф. сбор., д. 7.
- ¹¹ Там же, ф. 119, д. 6925, л. 64, 83 — 84.
- ¹² См.: Тарле Е. В. Указ соч.
- ¹³ См.: Мэхэн А. Т. Указ соч.
- ¹⁴ См.: Мордвинов Р. Н. Основные черты флотоводческого искусства Ушакова / Р. Н. Мордвинов // Новаторы русского флота. М., 1949.
- ¹⁵ Там же. С. 9.
- ¹⁶ Цит. по: Мордвинов Р. Н. Выдающийся новатор русского флота вице-адмирал Степан Осипович Макаров / Р. Н. Мордвинов // Новаторы... С. 32 — 33.
- ¹⁷ Цит. по: Больных А. Морские битвы Первой мировой : Схватка гигантов / А. Больных. М., 2002. С. 14.

- ¹⁸ См.: Виноградов С. Е. «Измаил»: сверхдредноут Российской империи / С. Е. Виноградов // Мор. коллекция. 2001. № 1 (37).
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ http://www.igstab.ru/materials/Pereslegin/Per_PagadigmShips.htm
- ²¹ См.: Виноградов С. Е. Указ. соч.
- ²² См.: Горшков С. Г. Указ соч.
- ²³ Мордвинов Р. Н. Основные черты...
- ²⁴ Мэхэн А. Т. Указ соч. С. 21.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ См.: Балакин С. А. Линкоры типа «Айова» / С. А. Балакин // Мор. коллекция. 2003. № 1.
- ²⁷ http://www.igstab.ru/materials/Pereslegin/Per_PagadigmShips.htm; http://www.igstab.ru/materials/Pereslegin/Per_Linkor.htm
- ²⁸ Об этом см.: Юнгер Ф. Г. Совершенство техники. Машина и собственность / Ф. Г. Юнгер. СПб., 2002.

Поступила 12.09.2006 г.

УДК 947:355.322=133.1

М. Джеминиани

LE OPERAZIONI DELLA FLOTTA RUSSA DEL VICEAMMIRAGLIO USHAKOV LUNGO LE COSTE DELLA PENISOLA ITALIANA DAL 1799 AL 1800

La Rivoluzione francese, il cui inizio tradizionalmente viene fatto risalire alla conquista della fortezza della Bastiglia a Parigi il 14 luglio 1789, ebbe una vasta eco in Europa¹. I principi che avevano ispirato questo sovvertimento si diffusero grazie all'opera di proselitismo svolta da numerosi intellettuali e si stabilì così una stretta intesa tra la Francia rivoluzionaria e le minoranze progressiste europee. Per

¹ Si fa presente che per le date è stato usato il calendario gregoriano.

opporci a questa situazione e tentare di ripristinare l'*ancien regime* a partire dal 1793 alcuni Stati, fra i quali la Russia, la Gran Bretagna, l'Austria, la Spagna, la Prussia, i Paesi Bassi, il Portogallo, lo Stato Pontificio, il Regno delle Due Sicilie e il Regno di Sardegna si unirono nella Prima Coalizione antifrancesa e ci portò ad una sanguinosa guerra. Nel 1795 i Paesi Bassi, la Prussia e la Spagna furono costrette a firmare la pace e il governo francese, per costringere anche gli altri Stati ad uscire dalla Prima Coalizione, decise di attuare un grande sforzo militare attaccando contemporaneamente su due fronti: i generali Jourdan e Moreau avrebbero operato a nord sul fronte del Reno, mentre il giovane e all'epoca sconosciuto generale Bonaparte avrebbe agito nella penisola italiana.

Quest'ultimo ufficiale ottenne una serie di sfolgoranti vittorie e la presenza delle sue truppe portò nella penisola italiana nel 1797 alla nascita a gennaio della Repubblica Cispadana, a maggio della Repubblica Veneta (che tuttavia cessò di esistere nell'ottobre successivo perché fu ceduta dai francesi con il Trattato di Campoformio all'Austria in cambio della Lombardia e delle Fiandre), a luglio della Repubblica Cisalpina (creata dall'unione della Repubblica Cispadana con la Lombardia) e della Repubblica Ligure e nel 1798 a febbraio della Repubblica Romana².

Tuttavia già dopo pochi mesi gran parte degli intellettuali e degli esponenti di maggior spicco della borghesia che avevano salutato con entusiasmo l'arrivo nella penisola italiana delle truppe di Bonaparte provarono un senso di cocente delusione per i saccheggi compiuti dai francesi, per i pesanti tributi che essi imponevano e, soprattutto, per le brutali ragioni di *realpolitik* che

² Per maggiori notizie sulla creazione, la vita e l'estinzione di queste Repubbliche e di quella napoletana vedi Renzo De Felice, *Il triennio giacobino in Italia (1796 — 1799)*, Roma, Bonacci, 1990.

avevano determinato la scomparsa della Repubblica Veneta. Cominciarono a diffondersi anche fra questi strati della società un grave astio nei confronti dei francesi, sentimento ampiamente condiviso dalla popolazione delle campagne, dai nobili e dal clero.

Bonaparte, per costringere anche la Gran Bretagna a firmare la pace, giudicando troppo rischioso uno sbarco nelle isole britanniche, propose al governo francese di affidargli un'armata per raggiungere l'Egitto e minacciare così gli interessi e i possedimenti britannici nell'area. Il governo, sebbene titubante, approvò il piano di Bonaparte anche per allontanarlo da Parigi in quanto cominciava a temere le sue ambizioni politiche e così, a partire dal 19 maggio 1798 salparono da Tolone, da Marsiglia, da Genova, da Bastia e da Civitavecchia centinaia di velieri con a bordo il corpo di spedizione e la scorta rappresentata da un consistente numero di navi da guerra³.

Bonaparte, durante la navigazione verso l'Egitto, il 12 giugno si impadronì di Malta sottraendola all'antico Ordine dei Cavalieri di San Giovanni, che si trovavano nell'isola dal 1530 e che alla fine del 1797 aveva nominato suo protettore lo zar Paolo I.

La formazione francese il 1° luglio giunse nei pressi di Alessandria di Egitto e il giorno successivo conquistò questa città, dopodiché il 21 dello stesso mese sconfisse l'Esercito dei mamelucchi nella Battaglia delle Piramidi. L'unico ma grave inconveniente in questa prima fase della spedizione fu la quasi totale distruzione della flotta da guerra che aveva accompagnato Bonaparte in Egitto, che fu attaccata da una squadra britannica al comando del contrammiraglio Nelson nel pomeriggio del 1° agosto nella Rada di Aboukir, a 13 miglia ad est da Alessandria⁴.

³ Alberto Santoni, *Storia e politica navale dell'età moderna*, Roma, Ufficio Storico della Marina Militare, 1998, pp. 182 — 183.

⁴ Richard Humble, *Naval Warfare*, London, Time Warner Books, 2002, pp. 115 — 117.

Nel frattempo la diplomazia di alcune Potenze aveva cominciato a muoversi per creare una Seconda Coalizione contro la Francia e anche in questo caso la Russia, che da quasi due anni era governata dallo zar Paolo I, decise di sostenere questa nuova alleanza e così affidò all'abile viceammiraglio Fedor Fedorovich Ushakov il comando di una squadra navale per operare nel Mediterraneo.

Questa formazione era composta dai vascelli *Sv. Pavel* da 84 cannoni, sul quale era imbarcato Ushakov, *Bogoyavlenie Gospodne* da 72 cannoni, *Maria Magdalena* da 68 cannoni, *Sv. Petr* da 74 cannoni, *Sv. Troitsa* da 72 cannoni e *Zacharii i Elizaveta* da 74 cannoni, dalle fregate *Grigorii Velikia Armenii* da 50 cannoni, *Kazanskaya Bogoroditsa* da 46 cannoni, *Soshestvie Sv. Ducha* da 44 cannoni, *Navarchia Vosnesenie Gospodne* da 40 cannoni, *Stchastlivyi* da 32 cannoni, *Sv. Michail* da 48 cannoni e *Sv. Nikolai* da 46 cannoni e da altri tre piccoli velieri⁵.

Terminati i preparativi la squadra lasciò Sebastopoli il 24 agosto 1798 e si diresse verso i Dardanelli dove il 20 settembre si unì ad una formazione navale ottomana comandata dall'ammiraglio Kadir Bey e che avrebbe dovuto essere costituita da sei vascelli, otto fregate, otto corvette e quattordici cannoniere ma in realtà, a causa della scarsità di marinai, dovette essere ridimensionata a sei vascelli, sei fregate, quattro corvette e quattordici cannoniere.

La prima operazione fatta congiuntamente fu l'invio il 25 settembre di due fregate russe, due ottomane e dieci cannoniere per unirsi alle navi britanniche che vigilavano la costa egiziana.

Il resto della flotta russo-ottomana salpò il 1° ottobre e il 9 iniziò le operazioni nelle isole del Mar Ionio che erano state occupate dai francesi.

⁵ Roger Charles Anderson, *Naval Wars in the Levant 1559 — 1853*, Liverpool, University Press, 1952, p. 367.

Nello stesso periodo Ferdinando IV di Borbone, re del Regno delle Due Sicilie, che dopo aver preso parte alla Prima Coalizione ed essere stato costretto a firmare un trattato di pace con la Francia il 10 ottobre 1796, aveva deciso di riprendere le ostilità, anche in virtù di un'alleanza che egli aveva stretto il 19 maggio 1798 con l'imperatore d'Austria Francesco II e per le pressioni esercitate dal governo britannico⁶.

Le truppe borboniche pertanto il 23 novembre avanzarono verso nord oltrepassando il confine con la Repubblica Romana e nei giorni successivi eseguirono sbarchi a Civitavecchia e a Livorno. Il 29 esse conquistarono la capitale avversaria ma il loro successo fu effimero in quanto i reparti francesi e della Repubblica Romana contrattaccarono violentemente in Umbria e nelle Marche obbligando le truppe borboniche a ritirarsi verso sud e ad evacuare il 9 dicembre Roma, dove era giunto in visita anche Ferdinando IV⁷.

Poichè sembrava che i francesi fossero assai potenti (mentre in realtà avevano seri problemi logistici), Ferdinando IV decise di abbandonare anche Napoli, la capitale del suo Regno, insieme alla corte e così il 23 dicembre si imbarcò sul vascello britannico *Vanguard*, nave ammiraglia di Nelson, con il quale raggiunse Palermo in Sicilia.

⁶ Archivio di Stato di Napoli (d'ora in poi ASNa), *Archivi Privati, Archivio Borbone* 294, inserto 3, cc. 170r-174v; *ivi*, inserto 35, cc. 140r-143v. Il governo di Londra, avvalendosi anche della popolarità di cui godeva Nelson presso la corte borbonica dopo la vittoria di Aboukir, riuscì a spingere Ferdinando IV a stipulare il 1° dicembre 1798 un formale trattato di alleanza fra il Regno delle Due Sicilie e la Gran Bretagna in funzione antifrancese, riprendendo una precedente convenzione firmata il 12 luglio 1793, vedi *ivi*, *Segreteria di Stato degli Affari Esteri, Carte diverse, Trattati a stampa* 5, inserto 32, cc.n.nn.

⁷ Virgilio Ilari-Piero Crociani-Ciro Paoletti, *Storia militare dell'Italia giacobina (1796 — 1802)*, tomo II, Roma, Stato Maggiore dell'Esercito Ufficio Storico, 2001, pp. 761 — 788.

Lo zar Paolo I in precedenza aveva cercato di stringere un'alleanza con Ferdinando IV e il 29 dicembre, tre giorni dopo l'arrivo di quest'ultimo in Sicilia, era stata firmata a San Pietroburgo un'alleanza della durata di otto anni, nel cui preambolo era riportato che “Sua Maesta il Re delle Due Sicilie e Sua Maesta l'Imperatore di tutte le Russie, animati dal desiderio di restringere sempre di più i legami di amicizia e di buona intelligenza che sussistono felicemente tra essi e i loro Stati rispettivi ed atteso lo stato attuale degli affari in Europa, dove le vedute perniciose dell'attuale governo in Francia minacciano la sicurezza di ogni Stato ben regolato, bramando non meno di perseverare essi stessi e i loro alleati ed amici da ogni pericolo imminente che di ristabilire i poteri e i governi distrutti e fare restituire ai possessori legittimi gli Stati ingiustamente tolti loro dai francesi, hanno stimato che nulla contribuirebbe tanto a questo importante oggetto quanto la conclusione di un trattato, il quale assicurando l'integrità delle loro possessioni, seconderebbe insiememente nella maniera più efficace queste mire così pure e salutevoli”⁸.

In questo trattato Paolo I promise di impiegare la sua flotta che, insieme a quella ottomana, operava nel Mediterraneo per difendere le coste del Regno delle Due Sicilie e di inviare anche nove battaglioni di fanteria con relativa artiglieria e duecento cosacchi, che sarebbero partiti dalla Russia appena le condizioni meteorologiche lo avrebbero permesso, mentre Ferdinando IV da parte sua si impegnò a versare allo zar la somma di 180.000 rubli⁹.

⁸ ASNa, *Segreteria di Stato degli Affari Esteri, Carte diverse, Trattati a stampa* 5, inserto 33, cc.n.nn. Si fa presente che nella trascrizione dei documenti, per renderli più facilmente comprensibili, è stata modificata la punteggiatura e sciolte le abbreviazioni.

⁹ Nel trattato all'articolo VIII era anche specificato che, per quello che riguardava la professione religiosa e l'applicazione dei regolamenti, le truppe russe “avranno i loro propri cappellani e l'Esercito interamente libero della loro religione e non saranno giudicati che secondo le leggi e gli articoli di guerra del loro proprio sovrano e del generale ed ufficiali che li comanderanno”, vedi *ibidem*.

Purtroppo poco prima dell'avanzata francese verso Napoli era stato temporaneamente congedato numeroso personale della Marina del Regno delle Due Sicilie, per cui non vi erano abbastanza uomini per armare tutte le navi da guerra che erano ormeggiate nell'Arsenale della capitale oppure tirate in secco nelle grotte di Posillipo e condurle a Palermo. Fu pertanto necessario ordinare la distruzione di una cospicua parte dei velieri che vi si trovavano per evitare che cadessero nelle mani dei francesi, cosicché a disposizione di Ferdinando IV rimasero solo i vascelli *Archimede* e *Sannita*, le fregate *Aretusa*, *Minerva*, *Sibilla* e *Sirena*, le corvette *Aurora*, *Fama*, *Fortuna*, *Galatea* e *Stabia*, gli sciabecchi *Robusto* e *Vigilante*, i brigantini *Lipari*, *Sparviero*, *Stromboli* e *Vulcano*, le galeotte *Allerta*, *Attiva*, *Aquila*, *Falco*, *Levriera*, *Prudente*, *Rondine* e *Serpe*, trenta lance cannoniere, otto lance bombardiere e i due piccoli velieri *Leone* e *Tartaro*¹⁰.

Nonostante alcuni tentativi di resistenza da parte delle truppe borboniche e di una parte della popolazione rimasta fedele al re Ferdinando IV, Napoli fu occupata dai francesi il 23 gennaio 1799 ed essa divenne la capitale della nuova Repubblica Napoletana¹¹.

Intanto il 20 novembre 1798 il viceammiraglio Ushakov era giunto a Corfù dove le navi russo-ottomane facevano un blocco piuttosto allentato, permettendo che i francesi mantenessero contatti con l'importante base adriatica di Ancona verso la quale

¹⁰ Furono invece autoaffondati o bruciati i vascelli *Guiscardo*, *Partenope*, *San Gioacchino* e *Tancredi*, la fregata *Pallade*, la corvetta *Flora*, novantadue lance cannoniere, sei lance bombardiere e il piccolo veliero *Lampreda*, mentre i francesi catturarono la fregata *Cerere*, gli sciabecchi *Difensore*, *Il Terribile*, *Sant'Antonio*, *San Ferdinando*, *San Gennariello* e *San Gennaro* e le galeotte *Veloce I* e *Vespa I*, vedi Antonio Formicola-Claudio Romano, *Storia della Marina da guerra dei Borbone di Napoli*, volume I, tomo II, Roma, Ufficio Storico della Marina Militare, 2005, pp. 715 — 725.

¹¹ Giancarlo Boeri-Piero Crociani, *L'Esercito borbonico dal 1798 al 1815*, Roma, Stato Maggiore dell'Esercito Ufficio Storico, 1989, p. 18.

la notte fra il 5 e il 6 febbraio salpò il vascello *Günireux*, il brigantino *Rivoli* e una galera. Queste tre navi, sebbene inizialmente cannoneggiate da una unità del blocco e poi inseguite da due vascelli e da una fregata russi e da un paio di fregate ottomane, riuscirono a raggiungere Ancona senza patire grosse avarie.

Al contrario i velieri che le avevano tallonate incapparono in una violenta tempesta riportando seri danni e furono costretti a rientrare a Corfù il 22 febbraio, sorte analoga a quella toccata a un distaccamento di due vascelli e quattro fregate che il 12 gennaio Ushakov aveva mandato al comando del contrammiraglio Pustoshkin per esaminare le coste dell'Albania e della Dalmazia e che tornarono a Corfù con danni il 15 febbraio¹².

Ferdinando IV, che aveva iniziato la riconquista dei suoi territori al momento appartenenti alla repubblica Napoletana inviando in Calabria il cardinale Ruffo con l'incarico di creare l' "Armata Cristiana e Reale", decise di avvalersi del trattato firmato a San Pietroburgo il 29 dicembre 1798 e dell'alleanza contratta con l'Impero ottomano siglata a Istanbul il 21 gennaio 1799¹³. Egli pertanto inviò il cavaliere Antonio Micheroux nelle acque di Corfù per mettersi in contatto con il comandante in capo delle navi zariste e ottomane affinché esse intervenissero in suo sostegno.

Micheroux, dopo aver ricevuto le istruzioni, salpò da Palermo il 16 febbraio 1799 e tre giorni dopo giunse nei pressi di Corfù, udendo già da lontano il rumore delle artiglierie dei velieri russi e ottomani che bombardavano le posizioni nemiche sull'isola e quello dei cannoni francesi che tentavano di colpire i velieri avversari.

¹² Roger Charles Anderson, *Naval Wars in the Levant 1559 — 1853*, cit., pp. 369, 371.

¹³ ASNa, *Segreteria di Stato degli Affari Esteri, Carte diverse, Trattati a stampa 5*, inserto 34, cc.n.nn.

All'alba del 20 febbraio Micheroux avvistò il vascello *Sv. Petr* e, dopo essersi qualificato, fu guidato dal veliero russo fin presso la nave ammiraglia di Ushakov e quella di Kadir Bey.

Eseguite le salve di saluto, Micheroux si presentò dal viceammiraglio Ushakov e gli consegnò una lettera datata 15 febbraio scritta in francese e firmata da Ferdinando IV nella quale era brevemente descritta la missione diplomatica che il sovrano aveva affidato al cavaliere. Inoltre il re delle Due Sicilie aggiunse che «Je compte, Monsieur l'Amirail, sur votre cooperation et sur celle du Gëneral commandant en chef des troupes russes pour remplir avec la plus grande celerité un objet qui doit interessar a tous les titres Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies. Les grandes qualités de ce Souverain, son zele pour la cause comune de tous les Rois en tous les biens des sentiments d'amitié et de politique qui m'unissent a lui, m'assurent d'avance son entiere approbation a tout ce que Vous ferez pour venir promptement a mon secours dans ce moment aussi décisif»¹⁴.

Micheroux informò Ushakov del trattato di alleanza siglato il 29 dicembre 1798 ma l'ammiraglio disse che ignorava l'esistenza di un simile accordo in quanto era dal 1° novembre che non riceveva notizie da San Pietroburgo. Ushakov comunque comprese l'importanza di appoggiare il Regno delle Due Sicilie e pertanto promise a Micheroux che dopo aver completato la conquista delle isole ioniche costringendo alla resa anche la guarnigione di Corfù, si

¹⁴ «Io conto Signor Ammiraglio sulla Vostra cooperazione e su quella del Generale comandante in capo delle truppe russe per soddisfare con la più grande celerità un oggetto che deve interessare a tutti i titoli Sua Maestà l'Imperatore di tutte le Russie. Le grandi qualità di questo Sovrano, il suo zelo per la causa comune di tutti i Re e tutti i buoni sentimenti d'amicizia e di politica che mi uniscono a lui, mi assicurano in anticipo la sua intera approvazione per tutto quello che Voi farete per venire prontamente in mio soccorso in un momento così decisivo», vedi *ivi*, *Segreteria di Stato Affari Esteri 4331*, c.n.n.

sarebbe impegnato per liberare i territori di Ferdinando IV occupati dai francesi.

Micheroux, terminato il colloquio con Ushakov, salm a bordo dell'ammiraglia ottomana per esporre le medesime richieste a Kadir Bey, ottenendo le stesse assicurazioni date dall'ufficiale russo.

Nei giorni successivi l'inviato di Ferdinando IV ebbe modo di rendersi conto che Ushakov non aveva a bordo delle sue navi reparti terrestri, ma operava impiegando i membri degli equipaggi. Micheroux rimase comunque assai favorevolmente impressionato dai marinai russi e nella lunga relazione che scrisse riguardante la sua missione riportò che "quantunque tutti convengono che le truppe addette alla Marina vien meno belle delle terrestri, certo si è che quelle da me vedute mi son sembrati uomini d'un'altra specie.

Stature gigantesche, bel disegno di membra, spalle vastissime, fisionomie virili e non senza dolcezza. Questi bellissimi uomini sono estremamente sobri, ubbidienti, disciplinati, imperterriti nel combattere, senza la menoma alterazione d'animo nel maggior calore dell'azione. Gli ho veduti servire i cannoni, gli ho veduti imbarcarsi per andare all'assalto con quell'istessa pace e serenità di volto che loro è propria. Sembra che possa farsi di loro ciò che si voglia e basta vederli per accertarsi che non pur darsi caso in cui sapessero retrocedere. La loro ubbidienza verso chi li comanda è senza esame. Il Viceammiraglio mi propose di ordinare a tre soldati di gettarsi in mare dalla poppa del suo vascello per farmi vedere la prontezza della loro ubbidienza, senza permettersi il menomo indugio, né mostrare il menomo ribrezzo. Ma ricusai, ancorché mi assicurasse che non perirebbero. In quanto alla robustezza è tale che sgomenta. Il Viceammiraglio mi condusse ov'eran molti cannoni di vario calibro, parte sopra affusti, parte sopra carri ferrati. Diede ordine che fossero presi sulle spalle con tutti i carri. Immediatamente alcuni furono levati da 4, altri da 6 ed i più gravi da 14 uomini che li trasportarono un lungo tratto. Dicesi che i soldati

russi, lontani dagli occhj de' loro uffiziali, si permettono non già il rubare, ma di chiedere a cittadini ciò di cui si sentano voglia o bisogno. [...] Il vero si è che in tutte l'isole del Levante sono adorati e che hanno il doppio merito di aver liberati gli abitanti dalla tirannia de' francesi e di esser loro uno scudo contro la licenza degli albanesi e de' turchi loro alleati"¹⁵.

Il 1° marzo Ushakov attaccò decisamente i reparti francesi che difendevano la piccola Isola di Vido, prospiciente la città di Corfu, bersagliandoli con le artiglierie delle proprie navi e di quelle ottomane. Micheroux poté assistere al combattimento a bordo dello *Sv. Pavel* a fianco di Ushakov il quale, appena fu distrutto l'ultimo cannone francese, dalla gioia abbracciò il cavaliere napoletano. Poco dopo una parte dell'equipaggio dell'ammiraglia si imbarcò sulle scialuppe per scendere sull'isola e Micheroux rimase sorpreso nel vedere Ushakov benedire i propri marinai. Gli uomini dello *Sv. Pavel*, insieme a quelli degli altri velieri russi e ottomani sbarcarono su Vido e i francesi, dopo una iniziale resistenza, iniziarono a deporre le armi ma, mentre gli uomini di Ushakov accettavano la loro resa, i turchi continuarono ad ucciderli decapitandoli.

Al termine del combattimento il generale di brigata francese Piveron, comandante della guarnigione di Vido, fu condotto prigioniero a bordo dello *Sv. Pavel* dove "il Viceammiraglio lo accoglie con atti umani, gli lascia al fianco la sciabola ed applaude alla sua bella difesa. Sconforto di quel generale nell'aver veduto molti de' suoi soldati esser decapitati da' turchi dopo aver abbassato le armi, riconoscenza verso i russi i quali sotto i suoi occhj medesimi ne avean salvati molti altri"¹⁶.

Il 2 marzo anche la guarnigione di Corfu iniziò le trattative per la resa e lo stesso giorno giunse nelle acque dell'isola anche un

¹⁵ *Ivi*, c. 6r e v.

¹⁶ *Ivi*, c. 10v.

veliero con a bordo un incaricato della città pugliese di Trani, normalmente appartenente al Regno delle Due Sicilie ma che in quel momento faceva parte della Repubblica Napoletana. Costui riferì a Micheroux che gli abitanti della città si erano ribellati ai francesi e lo avevano inviato presso il comandante della flotta russo-ottomana per chiedere rinforzi e il cavaliere borbonico mise al corrente di ciò Ushakov. Il viceammiraglio confermò la sua ferma intenzione di operare con buona parte delle navi ai suoi ordini per riconquistare i territori del Regno delle Due Sicilie occupati dai francesi e che avrebbe iniziato proprio da quelli pugliesi, più vicini a Corfù.

Nei giorni successivi, mentre veniva formalizzata la resa della guarnigione francese dell'isola, giunse un altro incaricato dai rappresentanti di Lecce e di Otranto affinché sollecitasse l'invio di rinforzi perché anche queste due città erano insorte contro i francesi¹⁷.

Micheroux preparò così un proclama da inviare alle popolazioni di questi abitati e chiese ad Ushakov di volerne scrivere uno anche lui diretto in particolare alla città di Otranto. Il viceammiraglio accolse il suggerimento del rappresentante di Ferdinando IV e così redasse il seguente proclama: “Il Viceammiraglio Cavaliere Uscacoff comandante le squadre di Sua Maestà l'Imperatore di tutte le Russie, ecc. ai governi militari e civili ed a tutti gli abitanti della Città di Otranto.

In risposta alla domanda di soccorso che mi avete diretta col vostro zelante fratello signor Mariano Tarantino, vi significo che la

¹⁷ Virgilio Ilari-Piero Crociani-Ciro Paoletti, *Storia militare dell'Italia giacobina (1796-1802)*, tomo II, cit., pp. 849 — 850; lettera del console del Regno delle Due Sicilie a Corfù Leonardo Grottagliano al segretario di Stato per la Guerra e per la Marina Marzio Mastrilli redatta a Corfu il 10 marzo 1799, vedi ASNa, *Archivi Privati*, *Archivio Maresca di Serracapriola* 109, c.n.n.

Città e Fortezza di Corfù si sono arrese alle vittoriose armi delle squadre combinate. In conseguenza passerò tosto da questo porto con le squadre onde recar soccorso ed adoperarmi alla difesa delle Città e Province di Sua Maestà il Re delle Due Sicilie e particolarmente della Vostra. Siate dunque fedeli a Dio ed al Vostro Re, riunitevi, armatevi con ben' inteso sistema.

Non vi lasciate avviliti dalle minacce né corrompere dalle seduzioni di coloro che si sono assoggettati al nemico ed assicuratevi che tutte le mie forze voleranno in vostro aiuto. Raccomandandovi intanto di rendere nota la presente lettera a tutte le città ed abitanti della Puglia e delle altre provincie, mi dichiaro con vera affezione.

Vice Ammiraglio Uscacoff

Corfù

A bordo la nave mia Vice ammiraglia

St. Paolo

A dì 24 febbrajo 1799 [calendario giuliano]¹⁸.

Nei giorni seguenti il viceammiraglio russo si dedicò alla riorganizzazione delle isole sottratte ai francesi e a impartire le disposizioni per le navi destinate ad operare lungo le coste della penisola italiana attenendosi alle promesse fatte a Micheroux il quale, giudicando conclusa la sua missione, si accomiò da Ushakov e da Kadir Bey il 9 marzo. Dieci giorni dopo egli giunse a Palermo e mise al corrente Ferdinando IV di quanto era accaduto durante la sua permanenza nelle acque di Corfù e degli accordi stipulati con i due alti ufficiali.

Mentre Ushakov si stava preparando per agire in Puglia, il vascello francese *Günireux* con a bordo l'ammiraglio Le Joysle, che dopo aver raggiunto Ancona ne era ripartito avendo a bordo dei rinforzi per Corfù, durante la navigazione verso l'isola ionica

¹⁸ ASNa, *Segreteria di Stato Affari Esteri* 4331, c.n.n.

seppe che essa era stata occupata dai russi e dagli ottomani e che parte del territorio della Repubblica Napoletana era nel frattempo tornato sotto il controllo di Ferdinando IV grazie alle sollevazioni popolari e alla spedizione del cardinale Ruffo. L'ammiraglio Le Joyse, usando lo stratagemma di inalberare sul *Günireux* la bandiera zarista, riuscì ad entrare nel porto di Brindisi occupato da reparti fedeli ai Borbone e dopo averli cannoneggiati li costrinse a ritirarsi, facendo tornare questa località sotto il controllo della Repubblica Napoletana.

Nelle settimane successive altre città che si erano sollevate contro i francesi furono costrette a sottomettersi di nuovo ma il viceammiraglio Ushakov era ormai pronto ad intervenire e così inviò una formazione navale al comando del capitano di vascello Sorokin, al quale era stato aggregato il cavaliere Micheroux, che fu in grado di ristabilire la sovranità di Ferdinando IV a Brindisi il 4 maggio (abbandonata poco prima dal *Günireux* che aveva fatto vela per Ancona), a Mola il 12 e a Bari il giorno successivo¹⁹.

Sorokin in seguito si spostò più a nord-ovest e sbarcò parte degli uomini delle proprie navi a Manfredonia ponendogli agli ordini di Baillie, un ufficiale russo di origini irlandesi comandante del veliero *Stchastlivyi* il quale, insieme a Micheroux e a un gruppo di patrioti occupò l'importante città di Manfredonia nell'entroterra e poi proseguì la marcia verso Napoli.

Il viceammiraglio Ushakov, oltre ad inviare la formazione comandata da Sorokin, il 12 maggio aveva fatto salpare da Corfù

¹⁹ Durante queste operazioni accadde anche uno spiacevole episodio: gli abitanti di Mola erano riusciti autonomamente a scacciare i francesi ma allorché avvistarono le navi di Sorokin ritennero che esse fossero avversarie e così alzarono di nuovo la bandiera francese per evitare di essere attaccati. Sorokin tuttavia, che non sapeva cosa realmente fosse accaduto in questa città pugliese, quando notò la bandiera nemica eseguì un bombardamento e solo quando essa fu ammainata fece sospendere il fuoco, vedi Virgilio Ilari-Piero Crociani-Ciro Paoletti, *Storia militare dell'Italia giacobina (1796-1802)*, tomo II, cit., pp. 894 — 895.

anche una squadra diretta dal contrammiraglio Pustoshkin. Essa era composta dai vascelli *Sv. Michail* da 74 cannoni, *Simeon i Anna* da 74 cannoni, dalle fregate *Bogoroditsa Kazanskaya* da 46 cannoni e *Navarchia* da 40 cannoni e dal brigantino *Makarîi* da 16 cannoni insieme ad un vascello, una fregata, una corvetta ottomane e alcune altre piccole unità.

Pustoshkin, mentre lentamente faceva rotta verso nord, inviò un paio delle sue fregate a scortare il vascello alleato portoghese *Rainha de Portugal* a Trieste, dove doveva condurvi dei rifugiati che aveva imbarcato a Brindisi e, eseguita questa missione, le due unità si riunirono alla formazione il 23 giugno.

Pustoshkin con il resto delle sue navi il 17 maggio si era nel frattempo presentato di fronte ad Ancona, dove vi era una forte guarnigione francese comandata dal generale Monnier e il giorno successivo, dopo un fallito tentativo di richiesta di resa, iniziò il tiro contro le fortezze e contro gli ex vascelli veneziani *Beyrand*, *Laharpe* e *Stengel* che erano stati ancorati nel porto, senza tuttavia fare seri danni²⁰. Addirittura una cannonata disperso un gruppo di cittadini che avrebbe voluto insorgere contro i francesi ed altre, sparate dalle unità ottomane, danneggiarono la nave ammiraglia di Pustoshkin.

Il contrammiraglio zarista iniziò il blocco di Ancona e il 19 maggio il brigantino *Makarîi*, insieme a due lance armate, costrinsero alla resa al largo della città una nave francese con a bordo una consistente somma di denaro; alcune piccole unità avversarie tentarono di impedire questa cattura, ma furono costrette a ritirarsi dal fuoco del *Makarîi*.

Pustoshkin, soddisfatto per tale presa, fu tuttavia costretto ad abbandonare temporaneamente il blocco di Ancona il 23 maggio a

²⁰ Biblioteca Comunale di Ancona (d'ora in poi BCAn), *Manoscritti* 286, cc. 132 — 133. Il *Günireux* aveva lasciato Ancona prima dell'arrivo dei russo-ottomani e raggiunse Tolone il 1° giugno.

causa della necessita di ripianare le scorte di acqua potabile. Impossibilitato a compiere tale rifornimento a Senigallia e a Fano, due cittadine costiere situate poco piú a nord-est di Ancona, fu costretto ad andare a Porto Quieto vicino a Trieste, dove giunse il 30 maggio.

Comunque la situazione per i francesi lungo la costa adriatica della penisola italiana stava lentamente peggiorando perchй, dopo che il 12 marzo 1799 Vienna aveva dichiarato guerra a Parigi, una piccola formazione navale austriaca comandata dal maggiore Potts aveva cominciato ad operare in quelle acque. Queste cannoniere in poco tempo eliminarono le piccole unita avversarie che si trovavano nell'Adriatico settentrionale, dopodichй avevano cominciato ad appoggiare dal mare le citta costiere che erano insorte contro i francesi.

Potts con le sue navi il 30 maggio, quando Pustoshkin si ormeggiò a Porto Quieto, giunse a Rimini, che si trovava a 50 miglia a nord-ovest da Ancona.

I velieri russi ed ottomani, ripianate rapidamente le scorte, ripresero il mare e il 7 giugno furono di nuovo di fronte ad Ancona riprendendo il blocco.

Lo stesso giorno Pesaro, situata fra Fano e Rimini, fu occupata dagli insorti che cacciarono la guarnigione francese. Il 9 giugno i reparti d'oltralpe tentarono di riconquistare la citta ma furono respinti grazie all'intervento dello sciabecco austriaco *Colloredo*. Pustoshkin il giorno successivo fece sbarcare un reparto di duecentosettanta uomini che, appoggiati dalla flottiglia austriaca del maggiore Potts, conquistarono Fano il 12 giugno e Senigallia il 18.

Il viceammiraglio Ushakov, che con parte delle sue navi si stava trattenendo a Corfù, era stato informato che il 5 maggio una grossa formazione navale francese proveniente da Brest agli ordini del viceammiraglio Bruix aveva superato lo Stretto di Gibilterra ed era entrata in Mediterraneo. Gli alleati non

conoscevano quali fossero i piani francesi e si credeva che Bruix avrebbe operato contro le navi che bloccavano Malta oppure contro quelle che incrociavano al largo dell'Egitto, mentre Nelson ritenne che l'obiettivo dei francesi fosse la conquista della Sicilia, motivo per il quale richiamò le navi britanniche e portoghesi che operavano nelle acque di Malta e di Napoli e le concentrò a Palermo, la citta piú importante della Sicilia.

Ushakov intelligentemente, comprendendo che gli ordini di Nelson avrebbero fatto gravitare buona parte delle forze navali alleate nella parte occidentale del bacino del Mediterraneo, decise di radunare le sue navi a Corfù per essere in grado di proteggere anche il Levante. Egli quindi dispose che Pustoshkin abbandonasse temporaneamente il blocco di Ancona e che Sorokin, che incrociava nell'Adriatico meridionale e nello Ionio, si trasferissero a Corfù, dove giunsero rispettivamente il 3 e il 4 luglio²¹.

Nel frattempo le truppe sbarcate a Manfredonia e comandate da Baillie avevano proseguito la loro marcia e il 13 giugno precedente, insieme ai sostenitori di Ferdinando IV, erano entrate a Napoli costringendo i francesi e i giacobini a rifugiarsi in tre fortezze.

Lo stesso giorno Nelson aveva lasciato Palermo per Napoli ma, saputo che Bruix era in mare, era tornato indietro e si era posizionato vicino a Marittimo, nell'estremità occidentale della

²¹ La squadra di Bruix giunse a Tolone il 14 maggio, da dove ripartì il 27 maggio per trasportare truppe a Vado, una localita ad ovest di Genova. Egli in seguito incrociò di fronte a quest'ultima importante citta, dopodichй sostò nuovamente a Tolone e il 22 giugno si ormeggiò a Cartagena, da dove ripartì il 24 con rotta verso occidente per entrare in Atlantico. Superato lo stretto di Gibilterra il 7 luglio, sostò brevemente a Cadice e il 13 agosto rientrò a Brest insieme ad una formazione di navi spagnole, Robert Gardiner, *Tightening the blockade 1799 — 1800*, in Robert Gardiner (a cura di), *Nelson against Napoleon*, London, Caxton, 2001, p. 124.

Sicilia per intercettarlo se avesse fatto rotta per Malta oppure l'Egitto. Tuttavia una settimana dopo Nelson si era diretto a Napoli, dove giunse il 24 appena in tempo per respingere i termini della resa concessi ai francesi e ai giacobini napoletani e accettati dal capitano di fregata Foote, comandante della *Seahorse*, l'ufficiale britannico di più alto grado presente fino a quel momento nella città partenopea.

Trovato un accordo, il 26 giugno i francesi evacuarono due fortezze e si imbarcarono su alcuni velieri che li avrebbero condotti a Tolone, mentre la guarnigione di Forte Sant'Elmo si arrese solo il 12 luglio.

Il viceammiraglio Ushakov intanto, passato il pericolo di Bruix, decise di riprendere le operazioni contro Ancona e affidò tale incarico al conte Voinovitch, comandante della fregata *Navarchia Voznesenie Gospodne* da 40 cannoni, che il 7 luglio lasciò Corfù insieme alla *Bogoroditsa Kazanskaya* e alla *Soshestvie Sv. Ducha* entrambe da 44 cannoni, il brigantino *Achil* e lo schooner *Graf Suvorov* russi e ad una fregata e una corvetta ottomane.

Questa formazione giunse nelle acque di Ancona il 12 luglio ma due giorni dopo dovette riparare presso la costa dalmata a causa delle pessime condizioni meteorologiche. Nel frattempo la città di Fano era stata occupata di nuovo dai francesi, che l'avevano lasciata nelle mani dell'avversario il 3 luglio per poi riprenderla l'11 grazie al supporto di nove cannoniere uscite da Ancona, che avevano costretto la flottiglia austriaca, i cui equipaggi erano notevolmente ridotti a causa del personale inviato a terra, a ritirarsi. Potts fu così costretto a ripiegare a Pesaro, dove si sentì protetto dall'arrivo di reparti dell'Esercito austriaco.

Gli insorti avevano conquistato Fermo, 30 miglia a sud-est di Ancona, e i francesi partirono da Ancona per riprendere la cittadina, contando sul sostegno di tre brigantini. L'attacco si

svolse il 19 luglio ma l'arrivo della formazione navale di Voinovitch costrinse i francesi a sospendere l'azione e a ritirarsi ad Ancona. Voinovitch distaccò la fregata *Bogoroditsa Kazanskaya* per intercettare i brigantini avversari ma essi riuscirono a fuggire; l'ufficiale russo comunque approfittò dell'occasione per accordarsi sulle modalità per una collaborazione fra le sue forze e quelle dei rivoltosi anti-francesi, dopodiché fece rotta verso nord-ovest²².

Giunto di fronte ad Ancona egli dispose che la *Soshestvie Sv. Ducha* e la fregata ottomana si trattenessero in quelle acque per bloccare la città e con il resto della formazione proseguì il 23 luglio per Senigallia e Fano ma, accortosi che esse erano in mano ai francesi, continuò la navigazione fino a Pesaro, dove trovò Potts con cinque cannoniere.

Un paio di giorni dopo Voinovitch fece sbarcare quattrocento-trenta uomini che, insieme a circa duecento insorti e a reparti austriaci attaccarono Fano il 26 luglio appoggiati dalle navi russe, ottomane e asburgiche.

La guarnigione francese si arrese il 28 luglio e quattro giorni dopo fu la volta di Senigallia ad essere evacuata dopo un massiccio cannoneggiamento condotto dall'*Achil* e dal *Graf Suvorov*. Il 2 agosto le truppe alleate occuparono Senigallia e pochi giorni dopo circondarono Ancona, che il 29 luglio era stata bombardata dalla *Soshestvie Sv. Ducha* e dalla *Bogoroditsa Kazanskaya*.

Mentre proseguivano le operazioni ad Ancona, il 21 luglio il viceammiraglio Ushakov era stato raggiunto a Corfù dalla fregata *Pospyeshnyi* da 32 cannoni e dalla corvetta *Nikolai Byelomorskii* da 20 cannoni partite dal Mar Nero con viveri e che ripartirono il 3 agosto con a bordo i malati.

²² BCAn, *Manoscritti* 282, cc. 40v-41r.

Il 5 agosto la maggior parte delle navi russe e ottomane lasciarono Corfù, dove rimasero soltanto i vascelli *Sv. Troitsa* e *Bogoyavlenie Gospodne*, il *Makarii*, il *Leander*, che era stato ripreso ai francesi dopo che questi lo avevano catturato ai britannici poco dopo la battaglia di Aboukir, e un paio di unità ottomane.

Il 14 agosto Ushakov giunse a Messina e, completati i rifornimenti, divise le sue unità in tre formazioni, che ripresero il mare il 30 agosto.

Il contrammiraglio Pustoshkin con il *Sv. Michail*, *Simeon i Anna*, *Ekspedition* catturato e un altro piccolo veliero andarono a Livorno e eventualmente a Genova per cooperare con l'Esercito austriaco nella parte settentrionale della penisola italiana; il capitano di vascello Sorokin imbarcato sul *Sv. Michail* con il *Grigorii Velikia Armenii*, lo *Sv. Nikolai* e uno schooner andr a Napoli; Ushakov invece, con lo *Sv. Pavel*, lo *Zacharii i Elizaveta*, lo *Sv. Petr*, il *Maria Magdalina*, l'avviso *Panaria Apotumengana* e tutto le navi ottomane si diresse a Palermo, dove giunse il 2 settembre.

In questo porto Ushakov trovò, oltre ad alcune navi napoletane e britanniche anche una formazione navale russa comandata dal viceammiraglio Kartsov e composta dai vascelli *Isidor* e *Azia*, entrambi da 74 cannoni, *Pobyeda* da 66 cannoni e dalla fregata *Pospyesnyi* da 32 cannoni. Queste unità erano salpate il 10 maggio dalla Nore in Gran Bretagna separandosi dalla flotta zarista che operava nel Mare del Nord ed erano giunte a Palermo il 14 agosto.

A bordo dei velieri ottomani nel frattempo si erano manifestati fenomeni di ammutinamento, che causarono anche contrasti con la popolazione locale, cosicché queste navi il 12 settembre lasciarono la Sicilia e rientrarono a Istanbul.

Tre giorni dopo anche i velieri russi salparono da Palermo e fecero vela per Napoli, dove si ormeggiarono il 19 settembre per

obbedire ad un desiderio del re Ferdinando IV il quale, poiché la flotta del regno delle Due Sicilie dopo le gravi perdite subite al momento dell'arrivo dei francesi nel gennaio precedente era ridotta a ben poca cosa, aveva chiesto a Ushakov di rimanere con le sue navi nella capitale del Regno per il periodo necessario al consolidamento del suo potere.

Ushakov, rendendosi conto dell'importanza della richiesta avanzata dal sovrano borbonico, decise di soddisfarla e pertanto si trattenne a Napoli per circa tre mesi, effettuando anche delle brevi crociere²³.

Nel frattempo la squadra di Voinovitch aveva continuato ad operare in Adriatico per bloccare Ancona e in agosto aveva effettuato, insieme alle navi austriache ed ottomane alcuni bombardamenti specialmente notturni della città, che concorsero il 16 di quel mese anche all'affondamento nelle acque basse del porto del vascello *Beyrand* da 64 cannoni.

In settembre il blocco navale divenne fiacco e cosm alcune piccole navi francesi furono in grado di uscire dal porto di Ancona e di attaccare i fianchi degli assediati e nel frattempo Voinovitch e il comandante militare austriaco chiesero la resa della guarnigione senza essersi consultati fra di loro e in entrambi i casi i francesi si rifiutarono di deporre le armi.

In ottobre, con l'arrivo del maresciallo austriaco Fröhlich e la sostituzione di Potts con l'Espine al comando della flottiglia asburgica, gli alleati fecero progressi. All'inizio di novembre essi erano in grado di colpire la città da quasi tutte le direzioni e anche Voinovitch, che aveva quasi totalmente tolto il blocco, divenne più energico.

²³ Lettera di Giuseppe Valvassina conte di Thurn a John Francis Edward Acton redatta a Napoli l'11 novembre 1799, vedi ASNa, *Segreteria di Stato Affari Esteri* 4331, cc.n.nn.

Il cattivo tempo il 7 novembre causò la perdita di due piccole navi austriache e un paio di quelle ottomane riportarono tali avarie da dover andare a Trieste per le riparazioni.

I francesi per a questo punto decisero di arrendersi, ma vollero trattare solo con gli austriaci, escludendo i russi, gli ottomani e gli antigiacobini e così essi il 13 novembre lasciarono Ancona con l'onore delle armi²⁴.

Con la caduta di Ancona gli austriaci si impossessarono dei vascelli *Laharpe* da 74, dello *Stengel* da 64 e del *Beyrand* da 64, del brigantino *Rivoli*, dello schooner *Cibelle* e altri piccoli velieri, mentre nello stesso periodo il *Makariv*, appartenente al blocco, catturò il brigantino francese *Buonasorte* da 18 cannoni.

Voinovitch comunque protestò veementemente per il comportamento tenuto da Fröhlich nel trattare la resa della guarnigione e addirittura il 15 novembre invitò propri uomini a bordo di alcune delle navi prese dagli austriaci e solo il giorno dopo dovettero sbarcare di fronte alla resistenza degli alleati. Voinovitch decise quindi di lasciare Ancona e il 5 dicembre giunse a Trieste dove continuò a lamentarsi di quanto fatto da Fröhlich, tanto che quest'ultimo fu destituito dal suo incarico.

A questi contrasti fra i russi e gli austriaci per quanto era successo ad Ancona si sommarono altre incomprensioni fra Pustoshkin, che operava con le sue navi di fronte a Genova, con

²⁴ Questi reparti uscirono da Ancona incolonnati con le bandiere spiegate, al rullo dei tamburi con in testa due cannoni, con l'autorizzazione di raggiungere la Francia e inizialmente furono scortati da tre battaglioni di truppe austriache. Il 6 gennaio 1800 i francesi raggiunsero l'avamposto di Gavi, da dove proseguirono per Antibes, vedi BCAn, *Manoscritti* 286, cc. 180-182; Virgilio Ilari-Piero Crociani-Ciro Paoletti, *Storia militare dell'Italia giacobina (1796 — 1802)*, tomo II, cit., pp. 1011 — 1012.

i reparti asburgici che assediavano questa città ed inoltre vi fu anche il ritiro dei reparti austriaci che operavano agli ordini di Suворov in Svizzera.

Lo zar oltre agli attriti con l'Austria, notò che anche i rapporti con la Gran Bretagna si stavano inasprescendo con il fallimento della spedizione anglo-russa nei Paesi Bassi nell'autunno e per l'atteggiamento assunto dal governo di Londra sul futuro destino di Malta.

Nel frattempo a Napoli gli equipaggi delle navi e le truppe russe avevano fattivamente concorso a mantenere l'ordine pubblico, rendendosi ben volute dalla popolazione e il viceammiraglio Ushakov, giudicando inutile prolungare la sua sosta nella capitale del Regno delle Due Sicilie, alla fine di dicembre salpò per concorrere al blocco di Malta.

Il 5 gennaio 1800 tuttavia, mentre si trovava a Messina per rifornirsi, ricevette una lettera dello zar nella quale gli veniva ordinato di rientrare in Mar Nero con l'intera flotta perché era sua intenzione di lasciare la Seconda Coalizione²⁵.

Ushakov si recò brevemente dal re Ferdinando IV per accomiarsi e lasciò a sua disposizione tre fregate di Sorokin, dopodiché con la sua squadra fece vela verso Corfù, dove aveva ordinato che si dirigessero anche Pustoshkin (che dopo aver lasciato le acque di Genova alla fine di novembre del 1799 aveva brevemente sostato a La Spezia e a Livorno) e Voinovitch (che con le sue navi e quelle ottomane continuava ad incrociare nell'Adriatico settentrionale facendo scalo a Trieste e ad Ancona).

Voinovitch tuttavia decise di rimanere in Adriatico per tentare di far alzare la bandiera zarista a fianco di quella

²⁵ Wolf Giusti, *Storia della Russia 988 — 1974*, Roma, Abete, 1975, pp. 95 — 96.

asburgica ad Ancona, dove in maggio, a causa di disordini fra la guarnigione austriaca e gli equipaggi dei velieri ottomani, fu costretto a far rientrare questi ultimi a Istanbul. A luglio giunsero ad Ancona la regina di Napoli Maria Carolina accompagnata da alti dignitari, dall'ambasciatore britannico Hamilton e dalla consorte e da Nelson per imbarcarsi sulla fregata austriaca *Bellona* ed essere condotti a Trieste. Poichè sul veliero asburgico non vi erano le sistemazioni adatte per ricevere questi personaggi, Voinovitch colse l'occasione per ospitarli a bordo delle proprie navi e trasportarli nel porto di destinazione²⁶.

Mentre Voinovitch eseguiva questa missione il viceammiraglio Ushakov, che già da alcuni mesi si tratteneva a Corfù, decise di lasciare definitivamente l'isola e il 17 luglio salpò giungendo a Sebastopoli alla meta dell'ottobre del 1800 avendo ottenuto dal re Ferdinando IV per i suoi meriti il prestigioso Ordine di San Gennaro²⁷.

Поступила 19.09.2006 г.

²⁶ Ernle Bradford, *Horatio Nelson. L'uomo e l'eroe*, traduzione italiana a cura di Gino Monti, Milano, Mursia, 1977, pp. 257 — 258.

²⁷ Lo stesso anno Ferdinando IV insignì dell'Ordine di San Gennaro anche il figlio di Paolo I, Alessandro, che sarebbe divenuto zar nel marzo del 1801 in seguito all'assassinio del genitore, e il granduca Costantino, mentre fra i militari russi che ottennero un altro importante riconoscimento, l'Ordine di San Ferdinando, vi fu anche Bailey, vedi *Almanacco reale del Regno delle Due Sicilie per l'anno 1818*, Napoli, Real Tipografia del Ministero di Stato della Cancelleria Generale, 1818, pp. 86, 91.

УДК 929Ушаков(470.345)

Г. И. Григорьева

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О СЕМЬЕ УШАКОВЫХ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Ф. Ф. Ушаков

Несмотря на многочисленные исследования, до сих пор ряд фактов биографии Ф. Ф. Ушакова, а также истории рода Ушаковых остаются неизвестными. Так, только в 1990 г., благодаря биографу адмирала В. Д. Овчинникову, был дан ответ на вопрос о времени и месте рождения будущего флотоводца, тем самым разрешен многолетний спор о его родине¹. До этого подавляющее большинство биографов и исследователей жизни Ушакова считали его уроженцем сельца Алексеевка Темниковского уезда Тамбовской губернии.

После выявления Овчинниковым записи в метрической книге церкви Богоявления-на-Острове Романовского уезда Ярославской провинции о рождении 13 февраля 1745 г. у помещика сельца Бурнакова Феодора Ушакова сына Феодора закономерно возник вопрос о времени приобретения флотоводцем или его семьей сельца Алексеевка, где он провел последние годы жизни. Ряд биографов адмирала считали, что Алексеевка издавна принадлежала роду Ушаковых. Овчинников на основе выявленных им в Российском государственном историческом архиве документов (прошение Ф. Ф. Ушакова на имя императора Александра I от 29 апреля 1809 г. о выделении ему земли в Темниковском уезде около сельца Алексеевка вместо земли,

отданной им в казну в городе Севастополе, а также приложенная к прошению записка, в которой указывалось, что землю в Алексеевке он купил) сделал вывод, что Ушаков приобрел Алексеевку в 1809 г.²

В 2006 г. при подготовке к торжествам в связи с освящением в Саранске кафедрального собора святого праведного воина Феодора (Ушакова), в Центральном государственном архиве Республики Мордовия в фонде Темниковского уездного суда обнаружена копия с купчей³, снятая в 1807 г. в этом суде, на имение в сельце Алексеевка. Из документа видно: сельцо Алексеевка было приобретено Ушаковым 25 июля 1805 г. у жены обер-прокурора Правительствующего Сената Анны Алексеевны Духовницкой* (документ № 1). Купленное имение состояло из «пашенной и непашенной земли с лесы, с санными покосы и со всеми угодья» и двух семей крестьян: 4 душ мужского и 6 душ женского пола⁴. Предыдущей владелице А. А. Духовницкой оно досталось по разным купчим и по наследству после смерти отца — губернского секретаря Алексея Даниловича Мыльникова. Как видно из документа, других проживавших в сельце крестьян, — по последней 5-й ревизии — еще 19 душ мужского пола, Анна Алексеевна переселила в другое свое имение, в деревню Куриловку, Явас тож, Темниковского уезда**.

* Анна Алексеевна Духовницкая, урожденная Мыльникова. По первому мужу Баташова — жена Прокофия Михайловича Баташова, одного из владельцев Виндрейского железоделательного завода. По ревизским сказкам пятой ревизии (1795 г.) за ней числилось в сельце Алексеевка 19 ревизских душ, за ее отцом Алексеем Даниловичем Мыльником — 4 души.

** Ныне эта деревня входит в состав Атюрьевского района Республики Мордовия.

Сама сделка по купле-продаже имения и оформлению купчей была совершена в Санкт-Петербурге, где проживал в это время Ушаков, в палате гражданского суда. В соответствии со статьей 205 «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи»⁵ после совершения покупки новый владелец имения должен был представить купчую в уездный суд по месту расположения того имения, а суд по прошествии двух лет, при отсутствии спора об имении, должен был ввести покупателя во владение им. Однако в это время адмирал, который находился еще на службе (был уволен в отставку в январе 1807 г.), сам представить купчую в Темниковский уездный суд не смог. В деле хранится копия «верующего письма», выданного Федором Федоровичем титулярному советнику князю Акинфию Петровичу Колунчакову, который стал поверенным по делам, касающимся имений Ушакова (документ № 2). Письмо заверено в той же Санкт-Петербургской палате гражданского суда 7 мая 1806 г.

Род Колунчаковых, один из самых знатных татарских родов, был издавна связан с Темниковским уездом. Сам Акинфий Петрович до выхода в отставку с военной службы служил в лейб-гвардии Преображенском полку⁶. По сведениям, содержащимся в «Окладной книге Темниковского уезда о зборе з дворянского имения на содержание чиновников и присутственных мест суммы» за 1798 г., он владел вместе с братьями Алексеем, Дмитрием, Павлом и Николаем (прадедом писателя А. И. Куприна по материнской линии) 176 душами крепостных крестьян в деревнях Стрельниково и Тювеево⁷. В марте 1807 г. им и была представлена в уездный суд полученная от Ушакова купчая на Алексеевку для введения адмирала

во владение сельцом (документ № 3). Здесь с нее была снята обнаруженная в архиве копия, а подлинник был возвращен владельцу. Кроме нее в деле хранится еще одна копия купчей Ушакова от 2 июля 1806 г., — на сенные покосы «в урочище близ города Темникова в Зеленовской луке», приобретенные у той же Духовницкой. Сама купчая была представлена в уездный суд 1 февраля 1807 г. (документы № 4, 5). По документам, выявленным Овчинниковым, к 1809 г. адмирал владел в сельце Алексеевка Темниковского уезда 7 дворами крестьян и 160 десятинами земли⁸.

Тексты документов публикуются с сохранением всех фонетических и морфологических особенностей рукописных подлинников. Знаки препинания расставлены в соответствии с правилами современной пунктуации. Составлены заголовки документов.

Библиографические ссылки

¹ См.: Овчинников В. Д. В служении Отечеству (Адмирал Ф. Ф. Ушаков: неизвестные страницы жизни) / В. Д. Овчинников. Ярославль, 1993; Он же. Святой адмирал Ушаков (1745 — 1817) / В. Д. Овчинников. М., 2003.

² Там же. С. 402.

³ Центр. гос. арх. Респ. Мордовия, ф. 101, оп. 2, д. 302. Далее: ЦГА РМ.

⁴ ЦГА РМ, ф. 101, оп. 2, д. 263, л. 2 — 6.

⁵ См.: Учреждения для управления губерний Всероссийской империи (утверждены указом Екатерины II от 7 ноября 1775 года) // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 20. № 14392.

⁶ Гос. арх. Пенз. обл., ф. 196, оп. 2, д. 1223, л. 34.

⁷ ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 167, л. 47 об.

⁸ См.: Овчинников В. Д. Святой адмирал... С. 494.

№1

Купчая на сельцо Алексеевка
Темниковского уезда Тамбовской губернии,
проданное женой обер-прокурора Правительствующего
Сената А. А. Духовницкой адмиралу Ф. Ф. Ушакову
25 июля 1805 г.

Лета тысяча восемь сот пятаго июля в двадцать пятый день Правительствующаго Сената обер-прокурора и ковалера Духовницкаго жена Анна Алексеева дочь продала я адмиралу и ковалеру Федору Федорову сыну Ушакову крепостное свое недвижимое имение, дошедшее ко мне по разным крепостям и по наследству после родителя моего губернского секретаря Алексея Данилова сына Мылникова, состоящее Тамбовской губернии Темниковской округи в селце Алексеевке: пашенную и непашенную землю с лесы, с сенными покосы и со всеми угоды, не оставя я за собою в оном селце со всеми к нему принадлежностями земли и всяких угодей ни единого четверика, но все без остатку, что поныне за мною во владении состоит и что еще к тому сельцу следовать будет по межевым спорам. Да из числа написанных за мною и покойным родителем моим во оном селце по последней ревизии крестьян: Василья Андреева с женою Ириною Ильиною с малолетным их сыном и дочерми Акулиною и Марьею и сына же их Аполона Васильева с женою его Анисьею Трафимовою, вдову Матрену Фролову и сына ее Григорья Матвеева с женою его Лукерьею Кондратьевою, со всем им во оном селце господским и крестьянским строением, с хлебом стоячим и молочным и в земле посеянным и со всеми их крестьянскими пожитки, исключая из сей продажи прочих во оном же селце Алексеевки писанных по ревизским скаскам за мною же и покойным родителем моим крестьян, кои по

переводу их мною ныне жителство имеют той же Темниковской округи в деревне моей Куриловки, каторых плотжежем подушных податей и всяких государственных поборов и перечесть мне из селца Алексеевки во оную деревню Куриловку. А взяла я, Духовницкая, у него, господина Ушакова, за то свое недвижимое имение и за крестьян денег государственными ассигнациями четыре тысячи пять сот рублей, с коей суммы пошлины и за бумагу платить ему, покупщику. Напред же сей купчей оное мое недвижимое имение и со крестьяны от меня иному никому не продано, не заложено, ни у кого ни в чем не укреплено и ни за что не вписано, а ежели кто во оное по каким крепостям или по чему нибудь станет вступатся, то мне, Духовницкой, и наследникам моим его, Ушакова, и наследников его от тех вступщиков во всем очищать по указам и убытка в том никакого не доставить. Есть ли же то проданное мною недвижимое имение от него, господина Ушакова, и от наследников его почему ни есть отойдет, то ему, господину Ушакову, и наследникам его взять с меня, Духовницкой, и наследников моих, те свои данные денги с пошлины и с убытки все сполна, а за отшедшу какую либо часть по рацету, впротчем же по начатым до сего времени делам, а равно естли бы и впредь какие открылись, прошения подавать, хождение за делами и апелляции иметь и на них получать, предоставляю я продавца право свое ему, покупщику, и наследникам его, для чего имеющихся у меня на оное имение крепости выданы быть имеют. А о написании в сей купчей договорной цены без утайки семь сот пятьдесят второго года указ присем объявлен. К сей купчей Правительствующаго Сената обер-прокурора и ковалера Прокофья Духовницкаго жена Анна Алексеева дочь, в том, что я означенное недвижимое свое имение со всем выше писанным продала и денег государственными ассигнациями четыре тысячи пять

сот рублей взяла, руку приложила. У сей купчей свидетелем был и руку приложил отставной генерал-майор Алексей Никитин сын Духовницкой. У сей купчей тайной советник, сенатор и ковалер Элия Яковлев сын Аршеневский свидетелем был и руку приложил. У сей купчей тайной советник, сенатор и ковалер Александр Семенов сын Макаров свидетелем был и руку приложил. У сей купчей Правительствующаго Сената обер-секретарь Иван Яковлев Ушаков свидетелем был и руку приложил. У сей купчей Правительствующаго Сената обер-секретарь Василий Иванов сын Созонович свидетелем был и руку приложил. У сей купчей Правительствующаго Сената обер-секретарь Иван Иванов сын Боглевской свидетелем был и руку приложил. У сей купчей Правительствующаго Сената обер-секретарь и ковалер [...] Павлов сын Коржевский свидетелем был и руку приложил. У сей купчей Правительствующаго Сената обер-секретарь и ковалер Илья Федоров сын Федоров свидетелем был и руку приложил. У сей купчей надворной советник Павел Иванов сын Сахаров свидетелем был и руку приложил.

Сию купчею писал Санкт-Петербургской палаты гражданского суда крепостных дел писец губернский секретарь Иван Поспелов. Запрещения нет, совершить по указам. Секретарь Васильев. 1805-го года июля в 25-й день сия купчая в Санкт-Петербургской палате гражданского суда писана и в книгу записана. Пошлин двести двадцать пять рублей принял и совершил надсмотрщик Павел Белашов.

Помета: «Пошлин 225. По приходной № 547.

По 2-й записной книге № 60».

ЦГА РМ, ф. 101, оп. 2, д. 302, л. 5 — 6. Заверенная копия.

* Имя опущено.

№ 2

«Верюшее письмо», данное адмиралом
Ф. Ф. Ушаковым титулярному советнику
А. П. Колунчакову на право совершать сделки
по имениям от его имени и представлять его интересы
7 мая 1806 г.

Милостивой государь мой, князь Акинфий Петрович!

Как вам небезызвестно, что я в разных губерниях и округах имею движимыя и недвижимыя имения, а потому и прошу вас, Милостивый государь мой, по касающимся до онаго имения делам, иметь хождение в присутственные места, от имени моего прошения подовать, ко оным вместо меня руку прикладывать и разныя крепости к явке или к чему толко следовать будет, представлять, к выпискам и к экстрактам по выслушании оных руку прикладывать, с решительных определений копии получать, и в удовольствии или неудовольствии подписываться, и в случае последнего, то со взносом апелляционных денег. Словом сказать, что толко до тех вотчин моих коснется, во всем освеществовать. В чем вам или и вы кому от себя поверите, верю и, что посему законно учинить, впредь спорить и прекословить не буду. Милостивый государь мой, ваш покорнейший слуга Федор Ушаков. Мая 7-го дня 1806-го года. Сие верюшее письмо дано от меня надлежит титулярному советнику князю Акинфию Петровичу Колунчакову. Адмирал и кавалер Федор Федоров сын Ушаков.

1806-го года мая 7-го дня письмо Санкт-Петербургской губернии в палате Гражданскаго суда от господина аудитора и кавалера Федора Федоровича Ушакова явлено и при том объявлено, что оно принадлежит титулярному советнику

князю Акинфию Петрову сыну Колунчакову и во окончании подписано рукою ево высокопревосходительства.

Михайло Игнатъев каллежской ассесор Васильев, каллежский секретарь Макреев.

Помета: «По Санкт-Петербургской книге № 426».

ЦГА РМ, ф. 101, оп. 2, д. 302, л. 3 об. Копия.

№ 3

Прошение поверенного адмирала Ф. Ф. Ушакова
титулярного советника А. П. Колунчакова
в Темниковский уездный суд о введении адмирала
во владение имением в сельце Алексеевка

Не ранее 13 марта 1807 г.

Всепресветейший державнейший великий государь император Александр Павлович, самодержец Всероссийский, государь Всемилоостивейший!

Просит Адмирала и кавалера Федора Федоровича Ушакова поверенной титулярной советник князь Акинфий Петров сын Кулунчаков и о чем тому следуют пункты:

Доверитель мой прошлаго 1805 года июля 25-го дня купил у обер-прокурорши Анны Алексеевой дочери Духовницкой недвижимое имение, состоящее Темниковской округи в сельце Алексеевке, на что и купчую получил. Но как она по силе Высочайшаго о губерниях учреждения 205-й статьи еще не явлена, то прилагая оную при сем и прошу, дабы высочайшим Вашего императорскаго величества указом повелено было сие мое прошение и с купчей в Темниковском уездном суде принять и на последнее,

учиня явку, возвратить мне обратно и о введении онаго имени во владение доверителю моему, кой следует учинить предписание и об сем учинить по законам.

Всемилоостивейший государь, прошу Вашего императорского величества о сем моем прошении решение учинить. Марта [...] * дня 1807 года. К поданию надлежит в Темниковской уездной суд. Прошение сочинил и писал регистратор Пракофьев.

Титулярный советник князь Акинфей Петров сын Колунчаков руку приложил.

Помета: «Подана 13-го марта 1807 года.

Записать в реэстр к докладу».

ЦГА РМ, ф. 101, оп. 2, д. 302, л. 5. Подлинник.

№ 4

Купчая на сенные покосы близ города Темникова в Зеленовской луке, проданные женой обер-прокурора Правительствующего Сената А. А. Духовницкой адмиралу Ф. Ф. Ушакову

2 июля 1806 г.

Лета тысяща восемь сот шестаго июля во второй день Правительствующаго Сената обер-прокурора и ковалера Пракофья Михайловича Духовницкаго жена Анна Алексеева дочь продала я адмиралу и ковалеру Федору Федоровичу Ушакову крепостные свои сенные покосы, доставшиеся мне по наследству после покойного родителя моего

* Число не указано.

из дворян секретаря Алексея Даниловича Мылникова, состоящие Тамбовской губернии прежде бывшая — Шацкой, а ныне Темниковской округи в урочище близ города Темникова в Зеленовской луке от мосту, что на речке Кундуболке по Посольской дороги вниз той речки по правой стороне до реки Мокши и вверх по реке Мокше на тридцать копен и с Зеленовских болотов. За которые сенные покосы взяла я, Духовницкая, у него, адмирала Ушакова, денег государственными ассигнациями двести десять рублей. На пред же сей купчей оныя сенные покосы иному никому не проданы, не заложены и ни за что не отписаны. А ест ли кто во оные будет вступатся, то мне, Анне, и наследникам моим ево, адмирала Ушакова, наследников ево от тех вступщиков очищая по указам, и уступка в том никакого не доставить. А с написании всей договорной цены без утайки семьсот пятьдесят втораго года указ при сем объявлен.

К подлинной купчей рука приложена и свидетели подписались тако: К сей купчей Правительствующаго Сената обер-прокурора и ковалера Пракофья Духовницкова жена Анна Алексеева дочь в том, что я означенныя сенные покосы продала и деньги государственными ассигнациями двести десять рублей взяла, руку приложила. У сей купчей свидетелем был и руку приложил флота капитан-лейтенант Алексей Романов сын Крикснин, у сей купчей сенатской регистратор Николай Семенов сын Дуговиннов свидетелем был и руку приложил, у сей купчей коллежской ассессор Роман Петров сын Херасков свидетелем был и руку приложил, у сей купчей губернский секретарь Иван Петров сын Макаров свидетелем был и руку приложил. Сию купчую писал Санкт-Петербургской палате гражданскаго суда крепостных дел писец

Василей Поскочин. Запрещения нет. 1806 года июля 2-го дня сия купчая в Санкт-Петербургской палате гражданского суда писана и в книгу записана. Пошлин десять рублей пятьдесят копеек. Принял и совершил надсмотрщик Василей Борисов. На подлинной купчей лист подписан тако: Санкт-Петербургской гражданской палаты секретарь Васильев. Пошл/ин/ 10 руб. 50 коп. По приходной № 631. По записной № 55.

Помета: «1807 года февраля 1-го дня сия купчая Тамбовской губернии в Темниковском уездном суде явлена и с оного копия принята и тако. Секретарь Петр Михайлов».

ЦГА РМ, ф. 101, оп. 2, д. 302, л. 3. Копия.

№ 5

**Прошение поверенного адмирала Ф. Ф. Ушакова
титулярного советника А. П. Колунчакова
в Темниковский уездный суд о введении
адмирала во владение сенными покосами
близ города Темникова в Зеленовской луке
1 февраля 1807 г.**

Всепресветлейший державнейший великий государь император Александр Павлович, самодержец Всероссийский, государь Всемилостивейший!

Просит адмирал и кавалер Федор Федоров сын Ушаков о нижеследующем:

Правительствующаго Сената обер-прокурора и кавалера Прокофья Михайловича Духовницкаго жена Анна Алексе-

ева дочь продала мне крепостные свои сенные покосы, состоящие Темниковской округи в урочище близ города Темникова, в Зеленовской луке, на тридцать копен, на которые и купчая от крепостных дел мне от нее дана, но она еще в Темниковском уездном суде не явлена, почему прилагаю оную при сем и прошу,

Дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение и купчую в Темниковском уездном суде принять, и с последней списав копию, подлинную возвратить мне обратно, с надписанием на ней явки, равно и о введении оных покосов мне во владение, кому следует сделать предписание.

Всемилостивейший государь, прошу Вашего императорского величества о сем моем прошении решение учинить. Февраля [...] * дня 1807 года. К поданию надлежит в Темниковской уездной суд. Прошение сочинил и писал канцелярист Николай Смирнов. Титулярный советник князь Акинфий Петров сын Колунчаков вместо адмирала и кавалера Федора Федоровича Ушакова по данной мне доверенности руку приложил.

Помета: «Подано 1-го февраля 1807 года.
Записать в реестр к докладу».

ЦГА РМ, ф. 101, оп. 2, д. 302, л. 2. Подлинник.

* Число не указано.

Отец Феодор Санаксарский (Ушаков)

В Центральном государственном архиве Республики Мордовия выявлены и новые документы о дяде прославленного флотоводца, настоятеле и восстановителе Рождество-Богородичного Санаксарского мужского монастыря отце Феодоре (Иване Игнатьевиче Ушакове), вероятно, самом духовно близком Федору Федоровичу человеку. Наверное, адмирал и приобрел в 1805 г. село Алексеевка из-за его близости к Санаксарскому монастырю, месту упокоения старца Феодора.

Среди выявленных документов: «Дело по доношению Санаксарского монастыря настоятеля Феодора з братиею: в причиняемых темниковским воеводою Нееловым обидах и в прочем» за декабрь 1773 — июнь 1774 г., хранящееся в фонде Темниковской воеводской канцелярии¹; копия Указа Святейшего Правительствующего Синода от 23 июня епископу Владимирскому и Муромскому Иерониму с изложением Указа Екатерины II от 16 июня 1774 г. о лишении настоятеля Феодора иеромонашеского сана и ссылке в Соловецкий монастырь простым монахом, хранящаяся в фонде Саровского мужского монастыря², к которому ранее была приписана Санаксарская пустынь; указы епископов Владимирского и Муромского Павла и Иеронима, хранящиеся в фонде самого Санаксарского монастыря³, и др. Среди них наибольшую ценность представляют документы, составленные и подписанные самим настоятелем, хранящиеся в «Деле...» о конфликте отца Феодора с темниковским воеводой В. Нееловым. Они не только раскрывают духовно-нравственный облик самого старца, но и позволяют дать точный ответ на вопрос о причине ссылки в Соловецкий монастырь в 1774 г. отца Феодора (при котором монастырь

после многих лет упадка был восстановлен и стал мощным духовным и культурным центром края), пользовавшегося огромным авторитетом среди местного населения, к тому же имевшего близкие связи при дворе самой Екатерины II, в том числе с могущественным графом Алексеем Григорьевичем Орловым (документы № 1, 10, 13). По содержанию документов видно, что «Дело...» поступило в Темниковскую воеводскую канцелярию, вероятно, из Канцелярии воронежского губернатора, так как наряду с подлинниками «доношений» иеромонаха Феодора в нем содержатся подлинники «доношений» темниковского воеводы Василия Неелова и епископа Владимирского и Муромского Иеронима. Документы же, написанные от лица воронежского губернатора генерал-поручика Николая Лаврентьевича Шетнева, представлены отпусками.

Биографы старца причиной лишения его иеромонашеского сана и ссылки в Соловецкий монастырь называют конфликт с темниковским воеводой Нееловым. Так, в «Жизнеописании старца иеромонаха Феодора (Ушакова) возстановителя и настоятеля Санаксарского монастыря», составленном на основе писем и воспоминаний его учеников, которое было опубликовано в «Тамбовских епархиальных ведомостях» в 1886 г., указывалось, что иеромонах Феодор, будучи духовным отцом воеводы Неелова, неоднократно просил его прекратить притеснения жителей Темникова и крестьян уезда, а осенью 1773 г., приехав в воеводскую канцелярию, назвал его «грабителем». В ответ на это воевода «составленный обвинительный протокол представил воронежскому губернатору. Губернатор донес о сем государыне императрице Екатерине II, а от нея в Синод дано повеление изследовать это дело. Воронежский губернатор вызывал о. Феодора к себе лично на суд»⁴. Один из известных арзамасских краеведов

начала XX в. Николай Щегольков также указывал, что в результате конфликта Неелов возненавидел Феодора «и при помощи чиновников-крючкодеев сделал ложный донос воронежскому губернатору. Губернатор доложил императрице Екатерине II, а от нее велено расследовать это дело Св. Синоду»⁵. Таким образом, основным виновником доноса Екатерине II на старца, в результате которого он был сослан, назывался воронежский губернатор. Как видно из документов, доносчиком на отца Феодора были не светские власти (документы № 2, 3, 6, 12, 18). Губернатор Воронежской губернии Н. Л. Шетнев, напротив, в течение полугода стремился разрешить конфликт между настоятелем и воеводой, неоднократно требовал от последнего «никаких обид отнюдь ни чинить, опасаясь в противном случае неупустительного ответа и штрафа», а в мае 1774 г. вызвал отца Феодора, которого в письмах называл «честнейшим человеком» (документ № 7), к себе не для суда и расправы, а чтобы выслушать представленные доказательства вины воеводы и принять «законное» решение (документ № 15). Донос на иеромонаха Феодора в Святейший Правительствующий Синод, а не Екатерине II, как указывали ранее его биографы, был сделан по представлению темниковского воеводы Василия Неелова (документ № 5) епархиальным руководством старца — епископом Владимирским и Муромским Иеронимом. Он в отличие от губернатора Шетнева, как видно из документов, не захотел даже выслушать подчиненного ему пастыря, разобраться в конфликте, и еще в начале конфликта в январе 1774 г., получив жалобу воеводы на отца Феодора, направил в Синод собственное донесение (документ № 9). Как видно из указа Святейшего Правительствующего Синода от 23 июня 1774 г., епископ обвинил старца не только в том, что тот направил донос на воеводу

губернатору, который «по рассмотрении губернаторскому оказался и законами несходной», но и в том, что отец Феодор не согласился в 1768 г. с решением епархии в отношении иеромонаха Венедикта и иеродиакона Пармена, решивших покинуть Санаксарский монастырь. По донесению Иеронима Священный Правительствующий Синод совместно с Правительствующим Сенатом направили доклад Екатерине II, 16 июня 1774 г. издавшей Указ, в котором «повелено онаго Феодора, лиша настоятельскаго и иеромонашескаго звания отослать яко человека беспокойнаго простым монахом в Соловецкой монастырь» (документ № 18). Иного решения, наверное, нельзя было в это время и ожидать от верховных властей: в стране шла гражданская война. Уже через месяц после данного указа Е. И. Пугачев был в Саранске. Затронула война и Темников, который в июле также захватили отряды восставших⁶. Власть, не разбираясь, решила наказать человека, пусть и очень авторитетного, но осмелившегося выступить против одного из ее представителей.

Документы о конфликте с воеводой раскрывают нравственный облик отца Феодора, человека простого, справедливого, который не только был духовным отцом, не только наставлял на путь истинной веры и благочестия всех приходящих к нему, но и был, когда это стало нужным, их защитником перед произволом властей. Он не смог молчать и обвинил воеводу в незаконных поборах и взятках с купцов Темникова и жителей уезда (в жалобе на имя губернатора отцом Федором были указаны конкретные фамилии и суммы), незаконном содержании людей в остроге, действительно назвал его «разорителем и грабителем народа». Настоятель считал своим долгом сообщить об этом губернатору, так как, по его мнению, «закон божественный так и правы государственныя — одалживают нас усматривать обществу

вредительные случаи и всеми мерами старатца оныя искоренять, дабы чрез таковыя не могла б как душевная, так и телесная жизнь общества разоритца»⁷. После того как воевода в ответ на обвинения старца стал притеснять и монахов, запрещая им продавать рукоделия в городе, а жителей Темникова наказывал за принесение милостыни в монастырь, иеромонах Феодор обратил внимание губернатора на следующее: «Отсего, ваше Высокопревосходительство, изволите усмотреть какая неукрошенная злоба на таких еще людей, которые и не под ево командою состоят. Что же думать можно о прочих бедных, которые содержатся ево воевоцкою командою? То уже весьма пристойно сказать, что и гласныя стали быть безгласныя за страх такового человека, которой и утесняет и разоряет. И по истине так, как пред страшным судом божиим сказать, что многия бедныя от неприязни той утеснены и разорены и в крайнюю нужду приведены, почему я, как на себе такую нужду чувсвуя, так и о прочих бедных болезненную и чрез то принужден ныне того воеводу представлять таким человеком, каков он есть в своем состоянии»⁸. Справедливость, доброта, готовность оказать помощь всем нуждающимся — это, вероятно, черты фамильного характера Ушаковых. Эти черты и сблизжали дядю с его знаменитым племянником.

Тексты документов публикуются с сохранением всех фонетических и морфологических особенностей рукописных подлинников. Сплошные тексты разделены на предложения. Знаки препинания расставлены в соответствии с правилами современной пунктуации. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты. Выносные буквы внесены в строку без выделения. Части сокращенных слов восстановлены в квадратных скобках. Приведены разночтения, исправления. Составлены заголовки документов.

Библиографические ссылки

- ¹ ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128.
- ² ЦГА РМ, ф. 1, оп. 1, д. 93, л. 32 — 33.
- ³ ЦГА РМ, ф. 3, оп. 1, д. 15.
- ⁴ Тамбов. епарх. ведомости. 1886. № 8. С. 394 — 395.
- ⁵ Юрченков В. А. Феодор и Филарет // Серафим Саровский : альбом. Саранск, 1998. С. 48.
- ⁶ ЦГА РМ, ф. 3, оп. 1, д. 7, л. 7.
- ⁷ ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 1 — 2.
- ⁸ Там же, л. 18 — 19.

№ 1

Донесение настоятеля Санаксарского монастыря Темниковского уезда Воронежской губернии иеромонаха Феодора воронежскому губернатору генерал-поручику Н. Л. Шетневу о притеснениях жителей города Темникова* и его уезда и взяточничестве воеводы В. Неелова

Ноябрь 1773 г.

Его Высокопревосходительству генерал-поручику Воронежской губернии господину губернатору и кавалеру Николаю Лаврентьевичу Шетневу

Владимирской епархии Темниковского уезду Санаксарского монастыря настоятеля иеромонаха Феодора з братиею

* До 1779 г. Темниковский уезд входил в состав Воронежской (ранее Азовской) губернии.

Всенижайшее доношение

Города Темникова воевода надворной советник Василей Неелов отягощал нас, именованных, на монастырских наших мельницах без всякаго платежа молотием собственного своего хлеба. Почему мы, настоятель з братиею, видеv от него, воеводы, таковое отягощение, в том молотии ему отказали, а он, воевода, приняв на нас свою злобу, начал нам производить свои нападкн и утеснения и возбранять купечеству, чтоб конечно в монастырь не ходили, тако ж и милостыни в монастырь не подавали. Почему того ж города Темникова купца Алексея Власова принудил купечество содержать в ратуше под караулом, и хотел ево с принуждением всево купечества, быв при них старшиною, иль в салдаты онаго купца отдать, иль пять сот рублей денег взять, иль без всякой милости сечь плетми. А все ж то производил без всякой другой вины, токмо за одно то, чево ради оной купец отдал в монастырь двадцать три улья пчел, а понеже оной купец отдал означенныя собственные свои пчелы, как души своей ради, так и для поминовения отца своего. Однако за все то претерпел от него, воеводы Неелова, немалое изнурение: что уведав я, именованный настоятель з братиею, и писал х купечеству, чтоб воеводе в том не угождали, понеже начинает дело беззаконное, хотя изнурить человека за подаяние в монастырь милостыни. Почему чрез оное наше письмо тот купец Власов на время и свободился, а тот воевода Неелов на все купечество остался с немалым гневом, и потому ж нестерпимому своему гневу спустя несколько время по-прежнему начал купечество понуждать, чтоб непременно того купца Власова в рекруты отдать, что оной купец Власов, слышав принужден уже был и от дому ево отлучится. А понеже

как закон божественный так и правы государственныя одолжают нас усматривать обществу вредительныя случаи и всеми мерами старатца оныя искоренять, дабы чрез таковыя, немглаб, как душевная, так и телесная жизнь общества разоритца. Почему мы, именованныя, настоятель з братиею, не токмо о себе, но и о всем обществе старатца должны, ибо он воевода Неелов не токмо нам и сему бедному купцу чинит таковыя обиды, но и протчим многим, как купечеству, так и уездным, в виде токмо государственных дел, а самую вещь, как видно для собственных своих прибытков многих забирал под караул в острог, и в той нужди долговременно морил, тако же в летнее время печатанием и нетоплением печей всему купечеству долговременно производил немалую нужду, как без варения пищи, так паче и без печения хлеба, и чрез таковыя утеснения он, воевода Неелов, получал себе от того купечества немалыя взятки. А имянно: по уведомлению нашему того темниковскаго купечества от ратмана Андрея Васильева в разныя времена, по общему ж всего купечества збору он, воевода Неелов, взял до ста рублей. Того ж темниковскаго купечества от старосты Алексея Васильева по общему ж всего купечества збору он, воевода Неелов, взял до двадцати рублей. От бывшего ж сего купечества старосты Лаврентья Яковлева по общему ж всего купечества збору он, воевода Неелов, взял до семи десяти рублей. От бывшего сего ж купечества старосты Ивана Федорова по общему ж всего купечества збору он, воевода Неелов, взял до пятидесяти рублей. От ратужскаго писца Артамона Петрова по общему ж всего купечества збору он, воевода Неелов, взял до десяти рублей. Собственно же по единству: с темниковскаго купца Михайлы Петрова он, воевода Неелов, взял до двух сот рублей; с темниковскаго ж

купца Дмитрея Немцова он, воевода Неелов, взял до тридцати рублей; с темниковского купца Федора Иванова он, воевода Неелов, взял лошадь ценою в двадцать рублей, с темниковского ж купца Алексея Кирилова он, воевода Неелов, взял до пяти рублей. С уездных: деревни Дашкина с мурзы Осипа Бахтеева он, воевода Неелов, взял до семидесять рублей; деревни Ардашева с новокрещена Никиты Васильева он, воевода Неелов, взял до тридцати рублей. А в которых числах и временах он, воевода Неелов, означенная взятки получал, о том показанные от нас, именованных, как купечество, так и уездных, сами со обстоятельством объявить могут.

Того ради вашему Высокопревосходительству всепокорнейше представляя, просим, дабы повелено было посему нашему представлению онаго воеводу Неелова, сменяя от судебного места, исследовать, а мы, именованные, настоятель з братиею, во всем вышеписанном как в обидах, так и взятках, имеем того воеводу Неелова доказывать. А есть ли он, воевода, от судебного места сменен не будет, то многия за страх того воеводы, как от доказательства, так и от свидетельства откажутца. И о сем нашем представлении от Вашего Высокопревосходительства имеем ожидать милостивой резолюции.

Ноября, «...»* дня, 1773-го году. К сему доношению Санаксарскаго монастыря настоятель иеромонах Феодор руку приложил.

Помета: «Подано декабря 16 дня 1773 года.

Написать в реэстр».

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 1280, л. 1 — 2. Подлинник.

* Число не указано.

№ 2

Ордер воронежского губернатора Н. Л. Шетнева воеводе города Темникова В. Неелову о получении на него жалобы от настоятеля Санаксарского монастыря отца Феодора и запрете чинить «обиды» монастырю
18 декабря 1773 г.

Ордер

города Темникова воеводе
господину надворному советнику Неелову

Владимирской епархии Темниковского уезду Санаксарского монастыря настоятель иеромонах Феодор з братиею приносят жалобу, что вы отягощали их молотьем хлеба своего на их монастырских мельницах безденежно; а когда они в том отказали, то вы, злобясь за то, возбранили купечеству, чтоб в монастырь не ходили и милостыни во оной не подавали*. Декабря 18-го дня 1773 года.

Помета: «Послано с монахом Иосафом.

Того ж числа под № 878-м»

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 3. Отпуск.

* Далее зачеркнуто: «чего ради чрез сие вам подтверждаю: оному монастырю никаких обид отнюдь не чинить; опасаясь в противном случае неупустительного ответа и штрафа». Имеется помета, что этот текст нужно заменить другим, который приведен внизу листа и написан, вероятно, рукой самого губернатора: «и хотя я обиду тому об вас и не уповаю, однако ест ли сие то правда: извольте однако вы от обид воздержатца, и за помол вами хлеба удовлетворять».

№ 3

Письмо воронежского губернатора Н. Л. Шетнева
настоятелю Санаксарского монастыря отцу Феодору
о получении им жалобы на темниковского воеводу
В. Неелова и направлении воеводе ордера
с запрещением чинить «обида»
18 декабря 1773 г.

Честивейший отец, иеромонах Феодор!

Присланным ко мне доношением приносите вы жалобу на темниковского воеводу надворного советника Неелова, что он злобствует на вас з братиею за то, что отказали ему без заплаты монастыря вашего на мельницах собственной свой хлеб молоть, возбрания купечеству, чтоб в монастырь не ходили и милостыни во оной не подавали, притом доносите на него ж, воеводу Неелова, во взятках со многих купцов и с уездных жителей и о протчих утеснениях, о чем де сами обиженные показывать имеют, и просите, отреша ево от должности, об оном изследовать. На сие вам объясняю: Государственными законами в дела, глас о себе имеющия, не толко другим, но и фискалом вступать запрещено; в протчем же повелевается всякому о своих обидах бить челом и доносить, где надлежит самим, не примешивая (кроме своей обиды) других лишних дел; а предписанная дела, о коих вы на воеводу доносите, точно гласныя, а не безгласныя; следовательно и должно по содержанию оных законов бить челом, или доносить обидимым самим. Сверх же того не только вам, но и духовным правительством, в принадлежащая до гражданского суда дела указами мешатца не велено; во сходство чего оное ваше доношение и оставлено здесь без производства⁹. Елико ж ка-

сается до монастырской собственной обиды о том, хотя и должно вам бит челом, однако ж ныне от меня к темниковскому воеводе Неелову, чтоб он того отнюдь не чинил, ордером подтверждено. Декабря, 18-го дня 1773 года.

Помета: «Послано с присланным от него монахом Иосафом, того ж числа».

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 4, 7. Отпуск.

№ 4

Письмо воронежского губернатора Н. Л. Шетнева
епископу Владимирскому и Муромскому Иерониму
о получении им жалобы от настоятеля Санаксарского
монастыря иеромонаха Феодора на темниковского
воеводу В. Неелова и просьбой «сделать
подтверждение» настоятелю, чтобы он не вмешивался
в дела, его «не касающиеся»
18 декабря 1773 г.

Великий господин, преосвященнейший Иероним, епископ Владимирский и Муромский, милостивой государь мой!

Епархии вашего Преосвященства Темниковскаго уезда Санаксарскаго монастыря настоятель иеромонах Феодор з братиею присланным ко мне доношением приносят жалобу на темниковскаго воеводу надворного советника Неелова,

* Слова «и оставлено здесь без производства» вписаны другим почерком над строкой. Далее зачеркнута фраза «и отослано присланному от вас обратно».

будто он, злобствуя на него з братиею за то, что отказали ему, воеводе, без платы монастыря их на мельницах собственной свой хлеб молоть, возбрания купечеству, чтоб в монастырь не ходили и милостыни во оной не подавали, притом доносят на него же воеводу Неелова во взятках со многих купцов и с уездных жителей и о протчих утеснениях*, и просят, отреша ево от должности, об оном изследовать, но как государственными законами в дела, глас о себе имеющия, не толко другим, но и фискалам вступать запрещено, в протчем же повелевается всякому о своих обидах бит челом и доносить, где надлежит самим, не примешивая (кроме своей обиды) других лишних дел, а предписанныя дела, о коих он, настоятель з братиею** на воеводу доносит, точно гласныя, а не безгласныя, следовательно, и должно по содержанию оных законов бит челом и доносить обидимым самим, а сверх же того не только им, но и духовным правительством в принадлежащая до гражданского суда дела указами мешатца не велено, в сходство чего оное доношение и оставлено здесь безпроизводства. Елико ж касатца до монастырской собственной обиды, то чтоб воевода от того, ест ли сие правда, удержался от обид*** и за помол собственного ево хлеба платежем удовольствовал, о том ему от меня подтверждено, и о всем том ко упоминаемому настоятелю писано. Однако и ваше Преосвященство покорно прошу со своей стороны ему, настоятелю, дабы он в каковыя некасающиеся до него дела не входил и не подверг бы себя

* Далее зачеркнуто «о чем де сами обиженные показывать имеют».

** Слова «он, настоятель з братиею» вписаны над строкой.

*** Слова «от того ест ли сие правда удержался» вписаны на полях рукой губернатора.

под ответ или нареkanie, сделать подтверждение и меня без уведомления не оставить*.

Декабря 18-го дня 1773 года.

Вашего Преосвященства милостиваго государя моего покорный слуга.

Помета: «Таково сообщение для отправления принял канцелярист Алексей Резанцев».

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 5. Отпуск.

№5

Рапорт темниковского воеводы В. Неелова воронежскому губернатору Н. Л. Шетневу о ложном доносе на него настоятелем Санаксарского монастыря иеромонахом Феодором

7 января 1774 г.

Его Высокопревосходительству господину генерал-порутчику ковалеру и Воронежской губернии губернатору Николаю Лаврентьевичу Шетневу города Темникова от воеводы надворнаго советника Неелова

Рапорт

Сего 1774 году, генваря 4-го дня, в полученном от вашего Высокопревосходительства мне ордере написано, что Владимирской епархии Темниковскаго уезду Санаксарскаго

* Слова «и не подверг бы себя под ответ или нареkanie», «и меня без уведомления не оставить» написаны на полях другим почерком.

монастыря настоятель иеромонах Феодор з братиею приносят вашему Высокопревосходительству жалобу, якобы я отягощал их молотьем хлеба своего на их монастырских мельницах безденежно, а когда они в том отказали, то будто я, злобясь, за то возбранил купечеству, чтоб в монастырь не ходили и милостыни во оной не подовали. И тем вашего Высокопревосходительства ордером велено ест ли то правда, то от таких обид удержатца и за помол мне хлеба удовольствоваться.

И на оное, ваше Высокопревосходительства, повеление сим покорнейше доношу, что хотя от меня пред сим в прошедшем году по допущению, как и прочих обывателей, означенного Санаксарскаго монастыря настоятеля Феодора з братиею на монастырских их мельницах разной хлеб молотъ и был, но за оной ежегодно по присылаемым от него ко мне запискам платеж за все то, коего коштвано не более суммы как до пяти рублей, произведен сполна без удержания. А в прошлом 1773-м году по такому ж ево настоятеля з братиею допущению, хотя некоторое число хлебу безо всякого отказа молотье на их же монастырских мельницах и было, но как в присылке от него ко мне записки, по коемой я мог такую ж заплату ему учинить, так и словесно просьбы до меня никакой донине не доходило, и потому за неимением у меня особой в том домовой записки заплату произвести было непочему. Да и ныне оной настоятель Феодор з братиею, незнаемо за что злобясь, той записки мне не дает же, и так присланной от вашего Высокопревосходительства ордер остается без исполнения, в чем от меня по апелляции сего генваря 5-го числа и его Преосвященству Иерониму, епископу Владимирскому и Муромскому, писано. Что ж касается до показания ими, настоятелем Феодором з братиею, якобы я возбранил купечеству, чтоб в монастырь не ходили и милостыни во оной не подовали, и то оное показано совсем на меня напрасно. Да и

темниковское купечество состоит не в моем управлении. Сверх же того, хотя оное и моего было ведомства, но ест ли кто и хочет для богомолья или в тот монастырь для пользы души своей подать вкладу или милостыню, то как возможно я кому возбранить, и кто на то отважится таковые богопротивные поступки делать. Но избличение же какового ево, настоятеля Феодора з братиею, ложнаго на меня показательства во всем оном засвидетельствовано тем купечеством, что таких поступок от меня никогда не происходило, да и окроме онаго, какие по Темниковской канцелярии его настоятеля Феодора ко озлоблению меня беспритчин имеются дела, из оных на рассмотрение вашему Высокопревосходительству прилагаю при сем Экстракт.

Генваря 7-го дня, 1774 году.

Помета: «У подлинного рапорта и Экстракта подписано тако: воевода надворной советник Неелов».

Экстракт,

ученной из имевшагося в Темниковской воеводской канцелярии дела о назывании в судейской каморе Темниковскаго уезду Санаксарскаго монастыря настоятелем иеромонахом Феодором меня, Неелова, разорителем и грабителем народа, а в нем значится:

Что означенной настоятель иеромонах Феодор минувшаго октября 24-го числа прошлаго 773-го году во время присудствия в Темниковской воеводской канцелярии, то есть по полунощи в 10-м часу, вошел из Темниковской ратуши в судейскую камору, где находился в присудствии я, именованный, и секретарь Мылников, и по входе требовал яко присудствующей, чтоб записать в журнал, ибо де он прислан той ратуши от присудствия и состоящего под тем ведомством народа, объявил мне, что я разоритель и грабитель того

народа. И по сказании того оной иеромонах из присутственного места вышел.

А по каким обстоятельствам и зачем он в судейскую камору приходил кроме вышеобъявленного ничего не объявил. А по выходе означенного иеромонаха Феодора в то ж самое время, пришед в Темниковскую воеводскую канцелярию предписанной Темниковской ратуши ратман Серебряков и требовал, чтоб он до присутствия реченной Темниковской канцелярии допущен для подачи о государственных доходах ведомости, которой в той ратуше задержан был и за взысканием казенных денег под караулом.

По-коему ево требованию он, Серебряков, в судейскую камору впущен и был, с коим вошел в обществе и словесной судья Осипов и объявили, что как по Темниковской ратуше, так и от всего купечества, никакого приказания о том назывании меня тому настоятелю иеромонаху Феодору не было, да и ничего не происходило, а единственно де помянутой настоятель иеромонах Феодор, вошел в ту ратушу сам собой и требовал, чтоб обратся всему народу и слове ево, а на какой и для чего о том не объявил, но токмо де никто к тому в Темниковской ратуше не явился и что де, как ратушские, так и все купечество, в случай таковой не были подвержены ответу[...]*.

И для того в реченной Темниковской канцелярии определено: о вышеписанном приходе означенного настоятеля иеромонаха Феодора в судейскую камору безо всякого дела и о назывании меня, воеводу Неелова, в присутственном месте непристойными словами обложно, записать в журна-

* Опущены сведения о людях — сборщиках разных налогов и сборов, допустивших недоимки и содержавшихся за это под караулом в воеводской канцелярии.

ле. А дак он в настоящих делах по Темниковской канцелярии помешательства и в обществе беспокойства чинить не мог, и с высочайшим интересом несходственность не произвел, с прописанием всего вышеписанного обстоятельства из оной Темниковской канцелярии представил на рассмотрение в духовную Преосвященного Иеронима, епископа Владимирского и Муромского кансистирию, и требовал, чтоб епископом учинено было в силе Духовнаго регламента* и законов, и что учинено будет, в уведомлении Темниковскую канцелярию писменно. Почему в силу того журналу означенного октября 24-го числа 1773-го году в Духовную Преосвященного Иеронима, епископа Владимирского и Муромского, кансистирию из оной Темниковской канцелярии доношением и представлено.

А минувшаго декабря 11-го дня 1773 года в присланном Ея императорского величества из оной духовной кансистерии указе объявлено, что по указу Ея императорского Величества конфирмованным от его Преосвященства Духовной кансистерии определением велено к означенному настоятелю иеромонаху Феодору послать. И послан с нарочным указ с тем подлинной, и таковой как в предписанном Темниковской воеводской канцелярии доношении представлено поступок учинен и для чего прислать в кансистирию ответ и также нарочным, неотменно по которому де ответу надлежащее рассмотрение учинено будет немедленно. Токмо означенной ответ от него, настоятеля иеромонаха Феодора, с тем нарочным представлен ли в тое кансистирию, послан ли и что потому во оном учинено, Темниковской канцелярии неизвестно.

* Духовный регламент — Устав Русской православной церкви, утвержден указом Петра I от 25 января 1721 г.

Помета: «Получен генваря 21-го дня 1774 года.
Написать в реэстр».

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 8 — 11. Заверенная копия.

№ 6

Ордер воронежского губернатора Н. Л. Шетнева
темниковскому воеводе В. Неелову с предписанием
заплатить за молотый на мельницах Санаксарского
монастыря хлеб

4 февраля 1774 г.

Ордер
города Темникова воеводе
надворному советнику Неелову

По репорту вашему от 7-го минувшаго декабря, в котором на ордер мой последовавшей по жалобе на вас Санаксарскаго монастыря настоятеля иеромонаха Феодора, между протчим в переписке изъясняете, что за молотой на мельницах реченнаго монастыря в 1773-м году ваш хлеб надлежащей расплатки зделать не можете за не присылкою от имянованнаго настоятеля сколко следует заплатить записки. О присылке оной к настоятелю Феодору от меня писано*. Вам же рекомендую, получа ту записку, запла-

* Слова «сколко следует заплатить записки» и «оной к настоятелю Феодору от меня писано» вписаны над строкой другим почерком.

тить в скорости и о исполнении того меня репортовать.
Февраля 4-го дня 1774-го года.

Помета: «под № 98-м».

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 12. Отпуск.

№ 7

Письмо воронежского губернатора Н. Л. Шетнева
настоятелю Санаксарского монастыря иеромонаху
Феодору о направлении им воеводе В. Неелову
«записки» о сумме денег за помол хлеба
на монастырской мельнице

4 февраля 1774 г.

Честнейший отец, иеромонах Феодор!
Города Темникова воевода надворной советник Неелов на ордер мой, последовавшей по жалобе вашей, в присланном ко мне репорте между протчим изъясняет, что за молотой на мельнице Санаксарскаго монастыря в 1773-м году ево, Неелова, хлеб надлежащей заплатки зделать не может за не присылкою к нему от вас о количестве следующей в заплатку суммы записки, о чем чрез сие дается вам знать, с тем чтоб вы ту записку отослали к нему, Неелову, в скорости. Ему ж от меня сего числа ордером предложено, получа ту записку, и в крайней скорости уплатою удавольствоваться и в исполнении того меня репортовать.

Помета: «Февраля 4-го дня 1774 -го года.

Под № 100-м».

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 12 — 12 об. Отпуск.

№ 8

Письмо воронежского губернатора Н. Л. Шетнева
епископу Владимирскому и Муромскому Иерониму
с просьбой рассмотреть поступки настоятеля
Санаксарского монастыря иеромонаха Феодора,
описанные в рапорте и экстракте темниковского
воеводы В. Неелова

4 февраля 1774 г.

Великий господин, Преосвященнейший Иероним,
епископ Владимирский и Муромский, милостивый госу-
дарь мой!

По дошедшей ко мне жалобе епархии вашего Преосвященства Темниковскаго Санаксарскаго монастыря настоятеля иеромонаха Феодора с братиею на темниковскаго воеводу надворнаго советника Неелова в молонии без платы на монастырских мельницах хлеба* и в возбрании купечеству ходить в монастырь и подавать милостыни, декабря от 18-го прошлаго 1773 года предложено было к нему, Неелову, ордером, чтоб он от того, есть ли сие неправда, удержался и за помол собственного ево хлеба удовольствоваться платежем, в чем и к нашему Преосвященству во известие того ж числа сообщено. А ныне реченный воевода Неелов на объявленной ордер меня репортует, что он показуемые на него от настоятеля Феодора Санаксарского монастыря озлобления никогда не чинил, а хотя ежегодно собственной свой хлеб на монастырских мельницах и молот, но по допущению са-

* Слова «в молонии без платы на монастырских мельницах хлеба» написаны над строкой.

мага онаго настоятеля и с заплаотою, кроме 1773-го года, и то по причине, что он, настоятель, о количестве следующей в заплату за тот год суммы к нему записки не присылает, а напротиву того он, Неелов, в приложенном при упоминаемом репорте сочиненном и имеющагося в Темниковской в[оеводской] к[анцелярии] экстракте, протестует на него, настоятеля, в назывании себя раззорителем народа в присутственном месте, о чем де в кансистории вашего Преосвященства по представлении Темниковской в[оеводской] к[анцелярии] и рассмотрении чинил. Да того ради, прилагая при сем ко усмотрению вашего Преосвященства прописанный темниковскаго воеводы Неелова репорт с приобщенным при нем экстрактом, прошу о описанных во оном настоятеля Феодора поступках повелеть изследовать и поступить по правилам святых отцов, и что вашим Преосвященством будет определено дать мне знать, а о присылке для ращету о молотом на монастырских мельницах хлебе к воеводе Неелову записки ко оному настоятелю подтвердить. А что по той записке воевода надлежащее число денег заплатит, о том от меня к нему, Неелову, ордером предложено, да и настоятелю Феодору, чтоб он ту записку прислал, писменно*.

Февраля 4 дня 1774-го года.

Помета: «под № 99-м. Принял Алексей Рязанцев».

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 13 — 13 об. Отпуск.

* Последнее предложение написано другим почерком.

№ 9

Письмо епископа Владимирского и Муромского Иеронима воронежскому губернатору Н. Л. Шетневу о направлении от него представления в Святейший Правительствующий Синод на настоятеля Санаксарского монастыря иеромонаха Феодора
22 января 1774 г.

От Преосвященного Иеронима, епископа Владимирского и Муромского, господину генерал-порутчику кавалеру и воронежскому губернатору Николаю Лаврентьевичу Шетневу.

Присланным ко мне от вашего Превосходительства сообщением требовано, чтоб епархии моей Темниковского Санаксарского монастыря настоятелю иеромонаху Феодору, дабы он в дела, глас о себе имеюция и принадлежащая до гражданского суда, о каковых от него на темниковского воеводу представлено, не входил, сделать подтверждение. А как о вышеписанном прежде еще сего в консисторию мою из Темниковской воеводской канцелярии вступило доношение, по коему надлежащая обстоятельства собраны и с прописанием оных представлено Святейшему Правительствующему Синоду, откуда какой на то Указ последует, по оному и исполнение учинено быть имеет. О чем, ваше Превосходительство, и благоволите быть известны.

Генваря 22-го дня 1774 года.

Иероним епископ Владимирский.

Помета: «Получено 12-го февраля 1774 года».

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 14. Подлинник.

№ 10

Письмо настоятеля Санаксарского монастыря иеромонаха Феодора воронежскому губернатору Н. Л. Шетневу о дальнейшем притеснении монастыря темниковским воеводой В. Нееловым
9 марта 1774 г.

Высокопревосходительный генерал, Николай Лаврентьевич, нам убогим милостивый государь!

Вашего Высокопревосходительства писание мы, убогия, получили, в котором между прочим объявляется то, что о собственных наших обидах к темниковскому воеводе Неелову от вашего Высокопревосходительства ордером подтверждено, однако не только мы на свои обиды от того воеводы удовольствия никакова не получили: но ипаче еще ныне принял свою злобу нападать и утеснять нас старается. Сего году в феврале месяце, взяв пленных турков десять человек из определенного им от купечества особливаго дому и миновав все в городе обывательския дома, прислал со оными турками сержанта и трех человек салдат на состоящее наше в городе Темникове монастырское подворье, и необъявля нам, настоятелю з братиею, означенныя сержант с салдатами и турками на оной монастырской двор пришли с великою наглостию ко определенному от монастыря для смотра того двора послушнику, которой от страха принужден был заложить у сеней двери, и означенной сержант с салдатами и турками, взяв бревно, у сеней двери разбили. И такую наглостию вошли, подобно как разбоем, без всякаго по указом пристойнаго объявления. И ныне живут в том нашем монастырском доме пленныя турки тринадцать человек, отчего мы в нужных в город приездах принуждены терпеть великое утеснение.

Притом же он, воевода Неелов, прежде сего времени чинил в городе з барабанным боем публикацию, чтоб монахи в городе рукоделие не продавали. Которое ево запрещение до ево должности, конечно, и не следовало, понеже мы состоим под командою духовною, но во всем он, воевода, не иное, что намеряя чинил токмо, чтоб нам зделать обиду и утеснение. От сего, ваше Высокопревосходительство, изволите усмотреть, какая неукрошенная злоба на таких еще людей, которые и не под ево командою состоят. Что же думать можно о протчих бедных, которые содержатся ево воеводскою командою? То уже весьма пристойно сказать, что и гласныя стали быть безгласныя за страх такового человека, которой и утесняет, и разоряет. И по истине так, как пред страшным судом божиим сказать, что многия бедныя от неприязни той утеснены, и разорены, и в крайнюю нужду приведены. Почему я, как на себе такую нужду чувсвуя, так и о протчих бедных болезную, и чрез то принужден ныне того воеводу представлять таким человеком, каков он есть в своем состоянии. Присем с нашим послушником, посланным с доношением, ваше же Высокопревосходительство, покорнейше просим означенных турков с показанного монастырского двора приказать свести, и по представленному нашему доношению вашего Высокопревосходительства резолюцию учинить. В протчем пребудем о вас богомольцы.

Санаксарского монастыря настоятель иеромонах Феодор.

Вашему Высокопревосходительству всенижайшее поклонение приносим.

Марта 9-го дня 1774 года.

Помета: «Получено 24-го марта 1774-го года.

Записать в реэстр. Под № 193».

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 18 — 19. Подлинник.

№ 11

Ордер воронежского губернатора Н. Л. Шетнева
темниковскому воеводе В. Неелову с предписанием
прекратить притеснения Санаксарского монастыря
24 марта 1774 г.

Ордер

города Темникова воеводе
господину надворному советнику Неелову

Темниковского уезду Санаксарского монастыря настоятель иеромонах Феодор писменно жалуется мне, что вы по ордеру моему в причиненных оному монастырю собственных обидов не только никакого удовольствия не учинили, но паче нападать и утеснять их стараетесь. Как-то в прошедшем феврале месяце, миновав все в городе обывательские дома, выведя из определенного от купечества особливого дому пленных турок, поставили на монастырское их подворье, которые и ныне во оном и квартируют. А между тем, он, настоятель с монахами, вынужден при ездах в город претерпевать утеснение. А притом вы учинили з барабанным боем публикацию, чтоб монахи в городе рукоделие не продавали, и просит от того их защитить. А как губернаторским и воеводским наказом 48-го пунктом повелено на монастырских городских подворьях квартировать одним только губернаторам и воеводам, в случае неимения казенных домов, а чтоб рядили со обывательскими домами постой и на монастырския городовыя подворья ставить, о том повеления нет, почему из поступка вашего я заключаю причиненную оному монастырю напрасную обиду и утеснение. А притом и запрещение о продаже монахам в городе своего рукоделия учено безрезонно, потому что рукоделия

своего каждому продавать не запрещается. Сего ради и рекомендую от таковых и подобных сему Санаксарскому монастырю обид воздержатца, дабы впредь жалоб ко мне не доходило; поставленных же на подворье турок тотчас приказать свести и для чего оное вам учинено.

Марта 24 дня 1774 года.

Помета: «под № 433. Принял Алексей Резанцев».

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 20, 20 об. Отпуск.

№ 12

Записка воронежского губернатора Н. Л. Шетнева настоятелю Санаксарского монастыря иеромонаху Феодору о направлении им предписания воеводе В. Неелову с запрещением чинить «обиды» монастырю
24 марта 1774 г.

Честнейший отец, иеромонах Феодор!

По писму вашему темниковскому воеводе, чтоб как турок с подворья вашего свел и монахам рукоделия своею продавать не запрещал, так и никаких монастырю вашему обид не делал, строжайше от меня подтверждено. А для чего оное зделано незаконно, требую ответ.

Марта 24 дня 1774 года.

Помета: «Под № 434-м. Отдано присланному от него монаху».

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 21. Отпуск.

№ 13

Донесение настоятеля Санаксарского монастыря иеромонаха Феодора императрице Екатерине II о «грабительстве» населения темниковским воеводой В. Нееловым

Март 1774 г.

Всепресветлейшая державнейшая Великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица Всероссийская, государыня всемилостивейшая!

Доносят Темниковскаго уезда Санаксарскаго монастыря настоятель иеромонах Феодор на темниковскаго воеводу надворнаго советника Василья Васильева сына Неелова, а о чем мое доношение тому следуют пункты.

Понеже как закон общественный, так и правы Вашего императорскаго величества одоужают нас усматривать обществу вредительныя случаи и всеми мерами старатся оныя искоренять, дабы чрез таковыя, как душевная, так и телесная жизнь общества не могла б разорится. И потому я, настоятель, усмотря обществу немалое повреждение от темниковскаго воеводы надворнаго советника Василья Неелова, представляю того не так как правителя человеческого состоянию, но так как грабителя и разорителя и божественному закону и вашего императорскаго величества правам совершеннаго вредителя.

И дабы высочайшим Вашего императорскаго величества указом повелено было сие мое доношение принять и означеннаго воеводу Неелова, отреша от должности, в вышеписанном, объявляемом мною, именованным, ево грабительстве изследовать, а я, настоятель, как ево воеводу представляю грабителем, в том должен ево доказывать.

Всемиловейшая государыня, прошу Вашего императорского величества о сем моем доношении решение учинить. Марта «...»* дня 1774-го году.

К поданию надлежит Его превосходительству господину генералу-порутчику Воронежской губернии губернатору и кавалеру Николаю Лаврентьевичу Шетневу. Доношение писал господина генерала-порутчика Василья Ивановича Стрешнева служитель ево Федор Алексеев.

К сему доношению Санаксарского монастыря настоятель иеромонах Федор руку приложил.

Помета: «Подано 3-го апреля 1774 года.

Записать в реэстр. № 231».

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 22, 22 об. Подлинник.

№ 14

Рапорт темниковского воеводы В. Неелова воронежскому губернатору Н. Л. Шетневу об уплате им денег Санаксарскому монастырю за помол его хлеба на монастырских мельницах

14 марта 1774 г.

Его высокопревосходительству господину генерал-порутчику кавалеру и Воронежской губернии губернатору Николаю Лаврентьевичу Шетневу города Темникова от воеводы надворного советника Неелова.

* Число не указано.

Рапорт

Сего 1774 году марта 14-го дня по присланному от Вашего высокопревосходительства ко мне ордеру велено: чтоб мне, получа Санаксарского монастыря от настоятеля иеромонаха Феодора записку, что за молотой на мельницах реченного монастыря в 1773-м году мой хлеб, надлежит заплатить в скорости и по исполнении ваше высокопревосходительство репортовать.

И на оной вашему высокопревосходительству сие покорнейше репортую, что еще до получения сего вашего высокопревосходительства ордера посланному из духовной преосвященного Иеронима, епископа Владимирского и Муромского, канцелярии указу, в коем прописано, что по сообщению вашего высокопревосходительства от той кансистерии ему, настоятелю Феодору, указом велено: сколько на нем за помол собственного моего хлеба денег почитается, об оном учиня записку, отослать для заплаты по ней подлежащих денег ко мне. Которая сего марта 10-го числа от него, Феодора, и прислана; по коей я за помол хлеба четыре рубля и заплатил сполна.

Воевода надворной советник Василей Неелов.

Марта 14-го дня 1774 году.

Помета: «Получено 18-го апреля 1774 года».

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 26, 26 об. Подлинник.

№ 15

Письмо воронежского губернатора Н. Л. Шетнева епископу Владимирскому и Муромскому Иерониму с просьбой предложить настоятелю Санаксарского монастыря иеромонаху Феодору составить другое донесение с ясным доказательством вины воеводы и явиться к губернатору

3 апреля 1774 г.

Великий господин, Преосвященнейший Иероним, епископ Владимирский и Муромский, милостивый государь мой!

Епархии вашего Преосвященства Темниковского уезда Санаксарского монастыря настоятель иеромонах Феодор в присланном ко мне на высочайшее Ея императорского величества имя доношении пишет, что, усмотря он, настоятель, от темниковского воеводы Неелова обществу немалое повреждение, представляет ево не так как правителя человеческого состоянию, но так как грабителя и разорителя и божественному закону, и правам Ея императорского величества совершенного вредителя и для того, прилагая при сем со оногo доношения копию, ваше преосвященство прошу, призвав реченнаго доносителя иеромонаха Феодора, какия и кому имянно от темниковского воеводы причинены грабительства и разорения, также божественного закону и государственным правам в чем повреждение есть, велеть на основании Генерального регламента* 19-й главы и о форме

* Генеральный регламент — Устав гражданской службы, регулировавший работу учреждений и порядок службы в них; регламентировал права и обязанности должностных лиц. Издан 28 февраля 1720 г.

суда 1723-го года ноября 5-го дня указа, подать другое доношение, с ясным свидетельством и крепким доказательством. И по получении того доношения и его, иеромонаха Феодора, благоволите, ваше преосвященство, доставить ко мне, а я, получа оное, исследовать и законное решение сделать не оставлю. А притом вашего преосвященства прошу оному настоятелю Феодору накрепчайшее подтвердить, чтоб от таковых необстоятельных доносов воздержался.

Вашего Преосвященства милостивого государя слуга
Апреля 3-го дня 1774 года. Воронеж.

Помета: «Под № 533-м. Принял Алексей Рязанцев».

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 23, 23 об. Отпуск.

№ 16

Донесение епископа Владимирского и Муромского Иеронима воронежскому губернатору Н. Л. Шетневу об отправке настоятелю Санаксарского монастыря иеромонаху Феодору указа с требованием составить другое донесение, с ясным доказательством вины воеводы, и явиться к губернатору

6 мая 1774 г.

От Преосвященнаго Иеронима, епископа Владимирскаго и Муромскаго, генерал-порутчику кавалеру и воронежскому губернатору Николаю Лаврентьевичу Шетневу.

Присланным ко мне, ваше Превосходительство, сообщением, приложу при нем с присланнаго к вашему Превосходительству епархии моей Санаксарскаго монастыря от настоятеля

иеромонаха Феодора на темниковского воеводу Неелова, что он не как правитель человеческому состоянию, но как грабитель и разоритель, и божественному закону и правам вридитель, доношения копию, требовали, чтоб, призвав того доносителя иеромонаха Феодора, какия и кому именно от темниковского воеводы причинены грабительства и разорения, так же божественному закону и государственным правам в чем повреждение есть, велеть на основании Генерального регламента 19-й Главы и о форме суда 1723-го года ноября 5-го дня указа на онаго воеводу Неелова подать другое доношение с ясным свидетельством и крепкими доводы. И то доношение и его иеромонаха Феодора доставить к вашему Превосходительству, что де вы, получа изследовать и законное решение з дела не оставите. А притом оному настоятелю накрепчайшее подтвердить, чтоб он впредь от таковых не обстоятельных доносов воздержался. И по оному сообщению посланным из консистории моей сего мая от 6-го числа к помяненному настоятелю иеромонаху Феодору указом велено на темниковского воеводу Неелова о вышеозначенных обстоятельствах изготоя вторичное доношение с изьяснением, какия и кому тем воеводою обиды причинены, объявля на то ясное свидетельство и крепкие доводы, как вышепрописанными узаконениями повелено, я с тем доношением для подлежащего по нему доказательства явится самому ему, Феодору, к вашему Превосходительству в Воронеж беспродолжения. А впредь от подобных вышеписанному не обстоятельных доносов удержатся. О чем ваше Превосходительство и благоволить быть известны. Мая 6-го дня 1774 года

Иероним, епископ Владимирский.

Помета: «Получено 20-го апреля 1774 года. № 661».

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 28, 28 об. Подлинник.

№ 17

**Рапорт темниковского воеводы В. Неелова
воронежскому губернатору Н. Л. Шетневу
о непритеснении им Санаксарского монастыря
и с просьбой защитить его от «обид» настоятеля
иеромонаха Феодора**

7 мая 1774 г.

Его высокопревосходительству господину генерал-порутчику, ковалеру и Воронежской губернии губернатору Николаю Лавреньевичу Шетневу

Города Темникова от воеводы надворного советника Неелова

Рапорт

Сего 1774 года мая 6-го дня по присланному от вашего Высокопревосходительства ко мне ордеру велено по писменной вашему ж высокопревосходительству жалобе Санаксарского монастыря настоятеля иеромонаха Феодора, якоб мною по ордеру вашему в причиняемых оному монастырю собственных обидах, не толко никакого удовольствия не учинено, но паче нападать и утеснять их стараясь, и быть-то бы в прошедшем феврале месяце, миновав все в городе обывательские дома, выведя из определенного от купечества особливаго дому пленных турок, поставил на монастырское их подворье, которые де и ныне во оном квартируются, а между тем, он, настоятель с монахами, в нужных приездах в город претерпевает утеснение и притом якобы же я чинил з боробанным боем публикацию, чтоб монахи в городе рукоделия не продавали, чтобы мне от таковых и подобных сему Санаксарскому монастырю

обид воздержатца, дабы впредь жалобы к вашему высокопревосходительству не доходило; поставленных же на подворье турок тотчас приказать свести, для чего оное мною учинено прислать к вашему высокопревосходительству репорт с нарочным вскорости и конечно в указной срок.

И по силе оного вашего Высокопревосходительства ордера в Темниковской воеводской канцелярии по справке в городе Темникове пленных турок напредь сего в присылке имелось четырнадцать, а ныне за умертвием из оных одного, налицо состоит тринадцать человек, кои сначала присылки их квартиры имели по обывательским домам порознь, и по малому времени, а как все обыватели очереди обошлись, и потому уже поставлены были от канцелярии, а не от купечества на квартиру отставного подьячего Василья Михайлова сына Мылникова, у которого имеется в городе Темникове кроме того дому, где он, Мылников, сам жительство имеет, на другой улице особливая изба с сенями, в коей те турки и находились не менее двух годов. Но как за долговременным у оного Мылникова постоем, а особливо за ветхостию того покая, в прошедшем феврале месяце сего года поставлен в таковой же обывательской дом вдовы секретарши Евсюковой, коя в городе Темникове в том доме своем жительства не имеет, а находится в другом уезде; монастырского же Темниковского уезда Санаксарского монастыря подворье по канцелярии не значится, кроме того, как ныне по справке от Темниковской ратуши оказалось, что в силу посланных из Низовой соляной конторы указов, имелся быть у соляного подрядчика Якова Степанова и поверенного отца ево Степана Антипова Щедриных общей дом, которой в число имевшейся на них за невыставку ими подрядной в город Тамбов соли немалого числа пуд, соляной доимки одиннадцати

тысяч двух сот тридцати семи рублей пятидесять копеек с четвертью, описан по цене на двести рублей. А на том дворе по описи явилось строение: каменные палаты о двух порталах в двенадцати покоях с дворовою усадбою и со всем строением, и оной дом весь безостатку с публичного торгу от реченной ратуши продан вышеписанного Санаксарского монастыря настоятелю иеромонаху Феодору с братиею за денги за двести двадцать шесть рублей, в чем ему, настоятелю, на тот двор прошлого 1772 году мая 4-го дня из оной же ратуши владеная и выпись с плотжею указных пошлин дана. А постоев на нем как турками, так и никем со отдачи ево упоминаемому настоятелю с братиею никогда не бывало и ныне нет. В предписанном же Темниковском уезде Санаксарском монастыре по штатам монахов состоит семь человек, в том числе один настоятель, в коем доме для приездов их квартировать безутеснения с довольствием быть могут. А другой, выше упоминаемой секретарши Евсюковой дом, с чего им, настоятелем, иеромонахом Феодором, назван своим монастырским подворьем и так ваше высокопревосходительство прозбою своею утруждает неизвестно. Однако во исполнение оного вашего высокопревосходительства ордера означенные турки из показанного секретарши Евсюковой дому ныне сведены и что уже кроме прежней отставного подьячего Мылникова квартиры, что у него, как и выше значить, имеется еще особой дом, где он сам жительство имеет. У других города Темникова обывателей таковых же подобных сему двух домов не состоит, а живущие во вних домах обыватели же все исправляют протчим проезжающим командам постой. На ево Мылникова квартиру поставлены, неприемля от него никакой в том просьбы. А означенной секретарши Евсюковой дом, которой объявленной настоятель иеромонах

Феодор называет своим монастырским подворьем, остается бес постоев и полицейской должности. Что же касается до публикации якобы о непродовании монахам в городе Темникове рукоделия, и то от него настоятеля иеромонаха Феодора показано напрасно, что таковой публикации от меня никогда не происходило, и не токмо в дозволенном всякого звания людям рукоделном ремесле и в продаже оного и Санаксарского монастыря монахом, но сверх того им и в особливом торговом их промысле, как в продаже здесь на торгу рыб, так в водяном и в гужевом пути, в поставке на кожевенные заводы подрядного корья в низовые города, ведая что комерческие дела принадлежат до купечества, а не до меня, ничем не воспрещал. А публикация чрез боробан не имела, и таковая что по прежней у вашего высокопревосходительства оного настоятеля жалобе будто бы я запрещал купечеству в Санаксарской монастырь ходить и милостыни подовать, чего от меня никогда не бывало же. Об оной так обозначенную публикацию всенародно и объявлено. Я же по-прежнему мне от означенного настоятеля иеромонаха Феодора обиде в приходе их прошлого 1773 году октября 24-го числа во время присутствия в Темниковской воеводской канцелярии, то есть по полунощи в 10-м часу, и в назывании в том присутствии меня разорителем и грабителем народа, по представлении духовной Преосвященного Иеромима, епископа Владимирского и Муромского кансистерии, остаюсь без всякого удовольствия и, что потому учинено, неизвесно. В таком случае вашего Высокопревосходительства нижайше прошу о такового оным настоятелем иеромонахом Феодором на меня нападения и напрасной обиды защитити и учинить в том милостивое рассмотрение, даб он впредь таковыми затеянными на меня, как ныне, прозбами и не-

пристойными от меня требованиями ваше высокопревосходительство не утруждал.

Воевода надворной советник Василей Неелов.

Помета: «Подано 30-го мая 1774 года. № 358».

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 30 — 30 об., 33.
Подлинник.

№ 18

Ордер воронежского губернатора Н. Л. Шетнева темниковскому воеводе В. Неелову с осуждением обнаружения «несправедливой» жалобы на него настоятеля Санаксарского монастыря иеромонаха Феодора и предписанием впредь воздерживаться от этого

3 июня 1774 г.

Ордер
города Темникова воеводе
господину надворному советнику Неелову

В репорте вашем от 7-го числа сего майя на ордер мой последовавшей по писменной жалобе Санаксарскаго монастыря настоятеля иеромонаха Феодора между протчаго изъясняете, публикации о непродаже Санаксарскаго монастыря монахам в городе Темникове рукоделия произведено от вас не было. А публиковано было всенародно, з боробанным боем, о том, что прежде сего оной настоятель жаловался на вас мне несправедливо, будто вы запрещали купечеству в Санаксарской монастырь ходить и милостыне подовать; каковой ваш поступок весьма меня удивляет, потому

государственными законами повелевается публики производить о изданных вновь указах: о казенных подрядах, о сыске ушедших рекрут, солдат, матрозов и колодников и о подобном тому. А чтоб о несправедливых на кого доносах, да и тому на кого оной был чрез публику давать знать, о том предписания в законах нет*, и для того рекомендую впредь от таких публикаций воздержатца, опасаясь ответа. Июня 3-го дня 1774 года**.

Помета: «Под № 767-м. Принял Алексей Резанцев».

ЦГА РМ, ф. 122, оп. 2, д. 128, л. 30 — 30 об., 33. Подлинник.

№ 19

**Указ Святейшего Правительствующего Синода
епископу Владимирскому и Муромскому Иерониму
о высылке настоятеля Санаксарского монастыря
Феодора в Соловецкий монастырь
23 июня 1774 г.**

Указ Ея императорскаго величества самодержицы Всероссийския из Святейшаго Правительствующаго Синода преосвященному Иерониму, епископу Владимир-

* Далее зачеркнуто: «но и здравым разумом весьма несогласно».

** Слова «от таких публикаций воздержатца, опасаясь ответа. Июня 3-го дня 1774 года» вписаны в конце страницы позднее другим почерком. Они заменили более ранний текст, который зачеркнуто: «во всяких делах поступать вам осмотрительнее, согласуясь с зданными, а от подобных сему поступок удержатца, а ест ли и впредь произойдет таковой же поступок, за оной можете ответствовать, а по важности дела и штрафован будете. Майя 30-го 1774 года».

скому и Муромскому, сего 774-го года генваря 15-го дня. Святейшему Правительствующему Синоду доношением от вашего Преосвященства представлено, что находящийся в Санаксарском монастыре настоятель иеромонах Феодор в 768-м году того монастыря иеромонаху Венедикту да иеродиакону Пармену запретил без ведома епархиалнаго своего архиереа священнослужение, и трапезы братской их лишил, а когда оные монахи за самовольную из монастыря во Владимир и Москву отлучку по определению покойнаго Преосвященнаго Павла, епископа Владимирскаго, отосланы были во Флорищеву пустынь на год в работу и в уреченное служение, то, называя оное архиерейское определение несправедливым, и якобы указам и духовным законам противным, напроотиву же того поступок свой в запрещении священнослужения, почитая справедливым, требовал, чтоб их для понесения эпитемии прислать обратно в Санаксарской монастырь. А как вторично посланным к нему ж из консистории по резолюции того ж Преосвященнаго указом дано ему знать, что запрещение в священнослужении по 39-му апостолскому правилу единственно состоит во власти епископской, а ево, Феодора, поступок слову божию, святым правилам и гражданским законам противный. И за то учинен ему, настоятелю, выговор, то он, Феодор, в репорте своем, не признавая себя виновным, прописанные правила и указы противным образом толковал с таким епархиальному своему архиерею досаждением, укоризною и поношением, что де апостолское слово и гражданския указы приказывают покорным быть и послушным пастырям таким, которые хранят божины законы, и порученным им содержать законно, а не таким пастырем, которые де идут против законов божиных, и судят совершенную неправду,

по слову ж апостольскому к неправедному архиерейскому суду. А щобы кто и быти его, Феодора, беззаконно восхотел благовременно б, было и ему то апостолское слово рещи, что бог имать бития столноповаленая. Означенным же де иеромонаху и иеродиакону учинена епетемия беззаконная и ложная к самоволству желания их, а когда б де присланы были к нему, тоб де эпитимия им чувствительнее была, а не неправедным де судом пастырь сам себе презрение наносит, и неяко пастырь бывает, но паче и губитель овец христовых. Священнослужение ж де на время тем иеромонаху и иеродиакону запретил он потому, что, будучи настоятелем по благодати божией данной ему, в чине священства состоит и по духу им отец и может де их запретить и разрешить. Суд же Преосвященного Павла, епископа, свое токмо презрение взыскивает, а не правду, каковым де он и не доволен, и требовал представления вышней команды, где де он должен с тем архиереем иметь суд, а не понасильственной власти неправедные штрафы, в которых де не суд, а насилство быть может, и не пастырство, но паче разбойство. Точие тогда об оном дерзновении от Преосвященного епископа Павла за его кончиною никакого Синоду представления не было. А в 773-м году октября 24-го дня он, Феодор, вшед Темниковской воеводской канцелярии в судейскую камору в присутствии воеводы надворного советника Неелова и секретаря Мылникова требовал, яко присутствующий записать в журнале, что он прислан Темниковской ратуши от присутствующих и состоящаго под тем ведомством народа объявить воеводе, что он разоритель и грабитель того народа. А по входе де ево в тож самое время пришед во оную канцелярию ратушной ратман Серебряков да словесной судья Осипов объявили, что как от ратуши, так и от всего купечества никако-

ва о том воеводе называния реченному настоятелю Феодору приказания не было и ничего не происходило, а единственно де он, Феодор, вошед в ту ратушу сам собою требовал, чтоб собраться всему народу на совет ево, а на какой и для чего, о том не объявил, толко де никто к тому в Темниковской ратуше не явился. А сего де 774-го году января 4-го дня и от воронежского господина губернатора к вашему Преосвященству сообщено, что он, Феодор, и ему, господину губернатору, на онаго темниковского воеводу жалобу приносил, будто б он, злобствуя на него, настоятеля, за отказ ему, воеводе, в молотье собственного своего хлеба на монастырских мельницах бесплатно, возбранил купечеству, чтоб в монастырь не ходили и милостыни не подавали. А притом на онаго ж воеводу доносил во взятках со многих купцов и с уездных жителей и от прочих утешениях, точию тот ево донос по рассмотрении губернаторскому оказался и законами несходной. И требовано о том рассмотрении, но как де он, Феодор, настоятелем в Саноксарском монастыре находится по Ея императорского величества указу, то ваше Преосвященство представили о всем том на рассмотрение Святейшему Синоду, по которому представлении Святейший Синод имел с Правительствующим Сенатом писменное сношение, и наконец, поднесен был Ея императорскому величеству доклад, на которой последовавшим июня 16-го дня сего года Имянным Ея императорского величества указом высочайшим, повельно онаго Феодора, лиша настоятельского и иеромонашеского звания, отослать яко человека беспокойнаго, простым монахом в Соловецкой монастырь, препоручив начальнику онаго монастыря неослабное за ним смотрение. И во исполнение онаго имяннаго Ея императорского величества высочайшаго указа, Святейшим Правительствующим

Синодом определено вашему Преосвященству онаго настоятеля иеромонаха Феодора из Санаксарскаго монастыря немедленно взять во Владимир, и объявля ему в консистории указ, настоятельскаго и иеромонашескаго звания лишить и, изтребовав от Владимирской провинциальной канцелярии двух человек салдат и подорожную на три и обратно, под салдат, на две ямския подводы за указные прогоны, снабдя тех салдат надлежащею инструкциею, отослать ево, Феодора, простым монахом за караулом в Ставропигиальной* Соловецкой монастырь, в коем включа ево, Феодора, в штатное число, поступить с ним, как означенным имянным Ея императорскаго величества указом повелено. А на ту отправку прогонные денги вашему Преосвященству употребить, взяв из помянутаго Санаксарскаго монастыря. А ежели в том монастыре того кошту недостаточно, то из положенной на Владимирской архиерейской дом штатной суммы, ис кокой употреблено будет Святейший Синод отрепортовать, почему тогда и о возвращении того кошту во оной архиерейской дом в Святейшем Синоде определение учинено быть имеет. И преосвященному Иерониму, епископу Владимирскому и Муромскому, учинить о том посему Ея императорскаго величества указу во Владимирскую провинциальную канцелярию и Ставропигиальнаго Соловецкаго монастыря к Досифею, архимандриту, и для ведома в Московскую Святейшаго Синода кантору об оном.

Указ из Святейшаго Синода послан июня 23-го дня 1774 года.

* Ставропигиальный монастырь — управляемый не епархиальными архиереями, а непосредственно патриархом или равным ему Святейшим Синодом и пользующийся особыми привилегиями.

Подлинной указ за скрепами секретаря Аполлоса Намова, секретаря Игнатия Калинина, за справою канцеляриста Петра Павлова.

Здан от его Преосвященства в консисторию июля 5-го дня 1774-го года.

В книгу записан входящую под № 100-м.

ЦГА РМ, ф. 1, оп. 1, д. 93, л. 32 — 33. Заверенная копия.

№ 20

Указ Владимирской духовной консистории игумену Санаксарскаго монастыря иеромонаху Венедикту с объявлением Указа Екатерины II об освобождении бывшего настоятеля Санаксарскаго монастыря отца Феодора из Соловецкаго монастыря и Указа Святейшаго Правительствующаго Синода о возвращении его по желанию в Санаксарский монастырь

4 октября 1783 г.

Указ Ея императорскаго величества самодержицы Всероссийския из Владимирской духовной консистории Санаксарскаго монастыря настоятелю иеромонаху Венедикту с братиею. Сего 1783 года июля 29-го дня в присланном Ея императорскаго величества из Святейшаго Правительствующаго Синода к покойному преосвященному Иерониму, епископу Владимирскому, указе написано: имянным де Ея императорскаго величества Высочайшим Указом, состоявшимся сего года апреля 18-го дня за собственноручным Ея, императорскаго величества подписанием, данным

синодалному члену Преосвященному Гавриилу*, архиепископу Новгородскому и Санкт-Петербургскому, а от него, Преосвященного, Святейшему Синоду, предложенным между прочим велено: содержащагося под стражею в Соловецком монастыре монаха Федора Ушакова, свобода из-под стражи, определить в манастырь по разсмотрению Синода, исходно ево желанию, подтвердя, чтоб настоятель того монастыря наблюдал за поведением ево. А минувшаго июня 29-го дня сего 1783 года Святейшему Правительствующему Синоду Ставропигиального Соловецкаго монастыря архимандрит Иероним при репорте приложил взятое в силу посланнаго из Святейшаго Синода указа от помянутаго монаха Федора Ушакова известие, в коем он епархии и в каком монастыре по освобождении из-под стражи пребывание иметь желает, в котором известии он, Ушаков, показал, чтоб ево возвратить на прежнее пребывание Владимирской епархии в Санаксарской монастырь. И по Указу Ея императорского величества Святейший Правительствующий Синод приказали: как помянутой монах Федор Ушаков желание свое объявил пребывание ему иметь Владимирской епархии в Санаксарском монастыре; для того ево, Ушакова, из Ставропигиального Соловецкаго монастыря отправить во Владимирскую епархию, коего и определить в Санаксарской монастырь на пребывание совсем на основании означеннаго имяннаго Ея императорского величества Высо-

* Гавриил (Петров) — депутат от духовенства в Уложенной комиссии 1766 — 1767 гг.; архиепископ, затем, с 1783 г. — митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. В 1799 г. при Павле I отрешен от должности за отказ от принятия католического мальтийского креста. Поддерживал тесные связи с Санаксарским и Саровским монастырями.

чайшаго указа, где ему и священнослужение разрешить, обязав ево во Владимирской консистории подпискою, чтоб он, живучи в том Санаксарском монастыре, чувствуя высокомонаршее Ея императорского величества к нему милосердие, ни в какия непринадлежащая до него Ушакова дела отнюдь не входил, а препровождал житие честное и благочинное, сходственно с саном монашеским, и у Вас, настоятеля, был во всяком повиновении и послушании. А сего октября 2-го дня означенной монах Федор по увольнении ево из Соловецкаго монастыря з данным ему пашпортом в здешней консистории явился, которому вышепомянутой Святейшаго Правительствующаго Синода указ в присутствии объявлен, священнослужение исправлять ему дозволено и повелено, подпискою обязан и з данным ему пашпортом; во оной Санаксарской монастырь отправлен при сем указ, где ему пребывать и настоятелю об нем исполнение чинить, как предписанным имянным Ея императорского величества указом повелено во всем непременно.

Парфений игумен Боголюбовский,
Алексей иерей ключарь Успенский.

Октября 4-го дня 1783 года.

Регистратор Дмитрий Сергиевской.

Помета: «Получен октября 20-го дня 1783 года».

ЦГА РМ, ф. 3, оп. 1, д. 15, л. 8 — 9. Подлинник.

Поступила 20.02.2007 г.

УДК 947:355.322(044)=111

К. Вайт

NELSON AND USHAKOV

“I was honoured by Your Excellency’s kind and flattering letter of November 30th”, wrote Admiral Nelson of the Royal Navy to Admiral Ushakov of the Imperial Russian Navy on 12 December 1798, “and shall feel proud in cultivating your good and valuable friendship“. It was the beginning of a warm correspondence that was to last for almost a year.

Ushakoff had written to congratulate Nelson on his great victory over the French at the Battle of the Nile on 1 August 1798. Before that battle, the French had dominated the Mediterranean but, in one short summer’s night, Nelson and his captains — the famous ‘Band of Brothers’ — had completely changed the situation. Of the 13 French battleships that started the battle, only two managed to escape from the bay of Aboukir, on the north coast of Egypt, where Nelson had surprised them at anchor. It was one of the most decisive naval battles in the age of sail, and it transformed the strategic situation overnight. Now it was the French who were on the defensive, and Britain and her allies were able to roam freely and launch attacks wherever they pleased.

Chief among those allies was Russia — and the Russian fleet was vital to Nelson’s strategy. He needed those battleships to help him in the many operations in which he was involved in the western basin of the Mediterranean — notably, the recapture of Malta from the French and the defence of Naples, another ally. But Ushakov’s orders required him to operate in the eastern basin — notably in the recapture of the Ionian islands from the French. So the letters between the two admirals, although friendly on the surface, were

often quite tense! Even when congratulating Ushakov “most cordially” on the capture of Corfu in March 1799, Nelson could not resist adding a very strong hint that he hoped that his ally would bring his ships westwards and help in the attack on Malta — “it will be my pleasure to co-operate most cordially with you”, he said. Six months later, he was still trying to persuade Ushakoff to join with him, “I again take the opportunity of assuring Your Excellency that it is my wish and desire that we should co-operate and join most cordially together for the benefit of our common Cause and, as is my duty”. And, again, on 1 November: “My pride and my pleasure will ever be to act with you as a brother — to be open and sincere to you as we should be close to every one else. This is my duty, this is my inclination”. But in the end, apart from a brief collaboration in the defence of Naples, the two great admirals did not see action together.

This is regrettable for, in truth, the two men were very much alike. They were both skilled tacticians — indeed, the tactics Nelson had used at the Battle of the Nile were similar to those used by Ushakov at the Battle of Cape Kiliakra in 1791. They were both humane men, who took care of the health and welfare of their crews. Indeed, we now know that Nelson took great care of their *spiritual* welfare too — letters discovered recently have shown that, before every voyage, he wrote to the Society for the Promotion of Christian Knowledge (SPCK) in London asking for bibles and prayer books to be supplied for his men. “I know no reason why our men fight better for the supply of these books”, he told the Society’s Secretary, Rev George Gaskin, “but of this I am sure that [the crew of] a ship where divine service is performed regularly is by far more regular and decent in their conduct than where it is not”.

Above all, they were both men of strong religious faith: “This is a war of religion, justice and humanity against atheism, oppression and assassination”, wrote Nelson to Tsar Paul of Russia in early 1799. Nelson was the son of an English priest and he remained

a devout Christian throughout his life, saying his prayers every day. He wrote a number of very fine prayers of his own, some of which have survived. One in particular his great ally Ushakov would have appreciated. It was written on 14 September 1805, the day Nelson left England for what was to be the last time, leaving behind him his beloved mistress Emma Hamilton, and their 4-year old daughter, Horatia. It is a prayer that eloquently expresses the feelings of all fighting men as they go to face danger:

May the Great God, whom I adore, enable me to fulfil the expectations of my Country; and if it is His good pleasure that I should return, my thanks will never cease being offered to the throne of his mercy. If it is His good providence to cut short my days upon earth I bow with the greatest submission, relying that He will protect those so dear to me that I may leave behind. His will be done Amen, Amen, Amen.

In the end of course, Nelson did not return. At about 1.15 on the afternoon of 21 October 1805, at the height of his greatest battle, off Cape Trafalgar, he was struck down by a French musket ball, while walking on the deck of his flagship, the famous HMS *Victory*. He lived long enough to learn that he had won a great victory — indeed, the greatest victory in naval history — and then died with the words, “Thank God I have done my duty!” on his lips”.

His body was brought home and buried in St Paul’s Cathedral in the centre of London with elaborate ceremony. The Church of England does not create saints – but the British have elevated Nelson to *secular* sainthood. As the great Romantic poet, Lord Byron wrote, “Nelson is Britannia’s God of War” and he has continued to inspire his countrymen and countrywomen, throughout the 200 years since his death. At the height of the Second World War when Britain – allied once again with Russia — was fighting for her existence against a determined and cruel enemy, the great

British actor Sir Laurence Olivier made a very popular film about Nelson’s life. Prime Minister Winston Churchill loved the film so much that he purchased his own copy and showed it frequently — even on board a ship that took him across the Atlantic for a conference with US President Roosevelt.

Last year, 2005, the whole of Britain united to celebrate the 200th anniversary of the Battle of Trafalgar and Nelson’s death. One of the most spectacular events was a great International Fleet Review at Portsmouth, at which Her Majesty Queen Elizabeth inspected a huge fleet of over 150 ships from all over the world, assembled in honour of Nelson. Among them, were two representatives of his old Mediterranean ally – the massive and impressive, *Admiral Levchenko* and the beautiful sailing ship *Mir*.

Admiral Ushakov would have approved!

Поступила 10.10.2006 г.

УДК 947:355.322(044)

**ПИСЬМА Г. НЕЛЬСОНА
Ф. Ф. УШАКОВУ**

TO ADMIRAL OUSCHAKOFF

[Letter Book.]

Palermo, 25th September, 1799.

Dear Sir,

By my letters from England of August the 20th, I find that the Combined Fleets entered the Port of Brest on the 13th of that month, and the British Fleet arrived off that harbour the same

day. Being now, from these circumstances, left with the temporary command of the British Fleet in the Mediterranean, I am more at liberty to act from myself; therefore I again take the opportunity of assuring your Excellency that it is my wish and desire that we should cooperate and join most cordially together for the benefit of the common Cause, and, as is my duty, I shall be as open to you as our two Sovereigns are to each other. I shall rejoice most cordially when we can go against Malta; for I am satisfied it is not to be taken without more force against it. When the Cullodon and Minotaur return, I shall go to Minorca for a few days, to look at its Naval protection, and to endeavour to induce the Commanding General to lend us a few troops, mortars, stores, &c., against Malta, or Civita Vecchia. I beg my sincere regards to the Chevalier Italinsky, and that you will believe me ever your Excellency's obedient servant,

Bronte Nelson.

TO VICE-ADMIRAL OUSCHAKOFF

[Letter-Book.]

Palermo, November 1st, 1799.

My dear Admiral,

My pride and pleasure will ever be to act with you as a brother — be open and sincere to you as we should be close to every one else. This is my duty, this is my inclination; and if any person should attempt to disturb the harmony which ought to subsist between Officers of such faithful Allies as our Sovereigns, he should be exposed. But, thank God, that can

never happen to us, who have such a good man as Italinsky between us. Everything which my brave friend Troubridge has done, has been my orders. You have only to know him; and love, honour, and respect will follow, united with admiration for the qualities of his head and heart. Nothing which he has done in the Papal State, but what had the approbation of His Sicilian Majesty, perfectly, I believe, known to the Cardinal, and, as I thought, fully explained by me at Sir William Hamilton's, to my friend Italinsky; so much so, that I think I told him that I did not expect you would find Commodore Troubridge at Naples, but that he would be gone to join the Ships off Civita Vecchia — an object of the greatest importance, and on which I conceived the future happiness of Italy depended. Secrecy was everything, and Troubridge, under those orders, would not have been justified in revealing a tittle of them, especially as your Excellency had just left me. Success was beyond my most sanguine expectation. Had two hours been lost, Rome would have been in other hands than those of His Sicilian Majesty. It was an object so dear to me, that I begged Italinsky to urge it to you, as soon after your arrival at Naples as possible; for I did not expect such a happy event, on which I most cordially, and from my heart, rejoice with your Excellency. Let us go together to Malta. Let us unite all our means to place the Grand Master in La Valetta. Russia, England, and Naples, are pledged to do it; let it be our business to redeem that pledge; and ever believe me, with all the openness of heart, your Excellency's most faithful Brother-in-Arms,

Bronte Nelson.

TO HIS EXCELLENCY THEODORE OUCHAKOFF,
VICE-ADMIRAL OF THE RUSSIAN SQUADRON

[Letter-Book.]

Naples, 12th December, 1798.

Sir,

I was honoured by your Excellency's kind and flattering letter of November 30th, and shall feel proud in cultivating your good and valuable friendship. On my return here a few days ago from Leghorn, I learnt that an Officer from you and his Excellency the Turkish Admiral, had been here and followed me to Leghorn; but as I unluckily missed them on my route, I am deprived of acknowledging the receipt of the letter your Excellency was so good as to write me by that Officer.

I have not yet heard of the junction off Alexandria, of a Turkish and Russian Squadron, with my valuable friend Captain Hood, who I left to command the blockade. I hope soon to hear that all the French shipping in Alexandria are destroyed; as also the whole French army in Egypt. Malta is blockaded by a Squadron of three Sail of the Line, and four Frigates. Mortars and cannon are lately sent from this Arsenal, for the use of the Maltese, who are 15,000 men in arms against the town of La Valetta.

Gozo, some time past, surrendered to his Majesty's arms. I instantly directed the Flag of the King of the Two Sicilies to be hoisted, and the Island delivered into the hands of its legitimate Sovereign, and the same shall be done with Malta, where the Neapolitan Flag is flying, and under which the brave Maltese are fighting. I am just returned from putting his Sicilian Majesty's troops in possession of Leghorn, having left a Squadron to cruize on the northern Coast of Italy. I have the satisfaction also of acquainting your Excellency that the Island of Minorca is taken from the

Spaniards by an English Army and Squadron sent from Gibraltar; and I most fervently hope that Corfu will soon surrender to the efforts you are making against it, for believe me that the success of your Royal Master's arms, will be as happy to me as those of my good and gracious King. With every sentiment of respect, believe me,

Your Excellency's most obedient servant,

Nelson.

TO HIS EXCELLENCY THEODORE OUCHAKOFF,
VICE-ADMIRAL COMMANDING THE RUSSIAN FLEET
BEFORE CORFU

[Letter-Book.]

Vanguard, Palermo, 15th February, 1799.

Sir,

His Sicilian Majesty having sent letters, and a confidential person to talk to your Excellency and the Turkish Admiral on the present situation of affairs in this Country, and requesting that you will direct a part of your Fleet to come to Messina to assist in preserving this Kingdom from falling into the hands of the French, and as your Excellency will receive letters from your Minister on this very important subject, I shall only beg leave to point out to your Excellency the very great service you will render the common cause, and his Sicilian Majesty in particular, by sending as many Ships and troops as possible to Messina. I have at present in Egypt the following Ships — viz., Culloden, 74; Zealous, 74; Lion, 64; Tigre, 80; Theseus, 74; Swiftsure, 74; Seahorse, 38; Etna and Vesuvius Bombs; and blockading Malta, four Sail of the Line and four Frigates and Corvettes; and I hope, in a short time, to see

his Sicilian Majesty's Flag fly in the Town of La Valetta. I have also two Portuguese Ships of the Line at Messina, and two English Ships of the Line at Palermo. With every sentiment of respect, I have the honour to be, &c,

Nelson.

TO HIS EXCELLENCY THEODORE OUCHAKOFF,
VICE-ADMIRAL OF THE RUSSIAN FLEE, &c. &c

[Letter-Book.]

Palermo, 23rd March, 1799.

Sir,

Most cordially do I congratulate your Excellency on the capture of Corfu; and I can assure you that the glory of the arms of a faithful Ally, is equally dear to me as those of my own Sovereign. I have the greatest hopes that Malta will very soon surrender to the efforts making against it. The Flag of his Sicilian Majesty with that of Great Britain, is flying on all parts of the Island, except the Town of Valetta, the inhabitants of which have, with his Sicilian Majesty's consent, put themselves under the protection of Great Britain.

A Squadron sails to-morrow for the blockade of Naples, which will be continued with the greatest vigour, till the arrival of your Excellency, with your Royal Master's troops, who, I have no doubt, will replace his Sicilian Majesty on his throne. In doing this good deed, it will be my pleasure, to co-operate most cordially with you, and to assure you in person how much I feel myself your Excellency's most obedient and faithful servant,

Nelson.

TO VICE-ADMIRAL OUSCHAKOFF,
COMMANDING THE RUSSIAN SQUADRON

[From a Copy in the Admiralty.]

Palermo, 18th August, 1799.

Sir,

I enclose your Excellency the copy of a letter from the Right Honourable Lord Keith, the Commander-in-Chief of his Majesty's Fleet in the Mediterranean, respecting the restoration of the Leander, taken by the Squadron under your Excellency's command at Corfu, which mentions a copy of an order from the Admiralty of England to be enclosed, but which was not sent up to me. I must, therefore, beg leave to apologize to your Excellency for not being able to present you with a copy of it. I presume the Courts of Petersburg and London have decided the matter respecting the restoration of the Leander, otherwise the Admiralty would not have sent such order to the Commander-in-Chief, and appointed Officers to that Ship. Captain Drammond, who is appointed to the command of the Leander for the present, will wait upon your Excellency with this letter, and I have to request you will be pleased to give directions to the Officer commanding at Corfu to give Captain Drummond what assistance he may want in fitting out the said Ship, and also to assist him with seamen to proceed with her to Mahon.

I beg leave to congratulate you on your happy arrival at Messina, and have the honour to be your Excellency's

Most obedient and faithful servant,

Nelson.

УДК 355.484Ушаков

А. В. Буганов

ВОИНЫ-ПОДВИЖНИКИ В РУССКОМ НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

В массовом народном сознании всегда высоко ценились военные герои и полководцы, добывавшие славу России и проявлявшие боевые и героические качества русских людей. В военных противостояниях ярко проступали и весомо ценились черты личности, выражавшие народный дух. Бескорыстное служение своему народу, высочайший жертвенный патриотизм поднимали личность на уровень святости. Многие великие персонажи русской истории не были церковными фигурами, однако их мирской подвиг во спасение своего народа от иноплеменного порабощения, порой тяжкие муки на этом пути и преждевременная смерть воспринимались современниками и потомками как святое деяние. Подвиги русского воинства освящались как господствующей Церковью, так и народным сознанием.

Со времен Киевской Руси идеализированный тип народного героя являли собой былинные богатыри. Героические сказания повествовали о делах всего народа, олицетворяя его в отдельных богатырях, при этом этническое начало тесно сливалось с конфессиональным. Бранные подвиги Ильи Муромца проникнуты идеей православного служения; его богатырство было формой церковного послушания. Отправляясь в Киев, он строит часовню, служит обедню, ставит свечу за покровительство в пути.

В народных преданиях Илья Муромец сохранился в образе богатыря — святого угодника, почившего в киевских

пещерах. В некоторых былинах он заканчивает жизнь в монастыре. По былинной версии, Илья заезжает в пещеру и там каменеет (или строит Печерскую церковь на деньги подземного клада и в ней каменеет)¹.

Превращение богатырей в камни, скрытие их в каменных горах — один из распространенных мотивов не только русского, но и всего мирового фольклора. По смыслу легенды, богатыри временно уходят из жизни людей, превращаясь в камни, скалы или горы, чтобы вернуться к подвигам, когда возникнет необходимость. На основе этого легендарного мотива в поэмах известной сказительницы М. С. Крюковой, сложенных во время Великой Отечественной войны, ожившие богатыри, возглавленные Ильей Муромцем, помогают советской армии отвоевать Киев. Не случайно в народной памяти богатыри всегда были славными «оберегателями» и «стоятелями» Земли русской.

Буквально с первых лет христианства начинается почитание святых князей. У истоков русской государственности в слове «князь» воплотилось представление о политическом лидере племени, народа. Князья были призваны владеть и управлять, быть заступниками христианства и Руси от внешних врагов. В их подвигах ценились и личная праведность, и служение народу. Они защищали родную землю. Богоугодность князя заключалась в самоотверженной, подчас жертвенной любви к народу. В житиях святых — воителей за русскую землю — такая готовность отдать свою жизнь за других была постоянной и едва ли не главной темой.

Удачливые в битвах русские князья быстро становились почитаемыми в народе; церковная канонизация следовала, как правило, позднее (типичное явление для христианских стран: признание снизу обычно предшествовало официальному). На Руси, если князь не потерпел неудачи в

выполнении своей миссии, весьма вероятно было его прославление в лике святых — хотя бы потому, что положение князя призывало его к великим деяниям, а часто и к великому самопожертвованию. Из 180 первых русских святых 60 были князьями. Почитание князей особенно усилилось во времена ордынского нашествия.

Одним из самых чтимых в России стал образ народного заступника, святого благоверного князя Александра Невского. Не случайно из всех святых князей Древней Руси император Петр I наиболее выделял именно Александра, который в народном сознании стал символом Божьей помощи в борьбе с иноземными врагами. Сохранилось также немало свидетельств глубокого почитания императором Александром I своего небесного покровителя; даже находясь за пределами родины, государь всегда торжественно отмечал день этого святого.

Многие русские люди постоянно обращались к образу Александра Невского, особенно когда нависала угроза существованию нации. В конце XIX в. крестьяне вспоминали о его битве на Чудском озере: «...На него [Александра Невского] начала нападать чужь*. Александр с патриархом три дня молились Богу и после того пришли к морю; все море было покрыто чужью, вдруг святые Борис и Глеб явились и стали побивать нехристей, и побили всю неверную силу»².

В этом предании, основой которого послужило «Житие Александра Невского» (популярное чтение среди грамотных русских людей не только XIII в., но и в последующие

* Текст предания любопытен и тем, что на воспоминания о деяниях князя Александра наложились легенды о летописной чуди, связанной в народной памяти с иноземными врагами более позднего времени.

века), в роли небесных покровителей и защитников земли Русской от внешних врагов выступали святые князья Борис и Глеб. По мысли создателей «Жития...», святые братья помогли новгородскому князю одолеть на Неве шведов. Одному из сподвижников Александра, Пелгусию, они явились в ночь перед битвой посреди русских гребцов, одетых мглюю. Братья стояли рядом, положив руки на плечи друг друга.

Борис и Глеб стали первыми святыми, канонизированными Русской православной церковью. История их канонизации имеет самое непосредственное отношение к формированию в народе православного взгляда на мир. Они были коварно убиты по приказу своего брата Святополка, добивавшегося престола в Киеве (впрочем, обстоятельства их смерти окончательно не установлены, и мы располагаем, возможно, лишь культурным мифом, сложившимся позднее). Пав жертвой политического преступления, Борис и Глеб не стали мучениками за веру; но отказавшись от сопротивления, братья как бы последовали образу Христа, его искупительной жертвы. По словам жизнеописателей, Борис укреплял себя мыслью о том, что Бог не оставит его, что праведники живут вечно, ведь в заповеди Христа говорится о том, что пожертвовавший своей душой ради его учения обретет и сохранит душу в вечной жизни.

Тем самым в народное сознание была заложена идея непротивления злу, которая стала «национальным русским подвигом... подлинным религиозным открытием новокрещеного русского народа»³. С именами Бориса и Глеба связано становление очень популярного в православной традиции чина *страстотерпцев*. Таким образом, Русь еще до ордынского ига, в своем восточнославянском единстве, уже знала мужество непротивления.

Народное почитание святых князей опередило церковную канонизацию, последовавшую в конце XI в. Это еще раз доказало, что в историческом плане Борис и Глеб были, прежде всего, избранныками русского народа, а не ставленниками княжеской партии.

Вскоре образы святых братьев получили дальнейшее и, на первый взгляд, нелогичное развитие: из святых непротивленцев они преобразились в небесных покровителей земли Русской, защищавших от внешних врагов. Г. Федотов объясняет этот феномен в духе «основной парадоксии христианства» — «крест, символ всех страстотерпцев, из орудия позорной смерти становится знаменем победы»⁴. Память о небесных покровителях Борисе и Глебе сохранялась во многих преданиях, повествовавших о борьбе с иноземными завоевателями.

Невиданным ранее подъемом самосознания великорусского народа ознаменовалось княжение Дмитрия Донского. Князь Дмитрий поставил себя на службу освободительным устремлениям русских людей. Благословение Сергия Радонежского, подвиг иноков обители Святой Троицы Александра Пересвета и Андрея Осяби, полководческий талант Дмитрия Донского — эти сюжеты нераздельно слились в народной памяти. В мироощущении современников Куликовской битвы и их потомков прочно утвердилось представление о необходимости церковного благословения в военном деле и убеждение в святости воинского подвига. Воин (Дмитрий Донской) нуждался в монахе как в духовнике. В таинстве он приобщался благодати, очищал душу и совесть, проверял праведность своего служения. Монах (Сергий Радонежский) через воина приобщался к бремени и страданию мира. Он становился как бы ангелом-хранителем благословленного им воина.

Куликовская битва дала мощный импульс становлению русского общества. Мотив защиты своей Отчизны, редкий в памятниках XIII в., получил широкое распространение в следующем столетии. Этой княжеской обязанности ранее не придавалось самодовлеющего значения; защита «отчины» упоминалась после главных христианских добродетелей и только в неразрывной связи с ними, как часть княжеского служения Богу. В житии великого князя Дмитрия Ивановича его «отчиной» названа уже вся Русская земля⁵. Еще более заметной мыслью о единстве русских земель становится в летописях первой половины XV в., постепенно начинает входить в употребление слово *Отечество* как обозначение всей Руси.

Историческая память Нового и Новейшего времени опиралась на героическую традицию Средневековья, сущностной чертой которого являлось представление о служении. Яркие личностные качества (а уж воинов особенно) проявлялись на «государевой» службе. В историческом фольклоре XVII — XVIII столетий все чаще на первый план выходят отличившиеся в походах и сражениях военачальники. Современникам Смуты и их потомкам остались памятны яркие исторические деятели той поры: Козьма Минин, Д. М. Пожарский, Прокопий Ляпунов, М. В. Скопин-Шуйский.

Козьма Минин, правда, не был полководцем, и вообще военным человеком, но в нашем сознании он навсегда остался патриотом, мирским подвижником, организатором нижегородского ополчения:

Ох вы гой еси товарищи, нижегородские купцы!
Оставляйте вы свои дома,
Покидайте ваших жен и детей,

Вы продайте все ваше злато-серебро.
 Накупите себе вострых копьев,
 Вострых копьев, булатных ножей.
 Пойдем-ка мы сражаться
 За матушку за родную землю⁶.

Имя Минина жило в народной памяти и в дальнейшем. Во время Отечественной войны 1812 г. его образ, несомненно, способствовал формированию «жертвенного» сознания. Очевидна и обратная связь — в обстановке патриотического подъема и добровольных пожертвований в 1812 г. личность Минина становилась для крестьян еще более известной и привлекательной. В 1899 г. корреспондент Этнографического бюро сообщал из Гжатского уезда Смоленской губернии: «Слава Минина и вообще вся сцена с пожертвованием (денег на ополчение. — А. Б.) ... трогают простолюдинов и вызывают в них чувство патриотизма. Народу приятно читать про лиц, приносивших себя в жертву России»⁷.

Князь Пожарский предстал в народной памяти не только как спаситель Отечества (трактовка традиционна и для популярной официальной литературы XIX в., и для крестьянского фольклора), но и как избранник простого люда: удалого молодого воеводу Пожарского выбрали себе солдаты. Перед штурмом Москвы он вместе с ними молился на святые Спасские ворота и на пречистый образ Спасителя.

В некоторых вариантах исторических песен Дмитрий Пожарский — вопреки историческим фактам — был даже избран царем⁸. Действительно, на состоявшемся в начале 1613 г. земском соборе в числе возможных претендентов на престол назывался князь Пожарский, но выборы закончились, как известно, воцарением Михаила Романова. В песне Пожарский отказывается от престола в его пользу:

Как и возговорит к боярам Пожарский князь:
 Ох вы гои еси, бояры, воеводы московски!..
 Уж вы выберите себе в православные цари
 Из славного, из богатого дома Романова —
 Михаила, сына Федоровича.
 И выбрали себе в цари Михаила, сына Федоровича⁹.

Столь своеобразное преломление воспоминаний о борьбе различных кандидатур на русский престол говорит не только об отношении к спасителю Руси князю Пожарскому, но и выявляет народные воззрения на то, каким должен быть православный царь.

Не был обойден вниманием в исторических песнях и воевода князь Михаил Скопин-Шуйский. Решающую роль в героизации образа Скопина сыграли его победы над поляками и войсками Лжедмитрия II. В песнях он — защитник православных и патриот земли Русской. Немаловажным для признания Скопина таковым стало получение им благословения от преподобного Иринарха Ростовского.

После создания регулярной армии в начале XVIII столетия к выдающимся полководцам от царя постепенно переходит дело защиты Отечества. С именем фельдмаршала Б. П. Шереметева, «царева большого боярина, генерала и кавалера», народное сознание связывало первые победы над шведами: освобождение Орешка, битву при Красной мызе и другие успехи в Северной войне. По народным представлениям, рука Божья была рядом с фельдмаршалом. Предание повествует, что когда Петр I решил дать шведам генеральное сражение под Полтавой, то назначил его на 26 июня, в день празднования явления чудотворной иконы Тихвинской Божьей Матери. Шереметев, который особо почитал эту Богородичную

икону, упросил государя отсрочить битву на один день. Петр согласился. Вместе со своим воинством государь и фельдмаршал молились перед образом Богоматери. Тогда же графом был дан обет, в случае его победы, основать невдалеке, в Борисовке, иноческую девическую обитель в честь чудотворной Тихвинской иконы. Сразу после победы фельдмаршал вместе с Петром I выбрали место для устройства обители, в ближайшие годы попечениями Шереметева она была выстроена и получила наименование Борисовской-Тихвинской¹⁰.

В песнях о Прусской войне атаман И. М. Краснощев, переодевшись купцом, даже посещает прусского короля в его собственной резиденции (впоследствии этот подвиг героя казаков был приписан другому казачьему атаману — М. И. Платову, отправившемуся в Париж, к «самому французу»). В последующие десятилетия победная традиция в песнях опиралась на образы П. А. Румянцева, Э. Г. Чернышева и других полководцев. Преемственность исторической памяти проявилась в том, что спустя почти два столетия, перед капитуляцией фашистской Германии весной 1945 г., когда Захар Чернышев принял ключи от Берлина, среди советских офицеров различных рангов велись разговоры о событиях 1760 г.

Для возведения того или иного лица в ранг народного героя совсем не обязательным являлось «простое» происхождение. В память о Куликовской битве вошли Александр Пересвет, бывший боярин брянский, и Андрей Ослябя, бывший боярин любецкий. Когда-то они отличались в воинском ремесле, даже прослыли богатырями, но потом ушли из мира в Святотроицкую обитель под покровительство Сергия Радонежского. Само их присутствие в войске и, конечно, воинский подвиг создали уверенность у ратни-

ков, что эта битва — святая, что умершие в ней ради спасения родины попадут в рай.

Военачальники-бояре, если выступали вместе с народом против внешнего врага, представляли в фольклоре искренними патриотами. Таковы были, например, Семен Пожарский, отказавшийся изменить Родине и погибший в татарском плену, боярин-воевода Карамышев в песнях об осадах Пскова и Волоколамска. Боярин Никита Романович (дед царя Михаила) выступал иногда как казачий есаул, сподвижник Ермака и Степана Разина, именовался «старым казаком» и противопоставлялся Малюте Скуратову. Чернышев в одной из песен называется «донским казаком», «племянником Стеньки Разина» и т. д.

По глубокому народному убеждению, для успеха любого начинания, в том числе военного, необходимо было снискать Божью помощь. Естественно, что русские — сначала солдаты, а затем, по их рассказам, и крестьяне — знали о невозможности своих героев, ценили ее.

Воин-флотоводец Федор Ушаков (с его прославлением в 2000 г. в лике святых российский флот обрел своего небесного покровителя) был глубоко верующим. Сохранились свидетельства о его жизни в Севастополе, когда по окончании войны с Турцией в 1791 г. он начальствовал над портом и городом: «Каждый день слушал заутреню, обедню, вечерню и перед молитвами никогда не занимался рассматриванием дел военно-судных; а произнося приговор, щадил мужа, отца семейства многочисленного; и был исполненный доброты необыкновенной»¹¹. Во время знаменитой Средиземноморской кампании вице-адмирал показал себя не только как храбрый флотоводец и мудрый государственный деятель, но и как милосердный христианин и благодетель освобожденных им народов. Ушаков и его

подчиненные доказали, что истинная храбрость всегда сопряжена с человеколюбием, что победа венчается великодушием, а не жестокостью, и что звания воина и христианина должны быть неразлучны¹². Органическое восприятие основ христианского мировоззрения дополнялось сформировавшимся в Новое время правосознанием, признавшим принцип: не делать врагу больше зла, чем того требуют цели войны.

Крупнейшие полководцы прошлого считались у русских выразителями воли Божьей. Самый выдающийся русский полководец А. В. Суворов, по мнению народа, был богатырем, знал «Планиду небесную» и потому всегда побеждал врагов¹³. В конце XIX в. один из жителей Дмитровского уезда Московской губернии убеждал односельчан: «Ни было и ни будить таких вояк, как Суворов. Да видь ему Божья сила помогла. Ен, как идти на войну, станить служить молебен и сичас же видить, кому быть живому и кому убитаму. Тех, кого на войне побьют, он видит с венцами на голове»¹⁴.

Всем современникам Суворова было известно, что он начинал и завершал сражение молитвой. Каждую победу он приписывал Подателю всех благ, исполнял религиозные обряды, в церкви пел с певчими на клиросе. Полководец даже составил молитвенник и короткий катехизис. Когда командовал Суздальским полком, квартировавшим в Новой Ладоге, построил храм для полка. До наших дней сохранились два его походных иконостаса. Один из них теперь хранится в Суворовском музее; другой, до 1903 г. сберегавшийся в Варшавском дворцовом управлении, теперь передан Суворовскому кадетскому корпусу.

Солдаты приписывали своему полководцу не только благочестие, но и традиционные для народных воззрений

свойства колдуна¹⁵. По убеждению его воинов, «ни одна пуля не могла сразить Суворова, ни одно оружие не могло коснуться его тела»¹⁶ (при этом как бы забывалось о тех ранах, которые Суворов получил в битвах с турками).

В песнях суворовского цикла очень сжато изображались военные события, в центре внимания оказывалась личность полководца. При этом деятельность героя, практически все свои кампании прошедшего за пределами России (с Турцией — 1787 — 1791 гг., с Наполеоном — 1799 г.), в соответствии с логикой народного мышления расширялась до общенациональных масштабов. Причину следует искать, вероятно, в том, что наши многочисленные войны с турками, хотя и диктовались всецело государственными интересами России выйти к берегу южного моря, в глазах народных масс были борьбой с мусульманами за православную Россию, т. е. носили явный религиозный отпечаток. Именно сочетание в «избраннике Божиим» Суворове непревзойденного воинского умения с органически присущей ему демократичностью создало в народном представлении ярчайший образ национального героя-полководца.

Избранниками Божьими считались и М. И. Кутузов, самый популярный после Суворова русский полководец, и «белый генерал» Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. М. Д. Скобелев. Как и его славные предшественники, Скобелев, с точки зрения крестьян, неизменно выходил победителем в сражениях. Если речь все же заходила о неудачах, говорили, что Скобелева не было при этом.

В толковании побед военачальников Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. конфессиональные мотивы присутствуют реже — сказались десятилетия коммунистической власти. На первый план вышел, существенно потеснив конфессиональный, патриотический

фактор. Тем не менее в последние годы все больше становятся известными факты религиозности видных советских полководцев. Есть свидетельства о том, что маршал А. М. Василевский, сын протоиерея, которому революция не дала окончить семинарию, тайно приезжал в Троице-Сергиеву лавру и причащался Святых Христовых Тайн. Г. К. Жуков, будучи еще командиром полка, примерно в 1925 г. посетил последнего оптинского старца Нектария. Передают, что, как некогда преподобный Сергей благословил великого князя Дмитрия Донского, так старец Нектарий, ныне прославленный в лике святых, напутствовал Жукова: «Ты будешь сильным полководцем. Учись. Твоя учеба даром не пройдет»¹⁷.

В некоторых местностях вспоминали об уважении Георгия Константиновича к чувствам верующих (и неудивительно — ведь Жуков был крещен, учился в приходской школе, получил воспитание в верующей семье, как личность и воин сложился в царской армии, был удостоен георгиевских крестов). В начале Великой Отечественной войны Жуков прислал в деревню под Нарофоминском машину со священником, чтобы крестить всех детей. В послевоенной Белоруссии один священник пожаловался в письме Жукову, что фашисты увезли колокола из его храма. Через некоторое время по приказу маршала в церковь доставили три колокола и взвод солдат для их установки. Колокола висят там по сей день, а прихожане хранят письмо маршала¹⁸. В Киеве есть чудотворная Гербовецкая икона Божьей Матери, которую маршал Жуков отбил у фашистов. Среди православного духовенства и многих прихожан до сих пор сохраняется убеждение, что Жуков всю войну возил с собой в машине Казанскую икону Божьей Матери — самый «боевой и военный» образ.

Праведные образы русских воителей никогда не забывались в народе. В их личностях получал свое воплощение православный идеал воина. Воспоминания о славных подвигах укрепляли убеждение в непобедимости России, ее государственного величия, поднимали самооценку народа, способствовали росту позитивной идентичности.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Новичкова Т. А. Эпос и миф / Т. А. Новичкова. СПб., 2001. С. 14.
- ² Рус. этногр. музей, ф. 7, оп. 1, д. 345, л. 23 об. Далее: РЭМ.
- ³ Федотов Г. Святые Древней Руси / Г. Федотов. М., 1990. С. 49.
- ⁴ Там же. С. 51.
- ⁵ См.: Кром М. М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России / М. М. Кромм // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI — XX вв.). М., 1994. С. 18.
- ⁶ См.: Материалы для истории города Боровска и его уезда. Боровск, 1913. Т. 1. С. 77.
- ⁷ РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1558, л. 2.
- ⁸ См.: Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века / П. В. Лукин. М., 2000. С. 118.
- ⁹ См.: Материалы для истории города Боровска... С. 77.
- ¹⁰ См.: Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Введенская Оптина пустынь, 1996, сентябрь. С. 363 — 365.
- ¹¹ См.: Святой праведный воин Феодор (Ф. Ф. Ушаков, адмирал флота Российского). Житие. Служба. Киев, 2001. С. 32.
- ¹² Там же. С. 36.
- ¹³ РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1576, л. 17.
- ¹⁴ Там же, д. 1046, л. 9—9 об.
- ¹⁵ См.: Петрушевский А. Т. Генералиссимус князь Суворов / А. Т. Петрушевский. СПб., 1884. Т. 3. С. 301; Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) / Ю. М. Лотман. СПб., 2002. С. 269 — 286.

¹⁶ См.: Елисеев А. В. Народные предания о Суворове / А. В. Елисеев // Древняя и новая Россия. 1879. № 8. С. 340.

¹⁷ Жукова М. Маршал Жуков. Сокровенная жизнь души / М. Жукова. М., 1999. С. 40 — 41.

¹⁸ Там же. С. 34.

Поступила 21.09.2006 г.

УДК 355.484Ушаков

О. Е. Ивицкая

ВОЗВРАЩЕНИЕ АДМИРАЛА (Святой Феодор Ушаков и Севастополь. XXI век)

Прошли столетия, и чудесным образом, который возможен только в церкви и через церковь, праведный Феодор-воин, Федор Федорович Ушаков, великий адмирал Российского флота, возвращается в Севастополь, и не символически, а реально — частицей своего прославленного тела, мощами своими. Это значит, что с этой частицей будут присутствовать здесь, на черноморском рубеже, его дух, его победа, его сила...

*Митрополит Смоленский
и Калининградский Кирилл*

23 февраля 2002 г. в Севастополь была доставлена икона с частицей мощей святого праведного воина Феодора — черноморского адмирала Ф. Ф. Ушакова.

В этот день в России отмечается День защитника Отечества. Программа торжеств предусматривала активное уча-

стие моряков-черноморцев. Праздничный молебен у штаба Черноморского флота стал началом всех мероприятий. После прохода торжественным маршем почетного караула и оркестра штаба флота перед иконой святого праведного воина Феодора (Ушакова) начался крестный ход с мощами к Владимирскому собору — усыпальнице адмиралов — героев Крымской войны. По окончании молебна митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл передал митрополиту Симферопольскому и Крымскому Лазарю икону с мощами святого праведного воина Феодора (Ушакова). Выступая в завершение торжеств, он особо отметил, что акт возвращения святого в Севастополь — это акт единства духа и помыслов всех, кто населяет православную Русь.

Интересно, что еще до этих официальных торжеств мощи святого праведного воина Феодора (Ушакова) Божьим промыслом появились в двух храмах города. Оба храма непосредственно связаны своей историей с Черноморским флотом. Один из них — храм Святого Николая на Братском кладбище Севастополя, построенный как храм-памятник на кладбище героев первой обороны города 1854 — 1855 гг. Настоятель Свято-Никольского храма отец Георгий (Поляков) долгие годы окормлял черноморцев, по сути являясь единственным священником, продолжившим историческую традицию военного духовенства России. Он неоднократно участвовал в дальних боевых походах флота. Отец Георгий входил в состав делегации, которая присутствовала на торжествах, посвященных прославлению адмирала Ушакова в Санаксарском монастыре.

Немного позднее частица мощей святого праведного воина Феодора (Ушакова) появилась во Владимирском соборе — усыпальнице адмиралов. По просьбе Севастопольского благочиния частицу мощей привез из Санаксарского монастыря

один из монахов. Нижний храм этого собора был освящен в честь святителя и чудотворца Николая 5 октября 1881 г. В нем захоронены адмиралы М. П. Лазарев, В. А. Корнилов, П. С. Нахимов и В. И. Истомина. Над могилами установлен общий крест из черного мрамора. В июле 1998 г. у основания креста была положена шкатулка с землей с места захоронения адмирала Ф. Ф. Ушакова, переданная делегацией Правительства Республики Мордовия. По благословению епископа Саранского и Мордовского Варсонофия такая же шкатулка была передана на вечное хранение и в музей Черноморского флота (г. Севастополь).

После канонизации адмирала Ушакова в экспозиции музея появился уникальный комплекс. Он включает в себя Андреевский флаг, который поднимался во время торжеств в августе 2001 г. в Санаксарском монастыре, фотографии тех событий, а также «Житие святого праведного воина Феодора». Позднее в музее появилась икона святого праведного Феодора (Ушакова), адмирала флота Российского, — дар монаха Космодамианского монастыря Александра Еремина.

Так в начале XXI в. состоялось возвращение адмирала в Севастополь и на Черноморский флот. Вскоре в Севастополе была зарегистрирована община, по инициативе которой в марте 2002 г. в районе проспекта Победы состоялась закладка храма во имя святого праведного воина Феодора (Ушакова). Первоначальный проект претерпел ряд положительных изменений. Теперь здесь планируется построить храмовый комплекс, который включает в себя пятикупольный храм во имя святого праведного воина Феодора (Ушакова) и часовню во имя святого благоверного князя Александра Невского. Здание храма планируется сделать в двух уровнях (верхний, основной, храм и нижний). В нижней части будут находиться крестильная, притвор и помещения нижнего храма. Рядом во

дворе планируется разместить хозяйственные постройки. Из церковной лавки по лестничному маршу можно будет пройти в библиотеку, в топчанную храма и на колокольню. Общая площадь храма — 590 м². Автор проекта — севастопольский архитектор Эдуард Казбекович Хубулов, прихожанин Владимирского собора. Сейчас уже заканчиваются отделочные работы часовни. Ежедневно в четверг в ней проводится водосвятный молебен и читается акафист святому Феодору (Ушакову). Священники Покровского собора г. Севастополя проводят там службы в дни памяти святого. Староста общины севастопольский предприниматель Александр Львович Гейхман ведет строительство часовни на свои средства. Однако строительство всего храмового комплекса потребует гораздо больших вложений. Возможно, в этом благом деле уместным было бы и участие россиян, в частности жителей Мордовии.

Необходимо отметить, что стало доброй традицией в дни памяти святого Феодора (Ушакова) проводить молебны в штабе Черноморского флота у иконы святого. История написания ее такова. В торжествах по прославлению Ф. Ф. Ушакова в 2001 г. принимал участие в то время командующий флотом адмирал В. Комоедов. После этого он в беседе с отцом Георгием высказал мысль о необходимости иметь икону святого в штабе Черноморского флота, причем командующий выразил желание пожертвовать для этого собственные средства. К концу ноября 2001 г. симферопольский художник-иконописец Юрий Пифтанкин закончил работу над иконой. Образ святого праведного воина Феодора был написан на фоне севастопольской бухты и стоящих в ней парусных кораблей времен боевой славы адмирала Ушакова.

В последние годы в Севастополе был создан ряд литературных и музыкальных произведений, посвященных святому

праведному воину Феодору. Капитан 2-го ранга в отставке Николай Бурцев в своей поэме написал: «Светлейший лик его иконы благословляет моряков».

К стихам «Посвящение адмиралу Ф. Ушакову» Светланы Кустовой Александром Соенко-Добровым была написана музыка. Впервые это произведение прозвучало 19 мая 2006 г. со сцены Дома офицеров Черноморского флота в исполнении хора Покровского собора (регент — Лидия Кустова). Проникновенные строки этого произведения не могли оставить равнодушными никого из сидящих в зале:

Коль славен наш Российский флот,
Тобою утвержденный,
Так укрепи его в час сей
Молитвою смиренной.

Этот концерт под названием «С верою победившие» проводился в день рождения царя-мученика Николая II и был посвящен прославленным черноморским адмиралам, сражавшимся с врагами за Веру, Царя и Отечество. В организации концерта приняло активное участие Севастопольское региональное отделение Центра духовно-патриотического служения Отечеству имени святого праведного воина адмирала флота Российского Феодора Ушакова (председатель — Кирилл Анатольевич Салмаш). Созданное более полугодом назад, отделение активно начало работу. Проводились Рождественский фестиваль для севастопольских детей и несколько тематических вечеров, организовывались летние трудовые лагеря и военно-патриотический лагерь для подростков. Севастопольское региональное отделение активно сотрудничает с Черноморским флотом. На флоте создана комиссия по религиозным делам военнослужащих

(председатель — контр-адмирал, помощник командующего Черноморским флотом Евгений Георгиевич Халайчев, сопредседатель — священник отец Александр). Во время бесед с личным составом они подчеркивают, что у Черноморского флота теперь есть свой небесный покровитель — святой праведный воин Феодор (Ушаков), адмирал Российского флота, чья личная праведность и ревность общественного служения являются уникальным образцом для современного поколения моряков. Сегодня мы с радостью подтверждаем: адмирал Ф. Ф. Ушаков вновь в строю черноморцев. Святой непобедимый воин ведет их за собой в трудные дни, напутствуя: «Не отчаивайтесь. Сии грозные бури обратятся к славе России».

Поступила 19.10.2006 г.

УДК 947:303.82-057.4

Ю. Н. Смирнов

РОЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ВОСТОЧНЫХ ОКРАИН РОССИИ ВТОРОЙ ТРЕТИ XVIII в. В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНЫХ ОСНОВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ И ГЕОПОЛИТИКИ

Превращение России в великую морскую державу, а только такой мог понадобиться и только в такой мог родиться великий флотоводец, подобный Ф. Ф. Ушакову, не объясняется только военными, внешнеполитическими и торгово-экономическими реалиями последней трети XVIII в.

в границах черноморско-средиземноморского и балтийского пространства. Во-первых, за этими реалиями стояли события русской истории предшествующей трети XVIII столетия. Во-вторых, расширявшаяся Россия, омываемая водами трех из четырех океанов мира, не имела права забывать обо всех своих рубежах и могла сосредоточить силы на решении той или иной внешней проблемы, например в отношениях с западными соседями, только имея твердые позиции на других направлениях, территориях и морях. В-третьих, для мореплавания нового времени важнейшим становится наряду с прочими фактор развития в стране науки и культуры. Таким образом, поистине великие открытия русских на Ледовитом и Тихом океанах, укрепление позиций Российской империи на рубежах Средней Азии, Монголии и Китая от Каспия до Амура, научное обоснование и осмысление этих процессов в 1730 — 60-е гг., несомненно, следует отнести к числу предпосылок подъема русского флота и военно-морского дела в конце XVIII — начале XIX в.

В России XVIII в. стал временем превращения накопленных знаний по самым разным отраслям в науку. Наряду с классическими академическими дисциплинами, такими как история, география, экономика и др., рождались новые интегрированные дисциплины, направленные преимущественно на практические нужды, в том числе те, что позднее в современной терминологии получили названия «регионоведение» и «геополитика». Научными основами данных отраслей знания стали труды первых российских историков, статистиков и географов.

В этом процессе приняли участие не только профессиональные ученые, связанные с открытой в 1725 г. Академией наук, но и исследователи, находившиеся на иной гражданской и военной службе. Часто они не обладали специальной

подготовкой в сфере научного знания, которое не стало для них основным родом занятий, хотя судьба не обделила их талантами и трудолюбием. Труднее всего приходилось тем исследователям, которые оказывались вдали от столичных городов, больших библиотек, научных контактов, издательств. Большой удачей для пытливых умов в русской провинции становилась поддержка столичных коллег.

Наиболее полно, что совершенно заслуженно, освещен вклад в организацию научных исследований XVIII в. *Михаила Васильевича Ломоносова (1711 — 1765)*, поэтому мы не будем останавливаться на данном вопросе.

Следует обратить внимание на еще одну яркую, но менее известную страницу в истории становления научного изучения как российских регионов, так и места России в окружающем мире, какой явились труды академика *Герарда Фридриха Миллера (1705 — 1783)* и его тесные контакты с другими выдающимися исследователями восточных окраин России. Выходец из Германии, весь свой талант и силы он отдал складыванию научных знаний в России и о России, ставшей для него, как и для многих его соотечественников и современников, новой родиной. В 1747 г., отмежевываясь от некоторых коллег-иностранцев, которые бросали русскую службу и тайком вывозили из России ценные научные материалы, чтобы на них строить свои благополучие и карьеру в университетских и академических центрах Западной Европы, Миллер принял российское подданство. В России его многие знали под именем Федора Ивановича. Свою немецкую фамилию он также переименовал под звучание, оказавшееся более привычным для россиян, и даже, подписываясь по-немецки, заменил в ней неизвестный в русском языке звук (Müller) понятным всем окружающим (Miller). Автобиографию,

написанную за восемь лет до смерти, Миллер закончил такими словами: «Итак, служу я Российскому государству пятьдесят лет (с 1725 г. — Ю. С.) и имею то удовольствие, что труды мои от знающих людей несколько похваляемы были. Сие побуждает во мне желание, чтобы с таким же успехом и с общенародною пользою продолжать службу мою до последнего часа моей жизни, чувствуя себя к тому Божиим милосердием еще в нарочитых силах»¹.

Можно говорить о многих заслугах ученого перед нашей страной. Миллер стал одним из первых сотрудников Петербургской академии наук, являлся основателем научной и научно-популярной журналистики в России, был в числе создателей русской картографии, археографии и научного архивоведения. Он получил известность не только благодаря собственным историческим, географическим и этнографическим исследованиям, которые навсегда останутся классикой мировой науки, несмотря на критическое восприятие ряда их положений коллегами и последующими поколениями ученых, что вполне естественно в развитии человеческого знания.

Огромен вклад Миллера в пропаганду, популяризацию и обобщение достижений тех деятелей российской науки, своих современников и предшественников, чьим трудам могли грозить забвение и недооценка. Так, именно он сделал достоянием научной общественности всей Европы великие географические открытия русских землепроходцев XVII в. и мореплавателей XVIII столетия. Самый известный пример — обнаруженные Миллером в 1736 г. в Якутске документы о плавании Семена Дежнева (1648), первого европейца, прошедшего проливом между Азией и Америкой, о чем в 1742 г. появилось сообщение в печати².

Из заслуг Миллера перед русской наукой следует особо выделить его роль в становлении научного изучения российских регионов, которую он сыграл благодаря своим трудам, а также являясь одним из ведущих организаторов исследовательской и публикаторской деятельности Петербургской академии наук. С полным правом его можно считать родоначальником российского регионоведения и краеведения как комплексных дисциплин, охватывающих научные исследования географии и природных богатств, статистики и экономики, истории и этнографии отдельных территорий. Существенна его роль в разработке и реализации геополитических проектов.

Вклад ученых Академии наук в развитие и популяризацию научных работ, проводившихся вдали от столиц, нагляднее всего можно показать на примере переписки академика Миллера с *Петром Ивановичем Рычковым (1712 — 1777)*. Еще полтора века назад исследователи признали за ней исключительную ценность для истории отечественной науки и культуры³. Переписка Миллера с Рычковым с учетом возраста корреспондентов началась сравнительно поздно. В 1757 г., когда это произошло, первому шел 52-й год, а последнему было 45 лет. За предыдущие годы судьба не сводила их вместе, хотя в жизненном пути каждого, несмотря на всю разницу, уже проскальзывали вполне объяснимые совпадения.

В 1733 г. воспитанник Лейпцигского университета, молодой профессор академии, издатель первых российских журналов на русском, латинском, немецком языках и газеты «Санкт-Петербургские ведомости» Миллер оставил северную столицу ради странствия по Сибири в академическом отряде Второй Камчатской экспедиции. Год спустя в Оренбургскую экспедицию в должности бухгалтера отправился

Рычков. За плечами у него был «курс наук», обычный для русского купеческого сына: домашнее обучение чтению, письму, счету и служба-ученичество у иностранных предпринимателей в Москве и Петербурге, во время которой осваивались нужные для коммерции иностранные языки, голландский и немецкий, а также бухгалтерский учет.

Самым большим совпадением их судеб до встречи стало то, что оба были хорошо знакомы с *Иваном Кирилловичем Кириловым (1695 — 1737)*, обер-секретарем Сената, крупным ученым (экономистом, статистиком, географом, картографом) своего времени, одним из главных инициаторов и организаторов той и другой экспедиций. В состав их участников оба попали при прямом содействии Кирилова, чью важную роль в подготовке и осуществлении Второй Камчатской и Оренбургской экспедиций впоследствии отметят в своих классических сочинениях как Миллер, так и Рычков⁴.

Близкое совпадение Оренбургской экспедиции (комиссии) по времени со Второй Камчатской экспедицией в Сибирь не было случайным. Эти две экспедиции являлись составными частями общего геополитического проекта Кирилова, который был направлен на расширение, если не пределов, то влияния, Российской империи в Азии до Индии, а в Америке — до берегов Карибского моря⁵.

Прежде чем назвать эти планы фантастическими, надо вспомнить ситуацию второй половины XX в., когда Индия стала важнейшим стратегическим партнером СССР в Азии и территорию двух стран разделяло совсем небольшое расстояние, а наши вооруженные силы действительно находились на карибских берегах (правда, не во Флориде, как предполагал за 250 лет до этого Кирилов, а на Кубе). Впрочем, если решение вопроса о том,

был ли план Кирилова авантюрой, утопией или примером необыкновенной прозорливости, еще может вызывать споры, то непосредственные итоги обеих экспедиций были весьма удачными и в политическом отношении — из-за расширения российских владений, и в научном — за счет выдающихся открытий.

Выдвигая проекты, подобные кириловскому, любой государственный чиновник в России подразумевал, что в случае их принятия правительством именно на него, скорее всего, возложат ответственность за выполнение. Впрочем, Кирилова могли назначить руководителем только сухопутной приуральско-казахстанско-среднеазиатской части его проекта, что и случилось, когда он стал начальником Оренбургской экспедиции. Руководителем тихоокеанского участка он не мог стать, во-первых, из-за незнания морского дела, а во-вторых, потому, что там еще со времен Первой Камчатской экспедиции ведущую роль играли В. Беринг и А. И. Чириков. Кульминацией их плаваний стало открытие Аляски в 1741 г., когда русские наконец достигли Америки, чего, к сожалению, Кирилов так и не дождался.

Исследование внутренних сухопутных районов Сибири и Дальнего Востока велось специальными («академическими») отрядами. Их неофициальным руководителем и координатором стал Миллер. Бывший кабинетный ученый оказался единственным из всех участников экспедиции, кто за 10 лет посетил все (!) уезды Урала и Сибири, все города востока России⁶.

В 1743 г. Миллер и его товарищи по академическому отряду Второй Камчатской, или, как ее стали по праву называть, Великой Северной экспедиции, вернулись из Сибири в столицу. Ведущую роль в обработке бесценных

сведений снова сыграл Миллер, и здесь можно согласиться с его словами: «Всему путешествию сочинил я точное описание»⁷.

В 1744 г. был подписан указ об образовании Оренбургской губернии Российской империи, в администрацию которой переходили на службу сотрудники прекращавшей свою деятельность Оренбургской комиссии (экспедиции), включая Рычкова, отдавшего освоению и изучению этого края всю оставшуюся жизнь. В состав новой большой губернии вошло не только современное Оренбуржье, но и основная часть сегодняшних Самарской и Челябинской областей, Башкирии, а также некоторые прилегающие земли других современных регионов России⁸.

За годы странствий Миллер превратился в крупнейшего специалиста по истории, географии и этнографии России, обогатив свою теоретическую подготовку бесценными навыками архивных и полевых исследований. В свою очередь, Рычков вырос за годы Оренбургской экспедиции не только по служебной линии, но и как исследователь, пройдя научную школу, стоившую целого университета, под руководством своих непосредственных начальников: сначала Кирилова, затем еще одного выдающегося ученого России *Василия Никитича Татищева (1686 — 1750)*.

Малоизвестный в Петербурге советник оренбургской губернской канцелярии уже в 1744 г. по самым горячим следам закончил в основном «Известия о начале и о состоянии Оренбургской комиссии по день наименования оной Оренбургской губернией и о делах киргиз-кайсаков, зюнгорцев и делах других смежных с оною губернией народов». Затем были дописаны «Прибавления» к основному тексту «Известий...», охватывающие 1744 — 1750 гг. «Известия...» имели хождение в рукописях и были доступны,

конечно, весьма узкому кругу читателей. Имя автора в списках, как правило, отсутствовало и оставалось для многих неизвестным⁹.

В 1755 г. для подготовленного к изданию «Атласа Оренбургской губернии» Рычков написал обстоятельный пояснительный текст историко-этнографического и географо-статистического содержания. Впоследствии этот текст стал первой частью его самого известного сочинения «Топография Оренбургская», образцового для XVIII — начала XIX в. научного историко-географического и экономико-статистического описания одного российского региона.

Чтобы открыть образованной России научное творчество Рычкова и результаты его выдающихся исследований одного из крупнейших и интереснейших регионов страны, нужна была помощь Академии наук. Первым обратить ее внимание на своего бывшего подчиненного пытался Татищев. Он пересылал для сведения академиков отдельные письма и статьи Рычкова, советовал Академии наук поощрить того в научных занятиях серебряной медалью или иным подарком, до своей смерти безуспешно хлопотал о предоставлении Рычкову звания советника или почетного члена академии.

Сам Рычков обращался к Ломоносову за поддержкой для публикации карт Оренбургской губернии и описания к ним. Академическая конференция в 1755 г., по представлению Ломоносова, одобрила и рекомендовала к печати труд оренбургских геодезистов и Рычкова, хотя до издания дело не дошло¹⁰.

Реальную помощь со стороны Академии наук Рычков получил благодаря Миллеру, который, будучи конференц-секретарем академии, возобновил в том же 1755 г. выпуск академического научно-популярного журнала на русском языке под названием «Ежемесячные сочинения и переводы,

к пользе и увеселению служащие». В поисках материалов и авторов Миллер обратился к архиву Академии наук, где обнаружил «Разговоры о коммерции» без подписи, которые поспешил опубликовать уже во втором (февральском) номере журнала за 1755 г. Через журнал он обратился к неизвестному автору с предложением о сотрудничестве и просьбой прислать продолжение статьи. Прочитав в журнале свою первую напечатанную работу, Рычков поспешил заявить о своем авторстве, а также высказать удовлетворение публикацией.

При издании Миллер дал статье Рычкова другое, более живое, название: «Переписка между двумя приятелями о коммерции»¹¹. Часто редакторское вмешательство в тексты своего оренбургского корреспондента он ограничивал исправлением именно названий. Видимо, академику принадлежит мысль заменить в публикации громоздкое название «Известий...» ставшей знаменитой «Историей Оренбургской».

Миллер также дал своеобразный анонс будущим публикациям «Истории» и «Топографии» Оренбургской губернии, предупредив в феврале 1757 г. читателей журнала о том, что им предстоит познакомиться с уникальными по качеству и достоверности исследованиями одного из российских регионов: «Едва остается надежда, чтоб обстоятельная история и достаточное описание России могли когда на свет быть изданы, разве во всякой губернии будет человек, искусством и прилежанием подобной господину советнику Рычкову в Оренбургской губернии». Итоги изучения Рычковым юго-востока России Миллер сопоставлял по значению с результатами деятельности исследователей Сибири времен Второй Камчатской экспедиции¹².

Такое сравнение очень показательно. Миллер, уже известный автор путевых записок о Сибири и «Истории Сибири», как никто другой из российских академиков смог понять ценность географических и исторических обзоров Оренбуржья с прилегающими к нему территориями, выполненными Рычковым, а также значение его экономических, минералогических и прочих сочинений для освоения и развития российских регионов.

Поместив в журнале за 1755 — 1758 гг. еще несколько небольших работ Рычкова, Миллер в 1759 г. в одиннадцати номерах «Ежемесячных сочинений» осуществил публикацию «Истории Оренбургской». То же самое повторилось в 1762 г., когда в одиннадцати номерах была напечатана «Топография Оренбургская». Кроме этих двух капитальных трудов Миллер продолжал публиковать отдельные оригинальные статьи Рычкова и его переводы из немецких авторов.

Подводя итоги своей деятельности, Миллер считал: «Может быть из всех моих сочинений сие («Ежемесячные сочинения». — Ю. С.) есть наиболее полезное для российского общества». Среди главных заслуг «Ежемесячных сочинений» он подчеркнул то обстоятельство, что «некоторые российские любители наук, как господин тайный советник Соймонов (его первое в мире научное описание Каспийского моря было также опубликовано Миллером. — Ю. С.) и господин статский советник Рычков, оными поощрены были и свои труды для общей пользы к оным приобщить»¹³.

Признание научных заслуг Рычкова в академических кругах, что, в свою очередь, стимулировало его дальнейшие труды, вылилось еще в одной форме. Ломоносов, поддерживая ходатайство Миллера за Рычкова, предложил учредить звание академического корреспондента с выдачей

соответствующего диплома, что позволило бы привлечь к деятельности академии любителей наук, не получивших университетского образования и не состоявших в ее штате. В январе 1759 г. от имени академической канцелярии М. В. Ломоносов, И. И. Тауберт и Я. Штелин обратились с соответствующим представлением к президенту академии К. Г. Разумовскому, согласие которого было вскоре получено. Рычков стал первым (и оставался до 1776 г. единственным) членом-корреспондентом Петербургской академии наук, за что искренне был благодарен Миллеру, называя его «другом и милостивцем»¹⁴.

Полученное звание еще более стимулировало участие Рычкова в проектах, осуществляемых Академией наук. Правда, некоторые просьбы из академии оказывались трудновыполнимыми. Так, в 1763 г. Рычков ответил на предложение Миллера составить географическое описание всего государства тем, что он готов дать лишь введение, а также, возможно, подготовить топографическое описание Казанской и Астраханской губерний как будущие части всероссийской географии. Этим замыслом не суждено было осуществиться в полной мере, хотя, по предложению Миллера, академическая канцелярия даже обращалась в Сенат с просьбой издать «указ об оказании Рычкову содействия при составлении им географических описаний»¹⁵.

Работа Рычкова над материалами по югу России привела к появлению «Введения к астраханской топографии». Оно было опубликовано отдельным изданием за счет Вольного российского собрания — литературного общества при Московском университете, в которое Рычков был принят¹⁶.

Из описания Казанской губернии выросло другое сочинение Рычкова — «Опыт казанской истории древних и средних времен», изданное Академией наук. Рычков

послал рукопись этого труда на отзыв Миллеру, к замечаниям которого внимательно прислушался, хотя тот уже покинул академию. Рычков сообщил Миллеру, что он в этой новой книге «имя ваше употребил, не согласясь с вами: за скоростию сие сделал из благодарности и почтения моего к вам...»¹⁷.

Действительно, Рычков писал, возвращая Миллеру десятилетней давности авансы в свой адрес, о том, что «общая история» огромной России «по множеству ее провинций» обязательно требует «особенных описаний» каждой из них. Среди уже имеющихся региональных исторических исследований он называет собственные «Историю» и «Топографию» Оренбургской губернии, два сочинения Миллера об истории Новгорода и Сибири, а также «Описание земли Камчатки», составленное сотрудником Великой Северной экспедиции С. П. Крашенинниковым по инструкциям И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера, а последним еще и отредактированное и подготовленное к изданию¹⁸.

Таким образом, Рычков вслед за Миллером убеждал коллег-ученых и просто читателей в том, что результаты исследований отдельных регионов в будущем должны будут слиться в единое описание великой России, которое само по себе невозможно без предварительного изучения ее территорий: Сибири и Дальнего Востока, Поволжья и Урала, юго-востока и северо-запада европейской части и т. д. Действительно, появление в печати трудов Рычкова, Миллера и Крашенинникова по отдельным российским регионам, несомненно, стимулировало создание аналогичных, пусть не всегда высокопрофессиональных, исследований по истории, географии, статистике и экономике в других частях России конца XVIII — начала XIX в.¹⁹ Без них знания о прошлом нашей страны были бы гораздо беднее, а ход познания

Отечества, его культурных и природных богатств, наверное, замедлился бы.

Миллер подвиг своего корреспондента на еще один труд, когда издал со своим предисловием, прибавлениями и редакторской правкой «Географический лексикон Российского государства», составленный любителем наук из среды провинциального чиновничества, воеводой г. Вереи Ф. Полуниным. Видимо, Миллер попросил Рычкова прислать дополнения к этому словарю. Рычков отвечал, что ему «рассудилось вместо прибавления к вашему лексикону собрать особливой на здешнюю губернию лексикон... Сей одной здешней губернии лексикон может служить образчиком и для других губерний». Словарь, по ходу работы над которым Рычков советовался с Миллером, был окончен и даже заслужил награду от императрицы, но остался неопубликованным и считался утерянным, пока его список не был обнаружен в архиве в 1948 г.²⁰

При этом не следует забывать, что Миллер был самым надежным, но не единственным, каналом связи Рычкова с академической наукой. Последний, например, активно откликнулся на изданное и разосланное академией в 1763 г. предложение Ломоносова о сборе сведений для готовившейся «Российской минералогии», прислав подробную записку о рудных породах, встречающихся на Южном Урале²¹. Когда Рычков стал уже известным автором, его новые публикации продолжали выходить как отдельными изданиями на русском и немецком языках, так и в трудах Вольного экономического общества.

Переписка и взаимоотношения Миллера и Рычкова — не просто страница в биографии двух выдающихся российских ученых, самых видных деятелей научного изучения российских регионов в XVIII в. Перед нами — один из

ярких примеров активного содействия академической науки того времени развитию исследований на окраинах страны²².

Вклад Миллера в рождение того, что мы сейчас называем регионоведением, краеведением, локальной историей и т. п., неоспорим не только благодаря личному участию академика в Великой Северной экспедиции и его кропотливой работе в архивах как столиц, так и дальних сибирских городов. Не меньшее значение имела его действенная поддержка, особенно в качестве организатора науки и издателя, еще очень малочисленных исследователей в русской провинции, среди которых был и Рычков.

Миллер, как и Рычков, не только участвовал в меру своих возможностей и компетенции в реализации геополитических идей Кирилова, но и продолжал их разработку. Великая Северная экспедиция не только способствовала утверждению России в Сибири, на дальневосточных берегах Тихого океана, открыла Аляску для продвижения русских в Америку, но и в полной мере вскрыла объективные трудности в освоении этих территорий. Главная из них — огромные расстояния и сложные пути сообщения. Они создавали между уже определившимися казахстанско-среднеазиатским и тихоокеанским направлениями расширения геополитического пространства России слабое звено. За рубежом даже подозревали, что в отчеты русских путешественников лично Миллером вставлены заведомо преувеличенные данные о протяженности сибирских пределов на восток, чтобы отпугнуть европейских мореплавателей от поисков путей из Атлантики через Ледовитый в Тихий океан, пока плавание Д. Кука в 1778 г. не развеяло эти подозрения.

В подходах к задаче преодоления громадных расстояний Сибири были выдвинуты два основных решения.

Ломоносов отстаивал идею о возможности преодоления за одну навигацию пути через Ледовитый океан из Архангельска до Чукотского носа (полуострова). По его мнению, «российское могущество прирастать будет Сибирью и Сибирским океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америке», когда «желаемый путь по Северному океану на восток откроется», а вместе с этим «морским ходом» в качестве вспомогательного будет использоваться «сухой путь по Сибири на берега Тихого океана»²³.

Можно считать гениальным предвидение Ломоносовым особой роли северных и восточных океанских просторов для страны («имея Сибирского океана оба концы и целый берег в своей власти, не боясь никакого препятствия в поисках от неприятеля ... оставляем все втуне, не пользуемся божеским благословением») и для развития российского флота, которому тесно во внутренних морях («оставляем корабли и снаряд в жертву тлению и людей, к трудам определенных, ослаблению их искусства и должности»)²⁴. Однако эти призывы были технически неосуществимы до появления мощных ледокольного и подводного флотов в XX в., к тому же Ломоносовым был допущен географический просчет в виде представления о свободном ото льда пространстве в самых северных широтах.

Миллер, в свою очередь, составил более адекватное физической географии и своему времени мнение о возможностях Северного морского пути: никакой свободной высокоширотной воды, а только трудное плавание вдоль побережья в течение 3 — 4 лет. Зная, как никто другой, из документов архивов и донесений участников Второй Камчатской экспедиции обо всех трудностях такого плавания, «перспективы освоения русскими мореплавателями бассейна

Тихого океана он связывал с развитием экономики Дальнего Востока, со строительством здесь портов и судов, с использованием судоходства по Амуру». Продвижение на Тихий океан, по Миллеру, оказывалось вместе с тем обусловленным геополитическим размежеванием России и Китая. Это размежевание, как он предполагал, должно было пройти по Южному Алтаю, границе между Внешней и Внутренней Монголией, реке Амуру. Кроме того, «геополитическими проектами Миллера предусматривалось также интенсивное земледельческое освоение русскими крестьянами всех южносибирских территорий»²⁵.

Нетрудно заметить, что планы исследователей восточных районов России дополняли друг друга или предлагали такие альтернативные варианты, каждый из которых был возможен в определенной технологической, научной и демографической ситуации. Стратегическая составляющая планов Миллера, как и его предшественника Кирилова и современника Ломоносова, в течение XIX — XX вв. оказалась, если отвлечься от деталей, в основном реализованной, подчеркивая состоятельность уже самых первых попыток научных построений русских ученых в сфере геополитики. То, что их реализация откладывалась на будущее, было обусловлено объективными обстоятельствами.

Последняя треть XVIII в. оказалась временем преимущественного расширения Российского государства и его влияния в западном направлении, чему немало способствовали труды и победы адмирала Ф. Ф. Ушакова. Без последних, в свою очередь, было бы невозможно возвращение с более пристальным вниманием к решению центральноазиатских, дальневосточных и полярных проблем России в новых исторических условиях.

Библиографические ссылки

¹ Миллер Г. Ф. Описание моих служб / Г. Ф. Миллер // Голицын Н. В. Портфели Г. Ф. Миллера / Н. Ф. Голицын. М., 1899. С. 148.

² См.: Очерки русской культуры XVIII века. М., 1988. Ч. 3. С. 89.

³ См.: Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова / П. П. Пекарский. СПб., 1867. С. II — III; Зап. Имп. Акад. наук. СПб., 1866. Т. 8. С. 46, 84.

⁴ См.: Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с Российской стороны učinенных // Сочинения по истории России : избр. / Г. Ф. Миллер. М., 1996. С. 67; Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии / П. И. Рычков. Уфа, 2001. С. 12 — 14.

⁵ См.: Проект обер-секретаря Ивана Кирилова о Камчатских экспедициях и об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими // Материалы по истории России. Оренбург, 1900. Т. 1.

⁶ См.: Элерт А. Х. Герард Фридрих Миллер и научное открытие Сибири / А. Х. Элерт // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Екатеринбург, 2006. Ч. 1. С. 16.

⁷ Миллер Г. Ф. Описание моих служб. С. 139.

⁸ См.: Смирнов Ю. Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России / Ю. Н. Смирнов. Самара, 1997.

⁹ См.: Матвиевский П. Е. Петр Иванович Рычков / П. Е. Матвиевский, А. В. Ефремов. М., 1991. С. 125 — 126, 243; Кучумов И. В. Первый труд по истории Башкортостана / И. В. Кучумов, Ю. Н. Смирнов // Рычков П. И. История Оренбургская... С. 19 — 22; Смирнов Ю. Н. Сборник экстрактов именных указов 1734 — 1741 гг. в комплексе материалов Оренбургской комиссии — источников по истории отношений России с народами Средней Азии / Ю. Н. Смирнов // Сб. РИО. М., 2002. С. 11 — 15. Т. 5 (153).

¹⁰ См.: Матвиевский П. Е. Указ. соч. С. 115.

¹¹ См.: Пекарский П. П. Указ. соч. С. 19, 23, 35 — 36.

¹² См.: Миллер Г. Ф. Предложение, как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве // Сочинения по истории России. С. 16.

¹³ Миллер Г. Ф. Описание моих служб. С. 143.

¹⁴ См.: Матвиевский П. Е. Указ. соч. С. 128 — 132, 136.

¹⁵ См.: Пекарский П. П. Указ. соч. С. 71 — 72.

¹⁶ См.: Рычков П. И. Записки Петра Ивановича Рычкова / П. И. Рычков // Рус. арх. 1905. № 1. С. 334.

¹⁷ См.: Пекарский П. П. Указ. соч. С. 73, 75.

¹⁸ См.: Миллер Г. Ф. Описание моих служб. С. 143; Пекарский П. П. Указ. соч. С. 76.

¹⁹ См., напр.: Топографическое описание Калужского наместничества. СПб., 1785; Ларионов С. И. Описание Курского наместничества. М., 1786.

²⁰ См.: Матвиевский П. Е. Указ. соч. С. 224; Пекарский П. П. Указ. соч. С. 151 — 153.

²¹ См.: Билярский П. Материалы для биографии М. В. Ломоносова / П. Билярский. СПб., 1865. С. 625 — 628.

²² См.: Смирнов Ю. Н. Содействие академической науки становлению региональных исследований в XVIII веке: Г. Ф. Миллер и П. И. Рычков / Ю. Н. Смирнов // Три столетия...; Артамонова Л. М. Исследовательская и просветительская деятельность русских ученых 1730 — 1770-х гг. на юго-востоке России в ее взаимосвязях с изучением Сибири и других регионов страны / Л. М. Артамонова // Там же.

²³ Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Избр. произведения / М. В. Ломоносов. М., 1986. С. 487, 490.

²⁴ Там же. С. 489.

²⁵ Элерт А. Х. Указ. соч. С. 24, 27.

Поступила 13.11.2006 г.

УДК 947:355.322(470.40)

С. В. Белоусов

ПОД АНДРЕЕВСКИМ ФЛАГОМ: ПЕНЗЕНЦЫ В ВОЕННОМ ФЛОТЕ РОССИИ (1768 — 1801)

Сведения об участии офицеров и матросов российского военно-морского флота, выходцев из Пензенской губернии, в морских экспедициях и войнах второй половины XVIII в. крайне отрывочны. Нередко они сводятся лишь к указанию чина морского офицера в каких-либо перечневых списках пензенских дворян либо представляют собой простое упоминание имен отставных матросов в различных исходящих документах местных органов власти. Так, например, в «Алфавитном списке дворян», владевших именьями в Пензенской губернии, составленном в 1788 г., содержится информация о ряде отставных офицеров российского военно-морского флота. Это флота капитан 1-го ранга Дмитрий Сергеевич Ильин, владевший несколькими крепостными в Чембарском уезде; капитаны 2-го ранга братья Петр и Павел Матвеевичи Нестеровы, имевшие земельные владения в Саранском уезде; флота капитан-лейтенант Иван Семенович Шильников, проживавший после отставки в с. Гольцовка Мокшанского уезда; мичман Дмитрий Иванович Жемчужников, владевший имением в Инсарском уезде¹. Известно, что с 1804 по 1830 г. обязанности городничего Керенска исполнял отставной капитан-лейтенант Петр Григорьевич Ефремов. В начале XIX в. более десяти лет на флотской службе находился троюродный брат известного русского писателя М. Н. Загоскина, пензенский

дворянин Николай Васильевич Загоскин². В «Журнале Пензенского губернского правления» за ноябрь 1812 г. имеется запись о том, что в 1811 г. были отставлены от службы и отправлены для проживания в Пензенскую губернию, в собственные дома, Черноморского флота квартирмейстер Герасим Петров, матросы Тимофей Горячкин, Федор Си-лин, Гаврила Иванов, корабельный плотник Михаил Назаров и архитекторный плотник Фрол Тряпицын³.

Однако в Государственном архиве Пензенской области в фонде Пензенского губернского дворянского депутатского собрания среди личных дел дворян удалось обнаружить несколько послужных списков морских офицеров; они отличаются некоторыми подробностями и дают возможность проследить основные этапы жизни этих людей, в частности их военно-морской и гражданской службы.

В Русско-турецкой войне 1768 — 1774 гг. принимали участие А. И. Халкиопов и П. А. Мантуров.

Андрей Иванович Халкиопов (ок. 1747 — после 1793) принадлежал к династии потомственных флотских офицеров. Его дед, Михаил Федорович Халкиопов, был капитаном 2-го ранга, служил на галерном флоте и, находясь на службе в Азове на галерах, умер 29 августа 1736 г. Отец, Иван Михайлович Халкиопов, служил в Адмиралтействе экипажмейстером в ранге лейтенанта и при отставке в 1768 г. получил чин капитан-лейтенанта. Поэтому не случайно в 1762 г. Андрей Халкиопов был определен в Морской шляхетский корпус.

Павел Андреевич Мантуров (ок. 1750 — 1811) являлся потомком пензенских городских дворян. Его прадед, Василий Мантуров, в конце XVII в. был записан в пензенские десятины и верстан за службу землей недалеко от Пензы. В середине XVIII в. дворяне Мантуровы проживали

в с. Белый Ключ Пензенского уезда, где имели небольшое имение и несколько душ крепостных крестьян. В 1763 г. П. А. Мантуров также поступил в Морской шляхетский корпус.

В то время корпус являлся одним из самых аристократических учебных заведений. В первую очередь в него принимались дети флотских офицеров и потомственных дворян, доказавших свое происхождение по крайней мере с 1685 г.⁴ Халкиопов и Мантуров вполне удовлетворяли этим требованиям. Интересно, что они обучались в одно и то же время с Ф. Ф. Ушаковым, который поступил в корпус годом ранее Халкиопова.

В июле 1769 г. после окончания Морского корпуса Халкиопов и Мантуров были произведены в мичманы и определены на корабли Балтийского флота.

17 июля 1769 г. в составе 1-й Архипелагской эскадры адмирала Г. А. Спиридова они оба вышли в плавание из Кронштадта в Средиземное море. Цель экспедиции в Греческий архипелаг была довольно точно сформулирована в собственном журнале капитан-бригадира С. К. Грейга: «Е. И. В. (Екатерина II. — С. Б.), желая, по возможности, усилить военные действия против турок, для скорейшего окончания войны, вознамерилась послать военный флот в Архипелаг и Левант. Цель экспедиции заключалась в том, чтобы произвести диверсию в этих местах и беспокоить турок в той части их владений, где они менее всего могли опасаться нападения, по причине затруднений, с какими должно быть сопряжено отправление вооруженной силы от самых крайних пределов Балтики в моря, столь отдаленные»⁵.

Мичман Халкиопов находился на 66-пушечном корабле «Святой Иануарий»⁶ под командованием капитана

1-го ранга И. А. Борисова. Как значится в послужном списке Халкиопова, в начале марта 1770 г. он был при высаживании десанта и обстрела турецкой крепости Корона, а затем «послан на оном корабле для взятия крепости Наварина, и в продолжение оной производили по крепости пальбу. А потом находился при свозе на берег десанта, артиллерии и при перевозе оной на батарее, где и был во оном десанте марта с 31-го апреля по 6-е число»⁷. Сооруженные на берегу батареи сыграли выдающуюся роль во взятии Наварина. Когда орудия пробили брешь в восточном валу цитадели, комендант крепости не стал дожидаться штурма и предпочел сдать ее русским войскам.

С 25 мая, после того как в заливе Наполи-ди-Роменья был обнаружен турецкий флот, «Святой Иануарий» вместе с другими кораблями Средиземноморской эскадры участвовал в погоне за ним до крепости Чесма. 24 июня Халкиопов участвовал в сражении в Хиосском проливе, где корабли «Святой Иануарий» и «Три Иерарха» атаковали 100-пушечный турецкий корабль «Капудан-паша» и нанесли ему серьезные повреждения. В ночь с 25 на 26 июня, когда турецкий флот был истреблен в Чесменской бухте, Халкиопов «послан был с кораблями на 10-весельной шлюпке для вспоможения кораблю „Ростиславу“ и находился на оном корабле при сожжении того флота с шлюпкою»⁸.

После Чесменского сражения «Святой Иануарий» был послан к острову Лемнос и крейсировал у Афонской горы. Халкиопов принимал участие в перевозке десанта на шлюпках из-под порта Мудрое на корабли и в сожжении в этом порту редутов.

Мичман Мантуров находился на 34-пушечном фрегате «Надежда Благополучия»⁹ под командованием П. Аничкова. В конце апреля — начале мая 1770 г. фрегат принимал

участие в блокаде крепости Мадонна, ежедневно бомбардируя ее береговые укрепления. После ухода эскадры фрегат был оставлен в Наварине, захваченном русскими моряками. Из-за невозможности сдержать натиск превосходящих сил противника, осаждавшего крепость с суши, было принято решение взорвать береговые укрепления и оставить Наварин. Приняв на борт войска, фрегат «Надежда Благополучия» транспортировал их до Порт-Магона.

В 1775 г. после завершения Средиземноморской экспедиции Халкиопов и Мантуров, к этому моменту произведенные в лейтенанты, возвратились в Кронштадт. Здесь их пути на время разошлись.

В 1776 г. Мантуров вышел в отставку с присвоением чина капитан-лейтенанта и был определен на гражданскую службу. После непродолжительного пребывания в Твери он получил назначение в Пензенское наместничество стряпчим казенных дел. Вскоре Мантуров был переведен советником в Пензенскую палату гражданского суда и с 1799 г. стал ее председателем. Обосновавшись в Пензе и приобретя небольшое имение в с. Кучукпоре Пензенского уезда, Мантуров женился на купеческой дочери Марии Сидоровне Булуховой и от этого брака имел 5 дочерей.

Халкиопов продолжил флотскую службу. 26 апреля 1777 г. по указанию командира Ревельского порта он был направлен на остров Кошкар «к смотрению при постановлении вновь сделанного на оном острову маяка, на котором и находился июля по 26-е число; и за поспешное строение и постановление того маяка, и за найденную на оном острове пресную воду от Государственной Адмиралтейской коллегии... объявлено ему от оной удовольствие... и дан аттестат»¹⁰. В 1778 г. Халкиопов был определен в галерный

флот, некоторое время исполнял обязанности капитана галеры «Рак», а затем до конца 1781 г. командовал 2-й дивизией галерного флота. Находясь на военной службе, он женился на дворянской дочери Настасье Даниловне Уваровой. В семье было 6 детей: Александр, Иван, Прасковья, Василий, Алексей, Наталья. 1 января 1782 г. Халкиопов вышел в отставку с присвоением чина капитана 2-го ранга и уже через три недели был назначен советником в Пензенскую палату гражданского суда. В 1784 г. он был переведен советником в наместническое правление. Так судьба вновь свела двух морских офицеров на гражданской службе в Пензе.

Несколько пензенских морских офицеров принимали участие в Русско-шведской войне 1788 — 1790 гг. Одним из них был *Сергей Наумович Захарьин* (ок. 1773 — 1807) — дворянин, имевший в с. Архангельском, Трескино тож, Сердобского уезда Саратовской губернии около 200 крепостных. С 1803 по 1807 г. он являлся директором пензенской гимназии. Как значится в его формулярном списке, в 1788 г. еще гардемарин он ходил в поход на корабле «Ростислав» под предводительством адмирала и кавалера Грейга и был в сражении со шведами, получив ранение в ногу. Речь идет о Гогландском сражении, состоявшемся 6 июля 1788 г., в котором 100-пушечный корабль «Ростислав», идя в кордебаталии, сблизился со шведским флагманом «Принц Густав» и вынудил его сдаться. Потери экипажа составили 17 убитых и 43 раненых, корабль получил 121 пробоину. В 1789 г. Захарьин за мичмана ходил в поход на бомбардирском корабле «Страшный» под командой капитан-лейтенанта Бабаева, при Гангутских островах участвовал в двух сражениях в течение 3 дней. В 1790 г., получив чин

мичмана, он был направлен на шебеку «Прозерпина», на которой участвовал в сражении при прорыве шведского флота в Выборгской бухте, а в конце лета того же года — сражении со шведским генеральным флотом при Роченсальме, в котором был взят в плен и находился в Норчепинге, откуда возвратился в Санкт-Петербург. В 1799 г. Захарьин был уволен со службы по состоянию здоровья, с правом носить военный мундир и с присвоением чина капитан-лейтенанта¹¹.

Мартын Иванович Отсолиг (ок. 1765 — после 1816), сын адвоката из Лифляндской губернии, после окончания в 1788 г. Санкт-Петербургского медико-хирургического института был произведен в лекари и определен на корабельный флот Балтийского моря, на бомбардирский корабль «Победитель». 6 июля 1788 г. он участвовал в Гогландском сражении. Во время сражения у острова Эланд 15 июля 1789 г. «по случаю встретившейся на корабле „Дерись“ необходимой нужды в помощи по весьма великому числу бывших там раненых командирован был сигналом на оной корабль, где, сделав надлежащее пособие, паки через 7 дней...»¹² возвратился на «Победитель». В Эландском сражении корабль «Дерись» пострадал от разрыва трех своих орудий, в результате чего 15 человек были убиты и 98 ранены. Корабль был спасен мичманом Д. И. Насекиным, который не дал огню добраться до кюйт-камеры. Затем Отсолиг был направлен для лечения больных в Ревельский морской госпиталь, в котором находился до 1792 г. В 1798 г. за добропорядочное служение на корабельном флоте и за сделанное описание смертоносной болезни, называемой синей оспой, которая поражала только жителей нескольких селений Эстляндской губернии, был произведен в штаб-лекари.

В 1811 г. Отсолиг был назначен инспектором Пензенской врачебной управы¹³.

В сражении у Красной Горки 23 — 24 мая 1790 г. на 74-пушечном корабле «Иоанн Богослов» участвовал происходивший из духовного звания штурманский ученик *Григорий Егорович Егоров* (ок. 1769 — после 1830). В ходе боя на корабле огнем противника была сбита форстенга, 6 человек убито и 17 — ранено. Командующий эскадрой А. И. Круз разрешил командиру И. М. Одинцову вывести корабль из строя для исправления, но тот увел его в Кронштадт. За самовольный уход Одинцов был отдан под суд. После отставки Егоров был определен в Казань для вывоза корабельных лесов, а с 1818 по 1830 г. исполнял должность пензенского уездного землемера¹⁴.

В войне с Турцией 1787 — 1791 гг. принимал участие простым матросом выходец из унтер-офицерских детей *Михаил Петрович Белошапченков*. В составе эскадры Ушакова он сражался с турецким флотом у мыса Калиакрия. С 1806 г. после отставки Белошапченков занимал пост казначея Инсарского уездного казначейства¹⁵.

В войне с Францией 1798 — 1800 гг. участвовал дворянин Чембарского уезда, мичман князь *Александр Степанович Мансырев*. В 1799 г. на фрегате «Поспешный» в составе эскадры контр-адмирала П. К. Карцева он вышел с Ярмутского рейда в Средиземное море для усиления эскадры Ушакова. В 1800 г. фрегат в составе эскадры прибыл в Севастополь. Князь Мансырев был отставлен от службы 12 декабря 1802 г. с присвоением чина лейтенанта. С 1806 по 1807 г. он занимал должность пензенского уездного землемера. В начале Отечественной войны 1812 г. поступил в 4-й пехотный полк

Пензенского ополчения, из которого был переведен батальонным командиром 3-го пехотного полка Симбирского ополчения. В 1813 г. князь Мансырев находился при осаде крепости Глогау. После возвращения из заграничного похода по выбору дворянства служил нижнеломовским земским исправником¹⁶.

Таким образом, с Пензенской губернией связана судьба нескольких морских офицеров, участвовавших в войнах и морских сражениях второй половины XVIII в.

Библиографические ссылки

- ¹ Гос. арх. Пенз. обл., ф. 196, оп. 1, д. 34. Далее: ГАПО.
- ² Там же, ф. 6, оп. 1, д. 1485, л. 57 — 60.
- ³ Там же, д. 348, л. 686 — 686 об.
- ⁴ См.: **Волков С. В.** Русский офицерский корпус / С. В. Волков. М., 2003. С. 171 — 172.
- ⁵ Цит. по: **Тарле Е. В.** Три экспедиции русского флота / Е. В. Тарле. М., 1956. С. 50.
- ⁶ Об этом корабле см.: **Чернышев А. А.** Российский парусный флот : справ. : в 2 т. / А. А. Чернышев. М., 1997. Т. 1. С. 53.
- ⁷ ГАПО, ф. 196, оп. 1, д. 119, л. 2 об. — 4.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Об этом фрегате см.: **Чернышев А. А.** Указ. соч. С. 204.
- ¹⁰ ГАПО, ф. 196, оп. 1, д. 119, л. 2 об. — 4.
- ¹¹ Там же, оп. 2, д. 984, л. 31 — 32.
- ¹² Там же, д. 2177, л. 3 — 6.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 1485, л. 413 об. — 415.
- ¹⁵ Там же, д. 516, л. 146 об. — 147.
- ¹⁶ Там же, л. 465 об. — 466.

Поступила 26.10.2006 г.

УДК 37.016:929Ушаков

Ю. П. Смирнов, В. Р. Степанов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИМЕРОВ ИЗ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. Ф. УШАКОВА В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ

Преподавание истории кардинально отличается от ее изучения проблематикой, функциями, формами и инструментарием. Названные задачи реализуются разными научными дисциплинами, воплощаются в различных видах деятельности — проблемно-поисковой (исторические исследования) и проекционно-воспроизводящей (обучение дисциплине «история»). Этим объясняется полное несовпадение методологии осуществления целей и задач при неоспоримости постулата о том, что история как наука первична, а ее преподавание вторично, в этом случае речь идет об учебной дисциплине. Поэтому для второго исключительно важно, что представляет собой первое: общее содержание, событийные ряды и характеризующие их причинно-следственные связи, личности в динамике их отношений с массами. Для преподавателя важно, что можно отобразить из выявленного и осмысленного историком для наиболее адекватного отображения тех или иных исторических процессов, событий, фактов.

При определении круга сведений, которые будут положены в основу обучения и создадут интеллектуально-экспрессивную основу объекта восприятия, преподаватель, с одной стороны, подбирает примеры, характеризующие типические признаки, ибо типология — путь истинного познания, с другой — стремится подобрать

в излагаемой информации как можно больше ярких проявлений реальных фактов, чтобы вызвать у обучаемых эмоциональный отклик на события минувшего. При этом материал лучше усваивается, прочнее закрепляется в памяти познающих, кроме того, у обучаемых формируется неиндифферентное отношение к прошедшему.

Однако не все события, явления и личности в отечественной истории отвечают указанным признакам не только в полной мере, но и частично. В ракурсе рассматриваемой проблемы особого внимания заслуживают личности, среди которых, как правило, не встречаются безупречные исторические деятели. Тем ценнее и значимее для преподавания истории Отечества появление в ее потоке и контексте таких исторических деятелей. В данном случае появляются возможности не только для информирования обучаемых, но и для оказания на них позитивного воспитательного воздействия.

В рассматриваемых аспектах Ф. Ф. Ушаков — классический пример исторической личности, являющей образец сплава высокоэффективных деяний и яркого позитивного имиджа. В выявленном и введенном в нарративную плоскость историческом материале не обнаруживается негативных фактов и проявлений, а совокупность итогов трудов и дел Ушакова, его благородство и великодушные создают ореол, позволяющий воспринимать его как почти идеального исторического деятеля. Этим интересен и необычайно перспективен имидж адмирала как образец для подражания в преподавании отечественной истории.

Наибольший интерес при исторической оценке личности Ушакова вызывает интерпретация его программных взглядов в двух сферах флотоводства: о геополитической

роли флота вообще и о тактике ведения морского боя применительно к условиям парусного флота, когда многое зависело от сил стихии, и, следовательно, в не меньшей степени — от мастерства командира. По первому аспекту позиция Ушакова близка и во многом сопоставима с устремлениями Петра I: если Россия стремится стать великой державой, она должна иметь мощный флот океанского базирования и развертывания. Он мыслил не об отдельных победах на море, а о создании именно боеспособного флота, уверенно представляющего интересы России на океанской акватории. Этим объясняется его стремление к встрече с восшедшим на престол Павлом I: поделиться соображениями о развитии флота¹. Однако в аудиенции ему было отказано, более того, Черноморский флот был подвергнут инспекции.

Взгляды Ушакова и Петра I на геополитическую роль флота представляют собой интереснейший методический ход при изучении отечественной истории XVIII в. Почему именно Ушаков, а не другие флотоводцы, прославившие русский морской Андреевский стяг у Гангута, Гренгама, Чесмы? Почему не Ф. М. Апрашкин, не Г. А. Спиридов, не А. Г. Орлов-Чесменский, не С. К. Грейг? Обучаемых необходимо подвести к мысли, что названные флотоводцы вошли в историю как творцы великой, но одной столь масштабной победы, в то время как Ушаков искал пути развития флота как эффективного инструмента геополитического влияния, что и доказал своими действиями в Средиземноморье. Именно поэтому он сопоставим по глубине и масштабу мышления с главным реформатором России XVIII в. Петром I.

При анализе итогов Русско-турецких войн, ставших заметным событием в европейской истории второй половины

XVIII в., необходимо обратить внимание обучаемых на то, что, будучи назначенным Г. А. Потемкиным командовать Черноморским флотом², Ушаков одержал ряд блестящих побед — у Фидониси, Тендры и Калиакрии — над вдвое численно превосходящим противником с минимальными потерями личного состава русского флота, не говоря о кораблях³. Его военные успехи не уступают по значимости и эффективности победам великих предшественников. Гений Ушакова проявился в том, что он поднял искусство ведения морского боя на качественно новый уровень. Иначе говоря, в его личности с великим стратегом был сопряжен выдающийся тактик.

Адмирал Ушаков смело отбрасывал господствовавшие в то время догмы линейной тактики, противопоставляя им свои оригинальные решения, вытекавшие из конкретной обстановки каждого боя. Он впервые выдвинул и осуществил на практике идею выделения резерва в морском бою, использовал походный строй для внезапной атаки противника, сосредоточивал основные силы на решающем направлении, осуществлял вовремя смелые и неожиданные перестройки эскадры. Не считаясь с канонами линейной тактики, он впервые применил прием отсечения неприятельского флота от берега; в боевую линию вместе с линейными кораблями ставил фрегаты; постоянно добивался решительного исхода боевой встречи. В практике западноевропейских флотов подобные отклонения от установленных норм не только не поощрялись, но за них флагманы жестоко наказывались. Ушаков же считал: «Нельзя соблюдать всех правил эволюции — иногда нужно делать несходное с оною»⁴. Применение неожиданных приемов расстраивало планы противника, заставляло его врасплох, затрудняло принятие ответных мер.

Успешное применение смелых и новаторских приемов морской тактики достигалось благодаря высокому боевому мастерству экипажей русских кораблей, что было неустанной заботой Ушакова. В сложной и быстро меняющейся обстановке морского боя черноморские моряки неизменно отличались инициативой, решительностью, быстрой и точной реакцией на малейшее изменение ситуации. Во время каждого боя на кораблях не раз возникали тяжелые и опасные моменты, когда исход борьбы зависел от считанных секунд, в течение которых было необходимо или сделать повороты, или убавить либо прибавить паруса, или перенести огонь с одного вражеского корабля на другой. Все эти действия и маневры экипажи кораблей совершали умело, быстро и точно. Адмирал Ушаков всегда отмечал «отменное мастерство» черноморских моряков и благодарил их за «оказанное мужество, отлично неустрашимую храбрость, рвение и примерное исполнение должностей»⁵.

В первую Русско-турецкую войну начинающим офицером и командиром он анализировал состоявшиеся бои по шканечным журналам⁶. К этому времени относится формирование его представлений об оптимальной тактике морского боя парусного флота. В результате осмысления опыта боевых действий он разработал и применил оперативное маневрирование⁷, которое опровергало догмы линейной тактики. Главной при такой организации боя становилась скорость маневра, а не соблюдение канонического порядка боевого построения⁸. Целесообразно обратить внимание обучаемых, что тактические новации Ушакова произвели неизгладимое впечатление на его современника и несостоявшегося соратника, английского адмирала Г. Нельсона, которого мы можем в известном смысле считать последователем российского флотоводца.

Принципиально новым словом в действиях военного флота стало примененное Ушаковым взаимодействие между подразделениями сухопутной армии и боевыми кораблями при овладении Ионическими островами, особенно островом Корфу, при освобождении Италии от французов и овладении Неаполем и Римом⁹. Нестандартные командные решения Ушакова, его блистательные победы поражали современников: со взятием Корфу ему направили подразделения Нельсон и находившийся в Италии А. В. Суворов, адекватно оценивший флотоводческий дар адмирала. Неаполитанский король Фердинанд IV прислал Ушакову ленту ордена Святого Януара, султан Селим — высшую награду «челенг» (алмазное перо из своей чалмы), соболиную шубу и 1 000 червонцев¹⁰.

Оценивая роль Ушакова в создании российского флота и в отечественной истории в целом, необходимо акцентировать его восприятие обучаемыми как выдающегося исторического деятеля конца XVIII в., новатора военно-морского дела, опередившего свое время и ставшего образцом для лучших зарубежных флотоводцев, глубокого мыслителя и горячего патриота России.

Эффективным методическим приемом представляется цитирование мыслей, высказанных Ушаковым после его боевых успехов. Так, после победы у острова Фидониси он писал: «Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей. Они стреляли в неприятельские корабли нечасто и с такой сноровкой, что казалось, каждый учится стрелять по цели, снаравливая, чтобы не потерять свой выстрел»¹¹. При этом следует обратить внимание, что турецкие флотоводцы изначально считали русских моряков неопытными и неспособными к бою в открытом море. Тем не менее, после сражения у острова Фидониси турецкий флот не предпринимал

активных действий в Черном море. В Турции усиленно велось строительство новых кораблей.

Великую победу при Калиакрии Ушаков описывает по-суворовски лаконично, но вместе с тем ярко: «Неприятель, уstraшенный нечаянным приходом нашего флота, проиграл ветер, отрубил якоря, лег на паруса и был в замешательстве»¹². Необходимо пояснить обучаемым, что слово «нечаянно» в то время означало «неожиданно». Прямая параллель с Суворовым!

Представляет интерес высказывание об Ушакове скупого на похвалы Главнокомандующего сухопутными и морскими силами на юге Потемкина: «Знаменитая победа, одержанная черноморскими силами под предводительством контр-адмирала Ушакова... над флотом турецким служит к особой чести и славе флота Черноморского. Да впишется сие достопамятное происшествие в журналы Черноморского адмиралтейского правления ко всегдашнему воспоминанию храбрых флота Черноморского подвигов»¹³.

Военные и политические действия Ушакова раскрывают нам еще одну грань его дарований — как государственного деятеля. После взятия острова Корфу и изгнания французов с Ионических островов возникла необходимость организации государственно-политической жизни населения архипелага. Не имея никаких инструкций ни от одного из европейских дворов, тем более из Петербурга, Ушаков на свой страх и риск решил образовать из Корфу, Занте, Кефалонии, Итаки, Санта-Мавры, Паксосу и Церигу независимую Республику Семи Соединенных островов под покровительством России и Турции. Он же по просьбе островитян подготовил перед штурмом Корфу и первую конституцию государства, дававшую широкие права третьему сословию¹⁴.

Характеризуя этот фрагмент деятельности российского адмирала, следует углубить представление обучаемых о том, какими критериями определяется масштаб того или иного действующего лица в происходивших событиях как исторической личности. Для конца XVIII в. в мировой и отечественной общественно-политической практике наиболее прогрессивными выступали идеи французской революции, кровавой и непоследовательной, но демократической, буржуазно-республиканской по сути. Великий человек тем и отличается, что наиболее полно и емко выражает ведущие императивы времени, в котором живет. Ушаков, русский адмирал, представляющий абсолютную монархию, дисциплинированный подданный, ревностный слуга императорского флота, безупречный военачальник, написал конституцию, основывающуюся на буржуазно-демократических ценностях. Это заслуживает самого серьезного внимания как при изучении всеобщей и отечественной истории XVIII в., так и при осмыслении роли в ней Ушакова.

О возросшем международном авторитете российского флота и его командующего свидетельствуют дальнейшие события. После взятия Корфу Ушакова и его эскадру ожидали на многих направлениях европейского театра военных действий: король Фердинанд рассчитывал на освобождение русскими Неаполя, Нельсон приглашал к Мессине, Сидней Смит — в Александрию и на Крит. Ушаков, подобно Суворову, вырастал в фигуру европейского масштаба, что и подтвердилось взятием им Неаполя и Рима¹⁵.

Проводя параллель между деяниями Ушакова на море и на суше и свершениями Суворова на континенте, необходимо заострить внимание обучаемых на том, насколько возросла значимость России в Европе в конце XVIII в., во

многим благодаря деятельности ее выдающихся военачальников. При этом особо впечатляли достижения флота. Если сухопутные армии Российской империи доминировали в Восточной Европе во второй половине столетия и в Центральной — в конце века, то флот, одержавший в течение XVIII в. ряд блестящих побед во внутренних морях, с выходом в Средиземноморье произвел фурор среди европейских держав. Это была уже не эскадра, способная одержать одну, пусть и великую, победу, как было при Чесме, но флот как ощутимый геополитический инструмент влияния. Сбывались мечты Петра I, и этим Россия во многом обязана Ушакову, в недрах реформ которого зарождались и первые российские «кругосветки», и открытие Антарктиды.

Характеризуя жизнь и военную службу Ушакова, необходимо подчеркнуть, что он был боевым офицером и адмиралом. Вся его служба прошла на море, в действующем флоте, в сражениях, непосредственным участником которых он являлся. Причем, по воспоминаниям сподвижников, посылая вперед отряд кораблей, сам он прибывал позднее, в решающий момент боя¹⁶. Ушаков провел на берегу лишь годы учебы в Морском шляхетском кадетском корпусе, где был одним из лучших, и на закате карьеры, когда Александр I назначил 57-летнего боевого заслуженного адмирала главным командиром балтийского гребного флота и начальником флотских команд в Санкт-Петербурге. Эта, по сути, сухопутная должность тяготила его, и вскоре Ушаков вышел в отставку. Следует обратить внимание обучаемых, что адмирал никогда не состоял в гвардии, в противоположность другим именитым флотоводцам, например Ф. М. Апраксин не только числился, но и занимал пост полкового командира лейб-гвардии Семеновского полка¹⁷.

Именно то обстоятельство, что Ушаков — боевой адмирал, всегда добивавшийся победы над численно превосходящим неприятелем с необычайно малыми для российского флота потерями, предопределило выбор его имени для учреждения в 1944 г. ордена и медали, и это при том, что в российской военно-морской традиции победы Ушакова не входят в число трех величайших — Гангут, Чесма, Синоп, — память о которых отражена в трех полосках на воротниках бушлатов российских военных матросов. Тем не менее, орден Ушакова по отношению к ордену Нахимова — более высокий. В ряду советских наград орден Ушакова занимает место сразу после ордена Суворова, а орден Нахимова — после ордена Кутузова. Такое же старшинство существует между медалями Ушакова и Нахимова, из которых первая — более высокая награда¹⁸. Так своеобразно пересеклись два века российской истории — блистательный, стремительный XVIII и прагматичный, тяжеловесный XIX.

Раскрывая перед обучаемыми жизненный и воинский путь Ушакова, необходимо подчеркнуть, как были отмечены его великие деяния государями, при которых он приносил славу России. Прежде всего, следует обратить внимание обучаемых на принципиальную разницу между сухопутной и морской войной. Первая может носить перманентный характер, длиться долго, проявляться как в крупных сражениях, так и в мелких локальных стычках. Воюющие используют особенности ландшафта и рельефа местности, и это обстоятельство нередко играет решающую роль. Иное дело — морская война. Она требует значительно большей подготовки, так как ведется с применением сложных технических средств — кораблей. Морская война — война крупных сражений, в которых про-

тивники, во-первых, не могут укрыться или уклониться, во-вторых, в существенной степени зависят от стихийных сил. В морской войне, в которой многое, если не все, может решить одно сражение, от воюющих требуются иные качества, чем при боевых действиях на суше; именно в морской войне нужно больше мужества, стойкости, доблести и выучки.

На долю Ушакова выпало десятилетие участия в военных действиях, на которое приходится четыре крупных сражения. Значительное время занимали ремонт судов и обучение экипажа. Суворов воевал почти полвека. Участвовал во всех российских войнах, начиная с Семилетней. В ходе боевых действий нередко сам искал неприятеля, проявлял инициативу, применял нестандартные полководческие решения. Ушаков был лишен подавляющего большинства таких возможностей и в силу специфики рода войск, и по причине значительно меньшего, чем у Суворова, боевого стажа. Тем не менее он был удостоен высоких российских наград. Необходимо обратить внимание на то, что если Суворов был награжден военными орденами Святого Георгия Победоносца всех трех степеней, то Ушаков — лишь орденом II степени с пожалованием 500 душ крестьян в Могилевской губернии в вечное и потомственное владение¹⁹.

Следует прокомментировать обучаемым, что количество и характер наград не всегда справедливо отражали результаты деяний. Так, если имена кавалеров ордена Святого Георгия Победоносца I степени — П. А. Румянцева-Задунайского, А. Г. Орлова-Чесменского, В. М. Долгорукова-Крымского, Г. А. Потемкина-Таврического, А. В. Суворова-Рымникского, М. И. Голенищева-Кутузова — не вызывают сомнений и было бы оправданным и справедливым

появление в этом корпусе и Ушакова, то имена, например, Луи-Антуана, герцога Ангулемского (за успешное окончание войны с Испанией) или Вильгельма I (в ознаменование юбилея ордена) — дань политической конъюнктуре, как и имена А. Веллингтона, Г. Блюхера и др.²⁰ Обучаемые должны знать, что из 25 кавалеров ордена I степени (включая учредительницу — Екатерину II) 7 — подданные других государств.

Чтобы не вводить обучаемых в заблуждение, что Ушакова «обошли» с признанием его заслуг, необходимо информировать их о том, что за каждую отдельную победу на море он получал награды: за победу у Керченского пролива — орден Святого Владимира II степени, при Гаджибее — орден Святого Георгия Победоносца II степени, при Калиакрии — орден Святого Александра Невского и 200 душ крестьян в Тамбовской губернии, за взятие Цериго (одного из Ионических островов) — бриллиантовые знаки ордена Святого Александра Невского, острова Занте — орден Святого Иоанна Иерусалимского²¹. О наградах иностранных держав сказано выше. Следовательно, некорректно утверждать, что Ушакова «забывали», но его награды могли быть более весомыми. Обучаемым следует напомнить, что все победы адмирала пришлись на последние годы царствования Екатерины II, когда она больше отдалялась от морских, военных и внешнеполитических дел и предпочитала дворцовую жизнь, и Павла I, который еще не успел в полной мере узнать и оценить Ушакова. По этим причинам он единственный из крупных военных деятелей периода Русско-турецких войн второй половины XVIII в. не получил к фамилии прозвища-определения, соответствовавшего пожалованному титулу, как и самого титула.

Пытливому исследователю немало может поведать история наградных медалей Российского государства, ведущая свой отсчет с Петра I, который учредил 24 медали²². Придававшая огромное значение мемориальной наградной символике Екатерина II учредила 48 медалей, среди которых, например, есть «Персональная медаль Алексею Орлову», выпущенная в 1770 г. в ознаменование его боевых заслуг на море²³, «Персональная медаль П. А. Румянцеву-Задунайскому», датируемая 1774 г.²⁴, «Персональная медаль Г. А. Потемкину-Таврическому», учрежденная в 1788 г.²⁵, «Персональная медаль А. В. Суворову-Рымникскому», выбитая в 1790 г.²⁶ Последняя медаль екатерининской эпохи датируется 1795 г. Ею выпущены «Медали для чукчей» (1791 — 1794 гг.)²⁷, «Городскому голове Дурьгину» (1792 г.)²⁸, «Жителям пограничных поселений» (1793 — 1796 гг.)²⁹, но нет ни намека на увековечение таким образом великих побед Ушакова.

Сменивший Екатерину II на престоле Павел I упразднил введенные матерью медали и стал учреждать свои. После медали «За разведение тутовых деревьев (шелководство)» (1797 г.)³⁰ появились «Медали на всякий случай» (1798 — 1801 гг.)³¹ и «Персональные медали якутским старшинам» (1799 г.)³². Лишь после блестящих успехов Ушакова в Средиземноморье, отмеченных наградами европейских монархов и щедрыми дарами населения освобожденных территорий, в России были учреждены «Персональные медали адмиралу Ф. Ф. Ушакову» (1800 г.)³³. Более того, русские офицеры эскадры Ушакова были награждены за освобождение Ионических островов орденами Святой Анны II и III степени, а для отличившихся матросов Павел I приготовил небывалое пожалование — прислал на эскадру Ушакова 300 орденов Святой Анны

IV степени, которые на тот момент давал потомственным дворянам³⁴.

Столь подробное изложение сведений из истории наград Российской империи времен Ушакова направлено на то, чтобы обучаемые более наглядно могли сопоставить масштабы деяний Ушакова и их оценку русской короной в сравнении с оценкой успехов других полководцев и флотоводцев России. В перспективе целесообразно развитие анализа этой проблематики в направлении ответа на вопрос: чем была вызвана такая дискриминация — отдаленностью коммуникации с флотом Ушакова или особенностями природы адмирала? Ведь не помешала же Павлу I отдаленность коммуникаций произвести Суворова в генералиссимусы и жаловать «князем Италийским». Справедливости ради надо сказать, что и Ушаков был произведен в адмиралы (чин II класса, соответствовал фельдмаршалу) и был пожалован Мальтийским крестом. Однако его деяния на море, соотносимые с успехами Суворова на суше, заслуживали более ощутимых наград.

Действенным методическим приемом может стать использование сведений о славных деяниях Ушакова при преподавании современной отечественной истории в плане сопоставления истории и современности. При этом на фоне славного прошлого нагляднее проступают изъяны Новейшего времени. Можно выделить несколько значимых аспектов для сравнения — прежде всего, это отношение к судам, вооружению и военному имуществу. Ушаков заботился о материальном состоянии своих кораблей, и при недостатке средств для снаряжения военной экспедиции по выполнению приказа Потемкина о борьбе с турецким судоходством у берегов Анталлии он занимал деньги и даже заложил свой дом, чтобы изыскать необходимую

сумму³⁵. На современном российском флоте нередко хищения материальных средств. Ушаков боролся за усиление российского флота, строил корабли, большое внимание уделял боевой выучке и взаимодействию экипажей. Для перевооружения современного российского флота необходимо вводить в строй ежегодно 30 — 40 новейших надводных кораблей и 4 — 5 дизельных подводных лодок. Между тем за последние годы в части соединения в год в среднем поступает 2 подводные лодки и продается за рубеж 6; против 11 кораблей, ежегодно пополняющих флот, 18 продается за рубеж³⁶.

Таким образом, славное имя Ушакова, овеянное легендами, имя безупречного и победоносного адмирала, может найти эффективное применение в обучении отечественной истории разных контингентов учащихся. Более того, применение нестандартных методических ходов с использованием примеров из его жизни и деятельности будет способствовать оптимизации учебного процесса.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Скрицкий Н. В. Самые знаменитые флотоводцы России / Н. В. Скрицкий. М., 2000. С. 214.
- ² См.: Адмиралы Российского флота. Россия поднимает паруса. Л., 1956. С. 214.
- ³ См.: Великие люди : энцикл. справ. М. ; Харьков, 2003. С. 398.
- ⁴ Цит. по: Зверев Б. И. Страницы военно-морской летописи России / Б. И. Зверев. М., 1992. С. 126.
- ⁵ Там же. С. 127.
- ⁶ См.: Скрицкий Н. В. Указ. соч. С. 207.
- ⁷ См.: Великие люди. С. 398.
- ⁸ См.: Скрицкий Н. В. Указ. соч. С. 211.
- ⁹ См.: Шукин А. Н. Знаменитые россияне : биограф. слов.-справ. М., 1996. С. 258.

- ¹⁰ См.: **Скрицкий Н. В.** Указ. соч. С. 215.
¹¹ Адмирал Ушаков : документы : в 3 т. М., 1951. Т. 1. С. 297.
¹² Цит. по: **Зверев Б. И.** Указ. соч. С. 125.
¹³ Там же. С. 121 — 122.
¹⁴ См.: **Скрицкий Н. В.** Указ. соч. С. 215.
¹⁵ Там же. С. 216 — 217.
¹⁶ Там же. С. 214.
¹⁷ См.: Российская гвардия. 1700 — 1918 : справ. М., 2005. С. 33.
¹⁸ См.: **Балязин В. Н.** За подвиг ратный и трудовой / В. Н. Балязин. М., 1987. С. 163.
¹⁹ См.: Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия : Именные списки 1769 — 1920 : библиогр. справ. М., 2004. С. 117.
²⁰ Там же. С. 114 — 115.
²¹ См.: **Скрицкий Н. В.** Указ. соч. С. 211 — 215.
²² См.: **Чепурнов Н. И.** Наградные медали государства Российского : энцикл. ил. изд. М., 2001. С. 20 — 77.
²³ Там же. С. 105 — 106.
²⁴ Там же. С. 122 — 124.
²⁵ Там же. С. 139 — 141.
²⁶ Там же. С. 154 — 157.
²⁷ Там же. С. 162 — 164.
²⁸ Там же. С. 166.
²⁹ Там же. С. 167 — 168.
³⁰ Там же. С. 176.
³¹ Там же. С. 177 — 179.
³² Там же. С. 185 — 186.
³³ Там же. С. 187 — 188.
³⁴ См.: Отечественная история : энцикл. М., 1999. Т. 1. С. 88.
³⁵ См.: **Скрицкий Н. В.** Указ. соч. С. 210.
³⁶ Об этом см.: Комсомол. правда. 2006. 10 — 16 марта. С. 4 — 5.

Поступила 29.11.2006 г.

УДК 355.233.231.1

И. А. Чуканов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЕННОГО НАСЛЕДИЯ АДМИРАЛА Ф. Ф. УШАКОВА В ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ УЧИЛИЩ

Дореволюционная российская военная история знает много побед и поражений. Народная память хранит имена успешных полководцев Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова и Михаила Скобелева. На поле брани они создавали военную славу России, отстаивали честь страны в многочисленных войнах за национальную независимость, которые вело Российское государство на протяжении всей своей истории.

Русский флот, созданный усилиями Петра I в 1696 г., не имел столько побед, сколько сухопутная армия, так как морской державой Россия стала относительно недавно, в 1720-е гг. после ряда успешных морских побед над Швецией в ходе Северной войны. Не всегда военные столкновения на море были успешными для российского флота. Несмотря на героизм офицеров и матросов российского Тихоокеанского флота в Русско-японскую войну 1904 — 1905 гг., Россия потерпела тяжелое поражение на море в Цусимском проливе. Были и другие поражения.

Поэтому для курсантов военных сухопутных училищ, и особенно военно-морских вузов, очень важен пример именно *успешных флотоводцев*. В их числе можно назвать

адмиралов С. К. Грейга, Ф. Ф. Ушакова, П. И. Нахимова, А. В. Колчака, советского адмирала Н. Н. Кузнецова и некоторых других.

Адмирал Российского флота Федор Федорович Ушаков (полный адмирал с 1799 г.) в числе русских адмиралов-победителей занимает одно из самых почетных мест. Наиболее значителен его вклад в развитие российского военно-морского искусства. Ушаков был мастером победы над численно превосходящим противником. Его любимой поговоркой, вошедшей в анналы российской истории, было высказывание: «Врагов не считают, их бьют». Именно он прославил молодой русский флот в Русско-турецкой войне 1787 — 1791 гг. в битвах на Черном море, где решалась судьба южных регионов России.

Турецкий флот за свою многовековую историю отличился в многочисленных битвах. Вооруженные современной английской и французской артиллерией, имея обученные экипажи, турецкие военные корабли представляли значительную военную силу, что они не раз доказывали в сражениях в Средиземном, Эгейском и Ионическом морях. Морские сражения 1787 — 1791 гг. не были для русских моряков простыми, это были кровопролитные битвы, в которых побеждал флот, обладавший лучшей боевой выучкой, сплоченностью команд.

Талант Ушакова впервые проявился в сражении у острова Фидониси (1788 г.). Находясь на линейном корабле «Святой Павел», Ушаков успешно руководил авангардом русского флота и обеспечил победу в этом морском сражении. По представлению Григория Потемкина он был назначен императрицей Екатериной II на должность командующего Черноморским флотом. В морских сражениях 1790 — 1791 гг. в Керченском проливе, у острова Тендра и мыса Калиакрия

он полностью разбил турецкий флот, что в немалой степени способствовало поражению Турции в войне и подписанию мирного договора с Россией.

Трудно переоценить вклад Ушакова в развитие стратегии и тактики действий морских сил в сражениях парусного флота. Многие примененные им новации не потеряли своей актуальности и в наше время. Ушаков впервые в истории морских войн отказался от так называемой *линейной тактики*, которую в морских сражениях использовали передовые по тем временам флоты Англии, Франции, Голландии, Испании и Швеции. Он создал морскую *маневренную тактику*, главной составляющей которой было *искусное сочетание артиллерийского, ружейного огня и маневра*. В морском сражении Ушаков всегда добивался победы тем, что применял единые походно-боевые порядки, организовал эффективную систему управления кораблями в бою. Суть его тактики заключалась в том, что без перестроения корабли, следуя в походном порядке, максимально сближались с опешившим от неожиданности противником на дистанцию эффективного ружейного и артиллерийского огня и наносили кораблям противника невосполнимый урон.

Ушаков всегда правильно определял наиболее важные корабли противника в качестве объекта атаки, на которых его эскадра и сосредоточивала главное артиллерийское воздействие. Именно в эскадре Ушакова эффективно использовались бранскугели (зажигательные ядра) и специальные боеприпасы, предназначенные для уничтожения корабельной оснастки. Адмирал всегда требовал от государственных органов, ответственных за материально-техническое обеспечение, чтобы оснащение русских кораблей было лучше, чем у неприятельского флота.

По приказу адмирала русская эскадра всегда сосредоточивала огонь на флагманском корабле противника, а когда его эскадра становилась неуправляемой, русские моряки поодиночке брали на абордаж и добивали отдельные корабли противника.

Ушаков требовал, чтобы неприятеля не упустили до *полного разгрома*. Для окончательного развития успеха он создавал резерв (эскадры кайзер-флага), который, не участвуя в главном сражении, достигал поврежденные в бою вражеские корабли и принуждал сдаваться в плен, в случае отказа подвергал их уничтожению.

В военных операциях Ушаков действовал неординарно, его действия были направлены на ошеломление противника. Так, 28 — 29 августа 1790 г. русская эскадра под командованием Ушакова (10 линейных кораблей, 6 фрегатов, 1 бомбардирский корабль, 20 вспомогательных транспортных судов, 830 орудий) обнаружила турецкую эскадру у острова Тендра под командованием турецкого адмирала — капудан-паши Хусейна, значительно превосходящую по боевой мощи русскую (14 линейных кораблей, 8 фрегатов, 23 вспомогательных судна, 1 400 орудий). Турецкая эскадра стояла на якоре. Без перестроения в боевой порядок адмирал Ушаков приказал немедленно атаковать. Ровно в 15 часов начался бой, который продолжался два дня и две ночи. Турецкий флот потерпел поражение. 2 линейных корабля турок были уничтожены, 1 захвачен в плен. Кроме того, было уничтожено несколько малых судов. Если потери турок составили 2 тыс. человек (из них 700 — пленные), то русские моряки потеряли убитыми 21 человека, 25 были ранены¹.

Венцом морской тактики Ушакова стало сражение с турецким флотом у мыса Калиакрия в северо-восточной Болгарии 31 июля (11 августа) 1791 г., в результате которого

разгром турецкого флота завершил Русско-турецкую войну 1787 — 1791 гг. Ситуация была очень сложной. Турецкий флот стоял на якоре недалеко от берега под мощной защитой береговых артиллерийских батарей. У турок было 18 линейных кораблей, 17 фрегатов, 43 вспомогательных судна. Это была очень грозная сила. У Ушакова сил было значительно меньше (16 линейных кораблей, 2 фрегата, 2 бомбардирских корабля, 19 вспомогательных судов)².

Русские корабли напали на турецкие неожиданно, со стороны берега. Они подошли походным строем, состоящим из трех колонн. Эскадра противника была отрезана от берега. Турецкая эскадра, потеряв много кораблей и личного состава, была разбита³.

Тактика Ушакова была новаторской, и ее быстро приняли на вооружение флоты других стран. В период наполеоновских войн маневр Ушакова в сражении при Калиакрии успешно повторил выдающийся английский флотоводец Г. Нельсон в сражении при Абукире.

1 — 2 августа 1798 г. французский флот под командованием вице-адмирала Ф. Брюэса (13 линейных кораблей, 4 фрегата, 10 тыс. человек личного состава, 1 183 орудия) стоял на якоре в заливе Абукир (Египет). Считая нападение со стороны берега маловероятным, адмирал Брюэс дал команду подготовить к стрельбе только пушки тех бортов, которые обращены к морю. Разведка и охрана не были организованы.

Эскадра адмирала Нельсона появилась внезапно и около 19 часов атаковала французов со стороны берега. Сил у англичан было меньше (14 линейных кораблей с 8 тыс. человек личного состава при 1 012 орудиях). Французский флот в результате был разбит наголову. Французы потеряли 11 линейных кораблей, 2 фрегата, 6 тыс. человек личного

состава убитыми и пленными. Англичане потеряли 900 человек. Морское сражение у Абукира имело далеко идущие политические и военные последствия. 30-тысячная армия Наполеона в Египте была лишена источников снабжения, что позволило англичанам в марте 1901 г. разгромить французов в Египте при Александрии⁴.

Однако венцом военно-морской карьеры Ушакова стали совместные боевые действия русской и турецкой эскадры против французов, захвативших Ионические острова. В истории это очень важный пример боевого сотрудничества русских и турецких войск в войне против наполеоновской Франции. Объединенная русско-турецкая эскадра (под командованием контр-адмирала Кадыр-бея) подошла к крепости Корфу. В составе эскадры к 5 ноября 1798 г. было 10 линейных кораблей, 13 фрегатов, 4 корвета и экспедиционные силы в 1 700 человек. Объединенной эскадре противостоял мощный гарнизон крепости Корфу (3 700 человек личного состава, 650 орудий). В распоряжении французов была эскадра в составе 2 линейных кораблей, 1 фрегата и 1 бомбардирского корабля). 18 февраля (1 марта) 1799 г. начался общий штурм французских укреплений объединенными русско-турецкими силами. Французы, после того как главные укрепления были взяты, капитулировали. В плен были захвачены 2 931 человек, 16 кораблей, в том числе 1 линейный корабль и 1 фрегат, 629 орудий, много оружия, продовольствия и снаряжения⁵. Взятие мощной военно-морской крепости совместными русско-турецкими силами без поддержки осадной артиллерии и недостаточности личного состава было образцом военно-морского искусства.

Неудовольствие правительства Александра I вызвали демократические преобразования произведенного в полные адмиралы Ушакова. Он лично участвовал в подготовке кон-

ституции Республики Семи Соединенных островов, способствовал внедрению демократического правления, что в немалой степени и способствовало его отставке в 1807 г.⁶

Ушаков вошел в историю не только как искусный политик, но и как опытный педагог. Он придавал большое значение морской и огневой выучке личного состава, был сторонником суворовских принципов обучения и воспитания, противником муштры. Лучшей школой для офицеров и матросов считал плавание в условиях, приближенных к боевой обстановке. Всемерно содействовал воспитанию у матросов чувства патриотизма, взаимовыручки в бою, был справедливым, заботливым и требовательным к подчиненным, за что заслужил их любовь и уважение.

На примере адмирала Ф. Ф. Ушакова воспитано не одно поколение будущих морских и сухопутных офицеров. Военное наследие Ушакова подробно изучается в военных и военно-морских училищах в рамках дисциплины «История войн и военного искусства».

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Военная энциклопедия : в 8 т. М., 1976. Т. 8. С. 20 — 21.
- ² См.: Русское военно-морское искусство. М., 1951. С. 132 — 135.
- ³ См.: Морской атлас. Описание по картам. М., 1959. Т. 3, ч. 1. С. 326.
- ⁴ См.: История военно-морского искусства : в 2 т. М., 1954. Т. 1. С. 15 — 17.
- ⁵ См.: **Тарле Е. В.** Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798 — 1799 гг.) / Е. В. Тарле. М., 1948. С. 34 — 36.
- ⁶ См.: **Снегирев В. Л.** Русский флот в Средиземном море. Поход адмирала Ушакова (1798 — 1800 гг.) / В. Л. Снегирев. М., 1944.

Поступила 22.09.2006 г.

УДК 82-94

Е. Н. Рябова

ОБРАЗ АДМИРАЛА Ф. Ф. УШАКОВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ Г. ШТОРМА И М. ПЕТРОВА

Роман Георгия Шторма «Ф. Ф. Ушаков» посвящен жизни и деятельности великого русского флотоводца. Автор последовательно дает биографию адмирала, начиная с обучения в морском корпусе и заканчивая уходом в отставку. Михаил Петров в романе «Боярин Российского флота» рассказывает главным образом о последних годах жизни Ушакова, проведенных в сельце Алексеевка Темниковского уезда Тамбовской губернии. Однако автор не обходит вниманием и военную деятельность адмирала, излагая ее в форме воспоминаний героя. Соответственно различается и трактовка личности героя двумя авторами. Так, герой Шторма предстает перед читателем как сильный, умный, справедливый, бескорыстный офицер, не терпящий хвастовства и предательства, автор новых тактических морских приемов, а Петров показывает Ушакова как пожилого, несправедливо забытого бывшего военного, чьи заслуги перед Отечеством были преданы забвению вскоре после его ухода в отставку. В романе Шторма адмирал выступает как патриот России, талантливый флотоводец, заботливый командир, политический деятель, а Петров приоткрывает завесу личной жизни Ушакова.

Несмотря на множество расхождений в изображении Ушакова, оба автора показали его как выдающегося военачальника Российского флота, не знавшего поражений

в морских сражениях, сыгравшего важную роль в сложный период становления России на Черном море и в строительстве Севастополя, посвятившего свою жизнь служению Отечеству. Основные факты биографии адмирала нашли отражение в обоих романах. Авторы достаточно подробно описывают сражения у острова Фидониси в 1788 г., в Керченском проливе в 1790 г., у острова Тендра в 1790 г., у мыса Калиакрия в 1791 г., а также события, связанные с освобождением Ионических островов в 1798 — 1799 гг. Эти факты переданы писателями достаточно точно. Однако, как и в других художественных произведениях, в анализируемых романах присутствует вымысел. Так, при изображении захвата острова Корфу Шторм утверждает, что наместник турецкого султана, правитель Албании и Македонии Али-паша, взявший обязательство помочь русской эскадре в блокаде крепости на острове, прислал свои войска. Однако Ушаков не хотел быть ему обязанным и решил воспользоваться этими войсками лишь в крайнем случае. Петров же пишет, что албанцы взбунтовались, отказываясь участвовать в штурме острова, так как сомневались в успешном завершении этой операции. «Что ж, — с сарказмом в голосе сказал Ушаков, обращаясь к албанским офицерам, — коль так боитесь неприятеля, ступайте все на гору при северной нашей батарее и оттуда, сложа руки, смотрите, как я на ваших глазах возьму остров Видо и все его батареи»¹.

После освобождения Ионических островов Ушаков был вынужден взять на себя роль организатора республики, так как собственные силы островов были слишком слабы и недостаточны для стимулирования спокойной внутренней обстановки. По словам Шторма, Ушаков с самого начала был уверен в победе союзной эскадры над

французами и еще задолго до начала штурма острова Корфу начал составлять конституцию нового государства — «План правления на освобожденных от французов островах». Петров же утверждает, что Временный план был составлен через несколько месяцев после освобождения острова Корфу. Кроме того, он приводит полное название данного проекта — «План о учреждении правления на освобожденных от французов бывших венецианских островах и о установлении в оных порядка», что полностью соответствует исторической правде.

Основной идеей романа Шторма явилось изображение Ушакова не только как великого флотоводца, не потерпевшего ни одного поражения, но и как новатора в деле боевой подготовки флота. В основе действий адмирала лежали не параграфы ветхих уставов, а учет конкретных условий сражения. Буквально с первых страниц читатель узнает о зарождавшейся в мыслях будущего флотоводца новой тактике ведения морского боя. В последующих главах показано, как Ушаков всеми силами пытался внедрить свою тактику в морское дело, не акцентируя внимания на тех, кто хотел приписать себе все достижения адмирала.

Отличительной чертой маневренной тактики Ушакова являлось применение единых походно-боевых порядков, решительное сближение с противником на короткую дистанцию без перестройки боевого порядка (абордаж), сосредоточение основных усилий против флагманских кораблей противника, преследование противника до полного уничтожения или взятия в плен. Ушаков нарушил все устоявшиеся догмы ведения морского сражения, и им не был проигран ни один бой! По словам Шторма, «искусство и наука в морском деле неразделимы! Но ремесло, при слепом подчинении букве устава... Это было не по душе Ушакову»².

Интересна трактовка писателями отношений Ушакова с Г. Нельсоном. Истоком неприязни Нельсона к Ушакову явилось понимание того, что русский адмирал опередил его в области флотоводческого искусства. Военную тактику, которую Ушаков предпринял в 1791 г. в сражении при мысе Калиакрия, Нельсон повторил через семь лет при Абукире. По словам Шторма, этот маневр принес английскому адмиралу мировую славу. Однако в описаниях Абукирской битвы никогда не упоминалось, что предшественником, а быть может, и учителем Нельсона был Ушаков.

По утверждению Петрова, судьба свела выдающихся флотоводцев в Италии в 1799 г., во время борьбы с агрессией французских революционеров. Ушаков и Нельсон вместе освобождали Италию, но делали это совершенно по-разному. Нельсон ненавидел «якобинцев», что доказывают чудовищные злодеяния по отношению к ним. Петров приводит следующий эпизод, запятнавший честь Нельсона: после падения Неаполя французские республиканцы и якобинцы, сотрудничавшие с ними, согласились сложить оружие во избежание дальнейшего кровопролития и им было разрешено покинуть город. Однако Нельсон, узнав об этой договоренности, пришел в бешенство. «Он метал молнии. Как, миловать „якобинцев“? Давать волю французам? С каких пор кардинал стал таким мягкосердечным и согласился выпустить из рук врага, который был уже обречен?» (Петров. С. 150).

На адмирала Нельсона огромное влияние оказывала его любовница Эмма Гамильтон, жаждавшая пыток и публичных казней. Английский флотоводец, нарушив капитуляцию, силами своей эскадры не позволил французам выйти из залива. Он арестовал безоружных людей, вернул их в Неаполь и отдал пленников на растерзание фанатичной толпе.

«Несчастных били чем попало, жгли на кострах посреди городской площади. Англичане в кровавых оргиях не участвовали, они наблюдали за всем этим со стороны». Командовавший флотом республиканцев Каранчиола был повешен на борту линейного корабля (Там же).

Ушаков не был «якобинцем», но как истинный военный при изгнании французов из Неаполитанского королевства боролся только с вооруженным врагом, не чинил правосудия над республиканцами. Напротив, моряки Ушакова всеми силами спасали людей, которые подвергались чудовищным наказаниям со стороны Нельсона и королевы Каролины (Там же).

Образ Ушакова в обоих произведениях противопоставляется другим военачальникам — Н. С. Мордвинову и М. И. Войновичу. По мнению Е. В. Тарле, недоброжелатели пытались принизить достоинства Ушакова как боевого руководителя. Видя в нем опасного соперника, они не могли простить ему ни расположения графа Г. А. Потемкина, ни военного дарования, ни вводимых в боевую подготовку флота и тактику новшеств, ни, наконец, его боевых успехов³.

Особое внимание взаимоотношениям морских офицеров уделяется в романе «Боярин Российского флота». Конфликт между ними приобретает очень напряженный характер. По своему нраву Ушаков не был похож на этих влиятельных офицеров. И Мордвинов, и Войнович были людьми богатыми, любили сорить деньгами, не пропускали ни одного бала. Ушаков же, угловатый и «лапотный», для балов не подходил. Простота и скромность делали его в глазах знатных сослуживцев человеком, с которым можно не церемониться. «Войнович, носивший титул графа, держался с ним покровительственно, как добрый

барин с непутевым сородичем, над которым при случае не грех и посмеяться, называл при всех „мой бачушка“» (Там же. С. 30).

Неприязнь к Ушакову усилилась после судебного разбирательства, произошедшего в 1798 г. Об этом инциденте Тарле писал: «...во время „пробы“ двух вновь выстроенных на херсонских верфях кораблей (в мае 1798 г.) Мордвинов нашел, что эти суда, строившиеся под его личным наблюдением, вполне мореходны, устойчивы и пр., а Ушаков публично, в присутствии многих капитанов, находившихся в Севастополе, высказался, что испытания эти проведены искусственно, нарочно организованы при тихой погоде и корабли не имели должной нагрузки, — словом, что эта „проба“ фальшива и поэтому никуда не годится. Раздраженный Мордвинов грубо оскорбил Ушакова. Вне себя от гнева, Ушаков ... обратился с письменным протестом ... непосредственно к императору Павлу»⁴. Данный эпизод довольно подробно описан в романе Петрова: «Смириться с тем, что произошло, означало отказаться от своих принципов, навсегда обречь себя на роль угодника именитым бездарностям, пекущимся не столько о благе Российского флота, сколько о собственных выгодах. Нет, не о себе, не о своей карьере думал в те минуты Ушаков, когда писал письмо императору. Для него превыше всего были интересы Российского флота» (Там же. С. 40). Автор не мог обойти вниманием данный эпизод и еще раз не подчеркнуть, насколько ненавистен был справедливый Ушаков бездарностям, пытавшимся опорочить и унижить его.

Шторм лишь вскользь упоминает о случае с неустойчивыми судами и конфликте с Мордвиновым. В отличие от Петрова он не стремится создать образ оскорбленного

и обиженного государственной неблагодарностью адмирала; напротив, его герой справляется со всеми проблемами, и даже преграды, которые ему чинили расчетливые Войнович и Мордвинов, он преодолевает с достоинством. В романе Шторма оба офицера предстают бездеятельными, льстивыми, угодливыми людьми, которые панически боялись и избегали решительных мер на море, но не упускали случая приписать победы своих подчиненных себе. Кроме того, у недоброжелателей Ушакова было много связей, что было немаловажно в период торжества фаворита императрицы Екатерины II Платона Зубова — в период, когда давались чины не по заслугам, а по связям. Вот почему они чувствовали свое превосходство над остальными офицерами. «Войнович, весь лоснящийся и разомлевший от зноя, вошел с таким видом, словно торжественно приносил себя в дар... — Неужто работаешь?! В такой-то день!... — Войнович норовил всем говорить „ты“, не считаясь с возрастом и положением собеседника» (Шторм. С. 50).

Однако больше внимания автор уделяет взаимоотношениям адмирала с подчиненными: «Он дал им сноровку и опыт, приучил к спокойному исполнению самого опасного дела. Личная твердость и строгость всех его приказов и действий служили примером, отнюдь не внушали страха и лишь вселяли уверенность, что иначе поступить нельзя» (Там же. С. 131). Ушаков всеми силами старался обеспечить матросов должным питанием и жалованьем, лично заботился о том, чтобы его военные были сыты, здоровы и спали в чистоте.

Большое место оба автора отводят довольно сложным взаимоотношениям Ушакова с морским командиром Дмитрием Сенявиным. Отношения между адмиралом и подчи-

ненным были прохладными, и это огорчало Федора Федоровича, так как он считал Сенявина одним из самых способных своих учеников, ценил его смелость, находчивость, широту ума. «Сенявин... называл Ушакова своим учителем, учился у него искусству флотоводческого дела. Но потом в их отношения вмешались недоброжелатели Ушакова, в первую очередь граф Войнович и Мордвинов. Поверив наговорам этих людей, молодой офицер охладел к своему учителю и командиру, хуже того, стал ему дерзить, а однажды даже отказался выполнить одно из его распоряжений» (Петров. С. 53). Шторм видел причину неприязненных отношений Ушакова и Сенявина в упрямстве и задоре второго. В поведении Сенявина на морской службе сквозили повадки и выучка Ушакова, но ученик всячески это скрывал и ни за что не хотел признаваться в этом; все это мешало ему подчиняться кому бы то ни было, и он делал вид, что ни у кого не учится и растет сам по себе.

Нельзя не обойти вниманием взаимоотношения Ушакова с императрицей Екатериной II и ее фаворитом Потемкиным, так как последние сознавали всю важность морского флота во внешней политике России. Оба автора описывают событие, произошедшее в 1787 г., — посещение императрицей Севастополя. После ее отъезда Ушаков был произведен в бригадиры, в то время как другие офицеры (Мордвинов и Войнович) — сразу в контр-адмиралы. Петров особо подчеркивает этот факт, говоря, что Федора Федоровича подвел его «суконный» язык. Будь он с императрицей красноречивее, тоже был бы удостоен адмиральского чина. «Знаменитый флотоводец, прямодушный, почти незнакомый с придворным этикетом, не сумел произвести на государыню яркого впечатления. На приеме его речь звучала

обыденно-деревенски... Она дозволила ему поцеловать руку, этим высочайшие милости и ограничились» (Там же. С. 37). Таким образом, автор еще раз обращает внимание читателя на то, как подлинный талант и истинный победитель отодвигался на обочину, а лавры доставались бездарным особам, умеющим только произносить громкие слова.

Шторм в своем произведении не сталкивает Ушакова с Екатериной II. Автор повествует лишь о его встрече с фаворитом императрицы Потемкиным. Герой делится с графом своими соображениями, касающимися образа действия военного флота во время сражения. После этой встречи Потемкин решительно полагается на Ушакова во всем, что касается морского флота.

Нельзя обойти вниманием личностные качества Ушакова, раскрытые в анализируемых романах. Авторы сходятся во мнении, что адмиралу были свойственны прямодушие, скромность и бескорыстие. Так, Шторм, повествуя о строительстве Севастополя, главной базы Черноморского флота, отмечает: «Случалось, что город оставался без денег и работам надолго грозила остановка. Федор Федорович ссужал контору порта — давал свои личные средства и говорил при этом: „В собственных деньгах должно быть щедрым, в казенных — скупым“» (Шторм. С. 183).

Он не умел кланяться и заискивать, быть обходительным, развлекать во время увеселительных прогулок. Его прямота и суровость отталкивали от него вельможных щеголей и сановных дам. «Не к масти козырь!» — говорили о нем при дворе (Там же. С. 38).

Скромность адмирала проявлялась и в простоте обстановки, в которой он жил. Петров так описывает его дом в Петербурге, где адмирал жил до отъезда в сельцо Алексеевка: «Помещение походило на монашескую келью. Ни

ковров, ни картин, ни зеркал, ни мебели заморской. Посмотришь и не подумаешь, что адмирал тут живет» (Петров. С. 6).

Нельзя не отметить, что в роли еще одного главного героя в произведении Петрова выступает камердинер Ушакова Федор. В Севастополе об отношениях Ушакова со своим слугой ходили анекдоты, вызывавшие у многих усмешки. Говорили, что Федор позволяет себе огрызаться на своего хозяина, и Ушаков ему все прощает, — Ушаков, перед которым трепетали даже старшие офицеры, Ушаков, считавший соблюдение строгой дисциплины стержнем воинской службы. Поведение Федора «не было похоже на поведение слуги. Он вел себя так, словно знал за собой право стоять с хозяином на одной доске» (Там же. С. 10). Шторм упоминает о значении слуги в жизни адмирала, но в произведении это лишь один из второстепенных героев: «Ушакова Федор знал еще мальчиком и как никто умел с ним обходиться. Когда Федор Федорович гневался... Федор выслушивал его молча, стараясь отойти подальше, но потом сам возвышал голос и начинал наступать. Роли менялись. Федор Федорович немедленно умолкал, в свою очередь, удаляясь от Федора, и тоже выслушивал его молча, терпеливо дожидаясь, пока утихнет гнев старика» (Шторм. С. 48). Автор утверждает, что камердинер умирает задолго до смерти своего хозяина. В произведении Петрова Федор остается верным слугой и добрым другом адмирала до конца его жизни.

В отличие от Петрова, Шторм умалчивает об интимной стороне жизни адмирала. Как известно, Ушаков никогда не был женат и не имел детей. Петров объясняет это тем, что «в пору молодости... его чувства были обманутыми. Та, что зажгла в нем страсть, отвергла его руку,

предпочла ему другого — тоже офицера, но более общительного, не такого скучного, как он... А потом ... потом его сердце навсегда закрылось для женщин» (Петров. С. 322). Он прожил жизнь без семьи в одиночестве, как прожил свою жизнь любимый дядя.

О дяде Ушакова, Иване (отце Феодоре), Петров пишет достаточно подробно. Еще с детства Федор Федорович помнил наставления дяди: «Справедливость — суть человеческого бытия, все мы должны содержать оную в сердце своем», — и следовал им всю свою жизнь (Там же. С. 190). Сам отец Феодор был воплощением честности и справедливости, не боялся идти на муки, защищая крестьян от поборов и жестокости помещиков. Не случайно адмирал после ухода в отставку выбрал для последних лет своей жизни сельцо Алексеевка, недалеко от Санаксарского монастыря, где был похоронен его дядя.

Вышеизложенное приводит нас к выводу о том, что трактовка личности знаменитого русского адмирала в романе «Боярин Российского флота» М. Петрова несколько отличается от ее интерпретации в романе «Ф. Ф. Ушаков» Г. Шторма. Шторм видит в своем герое талантливого флотоводца, новатора в ведении морского сражения и справедливого командира. Практически все повествование романа связано с военной деятельностью адмирала. Суровость и строгость адмирала все же умеряется в романе флейтой, которая сопровождает его и во время учебы в морском корпусе, и в дальнейшем на службе. Он играл на ней в самые тяжелые минуты своей жизни. Петров не вдается в подробности при описании военной деятельности Ушакова. Больше внимание автор уделяет взаимоотношениям героя с подчиненными, союзниками, крестьянами своего и соседних имений, своим слугой.

Библиографические ссылки

¹ Петров М. Боярин Российского флота / М. Петров. Саранск, 1981. С. 131. (Далее ссылки на этот источник будут приводиться в тексте в скобках с указанием фамилии автора и страницы).

² Шторм Г. Ф. Ф. Ушаков / Г. Шторм. М., 1950. С. 35. (Далее ссылки на этот источник будут приводиться в тексте в скобках с указанием фамилии автора и страницы).

³ См.: Тарле Е. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798 — 1800) // Собр. соч. : в 12 т. / Е. Тарле. М., 1959. Т. 10. С. 102.

⁴ Там же.

Поступила 24.01.2007 г.

УДК 06.068Ушаков:947.084.8

К. Л. Андреев

ПРИСВОЕНИЕ НАГРАД, УЧРЕЖДЕННЫХ В ЧЕСТЬ АДМИРАЛА Ф. Ф. УШАКОВА, В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. Военно-морской флот активно противостоял флоту противника, защищал военно-морские базы и порты, охранял важнейшие водные коммуникации, взаимодействовал с группировками Советской Армии в проведении многих оборонительных и наступательных операций. ВМФ успешно решал поставленные перед ним сложнейшие задачи. За проявленные в боях с противником мужество

и героизм свыше 350 тысяч моряков были награждены орденами и медалями¹, более 500 из них стали Героями Советского Союза, 7 человек были удостоены этого звания дважды². Во время войны было учреждено 11 новых орденов и несколько медалей, среди них — орден Ушакова I, II степени³ и медаль Ушакова⁴. Часть новых наград апеллировала к героическим событиям, связанным с именами выдающихся полководцев и флотоводцев досоветской истории, способствуя тем самым укреплению патриотических чувств советских людей. Ордена и медали отражают такие высшие проявления человеческого духа, как героизм и самопожертвование.

Одним из первых, кто поставил вопрос о необходимости разработки новых наград для личного состава военно-морских сил, был нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов. Опытный флотоводец, боевой офицер, он прекрасно понимал роль награды как психологического и, главным образом, духовного стимула, тем более если она связана с именем Ф. Ф. Ушакова.

Кузнецов считал, что у офицера должен быть либо командный, либо штабной склад ума. Себя он относил к первой категории и всячески избегал работы в штабе⁵, поэтому ему был более близок дерзкий характер ведения боя, исповедуемый Ушаковым, чем в большей степени академический стиль П. С. Нахимова. Все это во многом и предопределило приоритетность статуса наград, так как голос Кузнецова был достаточно весом.

После тщательной проработки многочисленных проектов будущих наград 3 марта 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были учреждены орден Ушакова и Нахимова I, II степени и медаль Ушакова.

Статус ордена Ушакова отражал высокий уровень развития военно-морского искусства советского ВМФ; преду-

сматривал активность, решительность, взаимодействие всех сил и средств флота при проведении операций и боевых действий; предполагал достижение победы над численно превосходящим противником в море, на побережье противника и его коммуникациях.

Статистика награждения орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны свидетельствует о чрезвычайно высоком статусе ордена Ушакова. Так, если орден Победы вручался 19 раз, орден Ушакова I степени — 47, орден Нахимова I степени — 80, орден Б. Хмельницкого — 323, орден Суворова I степени — 391, орден Кутузова I степени — 660 раз⁶. Та же последовательность сохранилась при награждении указанными орденами II степени: орден Ушакова (с учетом коллективных награждений) — 200, орден Нахимова — 200, орден Б. Хмельницкого — 2 400, орден Суворова — 2 800, орден Кутузова — 3 300 раз⁷.

Восемь человек, ярко проявивших себя на высоких постах в структуре ВМФ, были награждены двумя орденами Ушакова I степени. В этом почетном списке: Л. М. Галлер — заместитель наркома ВМФ по кораблестроению и вооружению; А. Г. Головкин — командующий Северным флотом; И. С. Исаков — заместитель наркома ВМФ; Г. И. Левченко — командующий Ленинградской и Кронштадтской военно-морскими базами (1942 — 1944 г.), заместитель наркома ВМФ (с 1944 г.); Н. Г. Кузнецов — нарком ВМФ; Г. Н. Холостяков — командующий Дунайской военной флотилией; М. И. Самохин — командующий ВВС Краснознаменного Балтийского флота; В. В. Ерманченков — командующий ВВС Черноморского флота⁸. Анализ наград, полученных соединениями частей ВМФ, показывает, что ордена Ушакова за боевую

деятельность в годы войны были удостоены 17 частей трех флотов: Северного, Краснознаменного Балтийского и Черноморского; бригада речных кораблей Дунайской флотилии и Днепровская военная флотилия. В августе 1945 г. орденом Ушакова была награждена бригада речных кораблей Краснознаменной Амурской флотилии⁹.

По флотам количество частей, удостоенных ордена, распределилось следующим образом: Северный флот — 3, Краснознаменный Балтийский — 11, Черноморский — 3. Если совершенно естественным представляется, что в числе награжденных частей Северного флота — бригада подводных лодок, бригада торпедных катеров и бригада охотников за подводными лодками, то, как это ни парадоксально, на первый взгляд, все одиннадцать награждений на Балтийском флоте приходятся на авиационные части — 1 штурмовую авиадивизию и 10 авиаполков.

Картина награждений соединений и частей ВМФ косвенно отражала потенциал и структуру флотов, характер стоящих перед ними боевых задач, показывая, как морская авиация превратилась в одну из главных ударных сил ВМФ. Так, на долю морской авиации пришлось около 57 % транспортных и более 66 % боевых и вспомогательных кораблей, потерянных врагом от воздействия сил флота в целом¹⁰.

Как воевали моряки бригады торпедных катеров Северного флота, хорошо демонстрирует один из эпизодов — разгром конвоя у Кибергнеса 19 августа 1944 г.: тогда 14 катеров бригады атаковали конвой, в составе которого было 3 транспорта, шедших под прикрытием почти 30 кораблей охраны¹¹. В результате боя, длившегося немного более получаса, потери противника составили 2 транспорта, 2 эскадренных миноносца, 3 тральщика, 6 сторожевых кораблей

и 1 сторожевой катер. Североморцы же потеряли только 1 катер. Сражение, в ходе которого советские моряки продемонстрировали высокое боевое искусство и героизм, по праву вошло в учебники военно-морских сил. Всего же на счету бригады торпедных катеров, получившей в ноябре 1944 г. почетное наименование «Печенегская» и награжденной орденом Ушакова, к концу войны оказалось 62 потопленных транспортных судна и боевых корабля противника¹².

В целом о боевом мастерстве, мужестве и самоотверженности советских катерников свидетельствует и тот факт, что на каждый погибший советский катер приходится в среднем 4 уничтоженных и поврежденных вражеских корабля общим водоизмещением до 2,5 тыс. т¹³.

Одна из замечательных традиций военно-морских сил — отдавание почестей в местах важнейших побед и героической гибели кораблей отечественного флота. К 1990 г. насчитывалось 56 таких точек¹⁴. Три из них связаны с именем выдающегося флотоводца Ф. Ф. Ушакова и выделены в истории флота в честь трех событий: побед русской эскадры над турецким флотом у острова Тендра 28 — 29 августа 1790 г., у мыса Калиакрия 31 июля 1791 г. и взятия крепости Корфу 20 февраля 1799 г.

В одном из этих памятных мест — при прохождении траверза северо-западной оконечности Тендряковской косы — воинские почести отдаются сразу в честь трех событий: победы русской эскадры под командованием контр-адмирала Ушакова над турецким флотом 28 — 29 августа 1790 г., в память о восстании на эскадренном броненосце «Князь Потемкин-Таврический» в 1905 г. и в память о трагической гибели в бою с авиацией противника 21 сентября 1941 г. экипажем канонерской лодки «Красная

Армения», эскадренного миноносца «Фрунзе» и буксирного парохода «ОП-8». Это памятное место в акватории Черного моря соединило три звена героической и драматической истории русского, российского и советского флота.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Великая Отечественная война. 1941 — 1945 : энцикл. М., 1985. С. 456.
- ² См.: Герои Советского Союза : крат. биогр. слов. : в 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 6 — 8.
- ³ См.: Большая Советская энциклопедия : в 30 т. М., 1974. Т. 18. С. 492.
- ⁴ Там же. Т. 15. С. 553.
- ⁵ См.: **Скрицкий Н. В.** Самые знаменитые флотоводцы России / И. В. Скрицкий. М., 2000. С. 451.
- ⁶ См.: **Кузнецов А. А.** Энциклопедия русских наград / А. А. Кузнецов. М., 2002. С. 409.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 73.
- ⁹ См.: Военно-морской словарь. М., 1990. С. 505.
- ¹⁰ См.: Авиация ВМФ в Великой Отечественной войне / Н. М. Лаврентьев и др. М., 1983. С. 174.
- ¹¹ См.: Курсами доблести и славы (боевой путь торпедных катеров советского Военно-морского флота). М., 1975. С. 184.
- ¹² Там же. С. 212.
- ¹³ Там же. С. 23.
- ¹⁴ См.: Военно-морской словарь. С. 509.

Поступила 14.12.2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие Главы Республики Мордовия Н. И. Меркушкина	3
Приветствие Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Варсонофия, архиепископа Саранского и Мордовского	6
Приветствие представителя военно-морской христианской организации Великобритании Б. Паркера	8
В. Н. Ганичев Океаническое мышление и православное сознание: духовный подвиг Федора Ушакова (Ответ на глобальные вопросы современности)	10
В. Д. Овчинников Победа русского флота под командованием Ф. Ф. Ушакова над турецким флотом у острова Тендра	27
В. Д. Овчинников Вклад адмирала Ф. Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства	52
Е. А. Стериопулу Присутствие русских на Ионических островах в конце XVIII в.	64

В. А. Юрченков Адмирал Ф. Ф. Ушаков: основные этапы историографического осмысления жизни и деятельности	74
В. А. Артамонов Апогей русской морской славы (Новаторство флотоводческого мастерства Ф. Ф. Ушакова)	86
А. В. Кузнецов Флотоводческое наследие Ф. Ф. Ушакова как приложение принципов морской тактики последующих эпох	99
М. Джеминиани Le operazioni della flotta russa del viceammiraglio Ushakov lungo le coste della penisola Italiana dal 1799 al 1800	115
Г. И. Григорьева Новые документы о семье Ушаковых в Центральном государственном архиве Республики Мордовия	139
К. Вайт Nelson and Ushakov	198
Письма Г. Нельсона Ф. Ф. Ушакову	201
А. В. Буганов Воины-подвижники в русском народном сознании	208

О. Е. Ивицкая Возвращение адмирала (Святой Феодор Ушаков и Севастополь. XXI век)	222
Ю. Н. Смирнов Роль исследователей восточных окраин России второй трети XVIII в. в формировании научных основ отечественного регионоведения и геополитики	227
С. В. Белоусов Под Андреевским флагом: пензенцы в военном флоте России (1768 — 1801)	246
Ю. П. Смирнов, В. Р. Степанов Использование примеров из жизни и деятельности Ф. Ф. Ушакова в преподавании истории	255
И. А. Чуканов Использование военного наследия адмирала Ф. Ф. Ушакова в военно-патриотическом воспитании курсантов военных училищ	271
Е. Н. Рябова Образ адмирала Ф. Ф. Ушакова в художественном осмыслении Г. Шторма и М. Петрова	278
К. Л. Андреев Присвоение наград, учрежденных в честь адмирала Ф. Ф. Ушакова, в годы Великой Отечественной войны	289

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Константин Леонидович — старший преподаватель кафедры отечественной истории XX — XXI вв. Чувашского государственного университета (г. Чебоксары).

Артамонов Владимир Алексеевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (г. Москва).

Белоусов Сергей Владиславович — доктор исторических наук, доцент кафедры археологии Средних веков Пензенского государственного педагогического университета (г. Пенза).

Буганов Александр Викторович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва).

Вайт Колин — историк, директор военно-морского музея (г. Портсмут, Великобритания).

Ганичев Валерий Николаевич — доктор исторических наук, профессор, председатель правления Союза писателей России, заместитель Главы Всемирного Русского Народного Собора (г. Москва).

Григорьева Галина Ивановна — начальник отдела организационно-методической работы Республиканской архивной службы Республики Мордовия (г. Саранск).

Джеминиани Марко — профессор Военно-морской академии (г. Ливорно, Италия).

Ивицкая Ольга Евгеньевна — историк, член редакционного совета альманаха «Севастополь» (г. Севастополь, Украина).

Кузнецов Алексей Владимирович — кандидат исторических наук, преподаватель Мордовского государственного университета (г. Саранск).

Овчинников Владимир Дмитриевич — кандидат исторических наук, капитан 1-го ранга, заведующий отделом Института военной истории Министерства обороны РФ (г. Москва).

Рябова Елена Николаевна — аспирант отдела теории и истории культуры НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск).

Смирнов Юрий Николаевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Самарского государственного университета (г. Самара).

Смирнов Юрий Петрович — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Чувашского государственного университета (г. Чебоксары).

Степанов Владимир Ростиславович — доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и документального обеспечения управления Чувашского государственного университета (г. Чебоксары).

Стериопулу Елена — доктор филологических наук, профессор Афинского университета (г. Афины, Греция).

Чуканов Иван Альбертович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск).

Юрченков Валерий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, директор НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск).

Научное издание

**«ДА СЛАВЯТ ПОТОМКИ
ТВОЙ ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ...»**

Материалы
Международной научной конференции,
посвященной жизни и деятельности
адмирала Ф. Ф. Ушакова
(Саранск, 4 — 8 августа 2006 г.)

Редактор *Л. В. Логинова*
Корректор *Н. М. Живаева*
Макет *Л. А. Челкановой*
Обложка *Л. А. Карякина*

Использованы фотографии из архива
НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия,
А. А. Ивлева и Ш. С. Смакаева

Подписано в печать 24.07.2008. Формат 84108 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 15,75 + 3,36 вкл. Тираж 500 экз. Заказ №

ГУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

Отпечатано в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь“».
430000 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.

Адмирал Ф. Ф. Ушаков. Неизв. худ. 1804 г.

Императрица Екатерина II.
Худ. Д. Г. Левицкий

Г. А. Потемкин-
Таврический.
Неизв. худ. XVIII в.

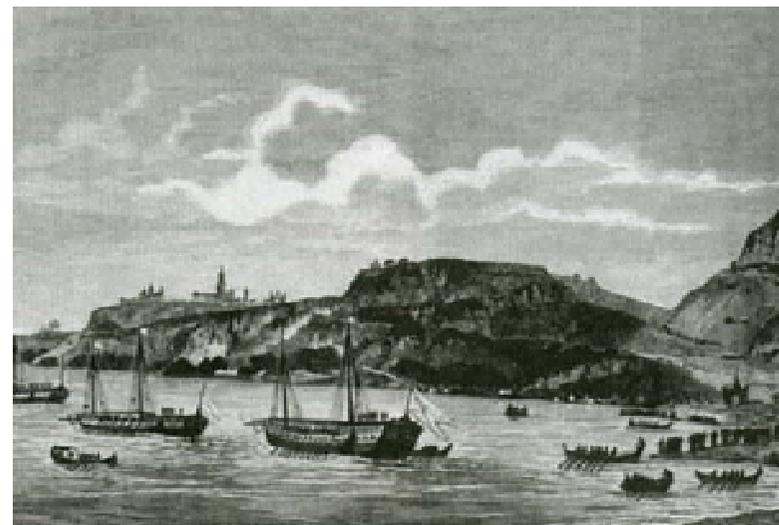

Генерал-фельдмаршал
А. В. Суворов-
Рымникский.
Неизв. худ. XVIII в.

Нашего флота капитану первого ранга Ушакову,
Уведомляю вашу службу, особливо в делах р
донии и испусков в то время истинною добротой
св успевая в лавном Государственном обращении
на себя НАШЕ внимание и милостей. А вы желая
изъявить отъя проща святая, вполномоченные
полковники вое кавалеров ордена НАШЕГО
Святого Андрея апостольского Кресте Владимир
четвертой степени, каковы знаки при себе де
сталам лавносам вая владеть на себе
и носить установленный парадный. Востан
рови А вы совершенно то вы попра вы со стороны
НАШЕЙ милости, потишится прощаниям вы
он вашей милости достанется Монаршата
НАШЕГО владения. В Санктпетербурге
Сентября 22го дня 1785 года

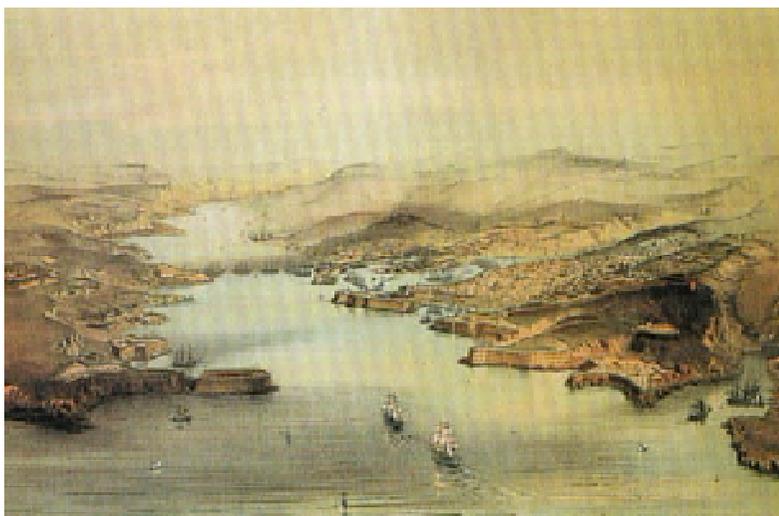
Екатерина

Ваша милостивая
Правительница

Отплытие Екатерины II из Киева в Крым в 1787 г.

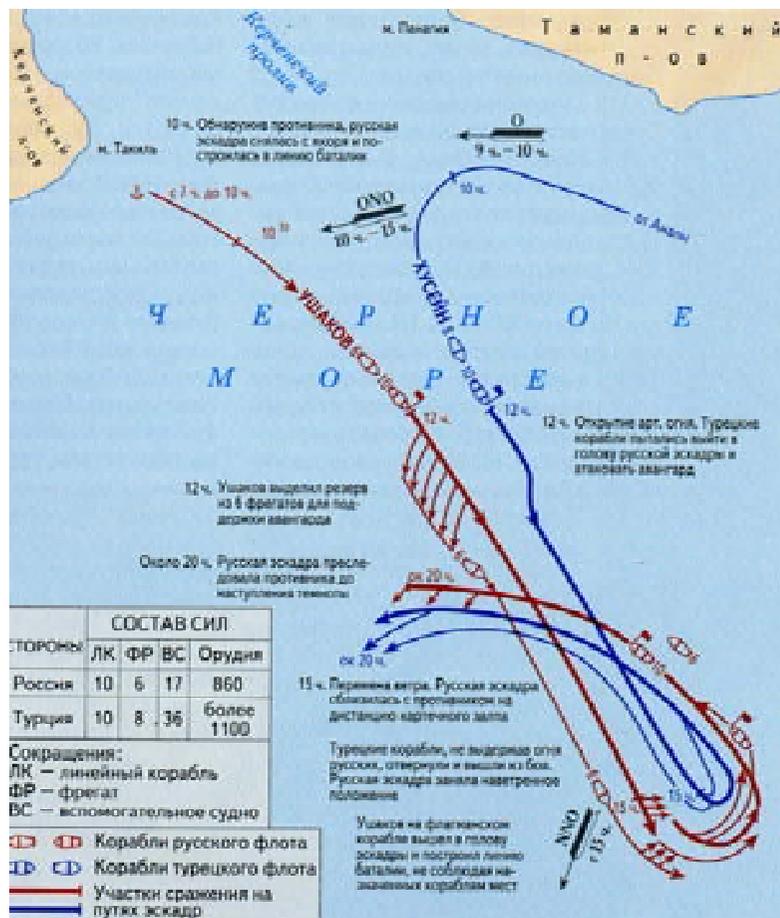
Указ Екатерины II о награждении Ф. Ф. Ушакова
орденом Святого Владимира IV степени от 22 сентября 1785 г.
РГАДА, ф. 2, оп. 1, д. 495, л. 1

Севастополь. Худ. Гюздо

Встреча А. В. Суворова с Ф. Ф. Ушаковым в Севастополе.
Худ. В. Д. Илюхин. 1952 г.
Мордовский республиканский музей изобразительных искусств
им. С. Д. Эрьзи

Сражение у Керченского пролива 8 июля 1790 г.

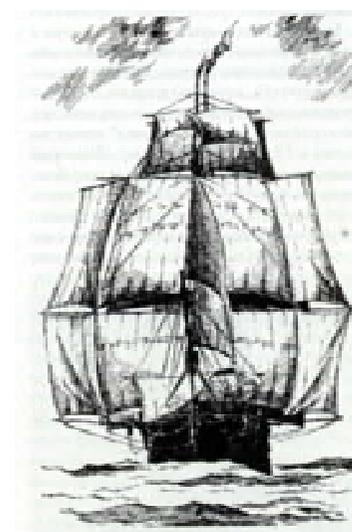
Орден Святого Владимира
 III и II степени.
 За победу у острова Фидониси
 и у Керченского пролива

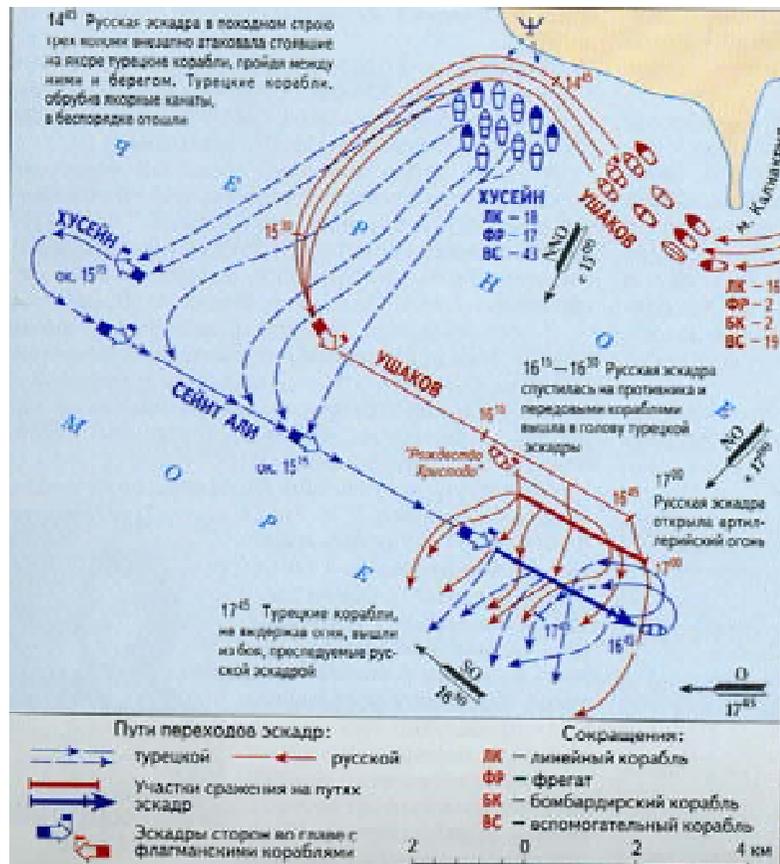

84-пушечный линейный
 корабль «Святой Павел»

50-пушечный фрегат
 «Святой Георгий Победоносец»

Сражение у мыса Калиакрия. 31 июля 1791 г.

Знак и звезда ордена Святого Александра Невского. За победу у мыса Калиакрия

Милостивый государь Ф. Ф. Ушаков, командующий эскадрой, в сражении у мыса Калиакрия 31 июля 1791 года, в присутствии командира и капитана эскадры, отразил в совершенной безопасности турецкую эскадру из 5 кораблей на предельном расстоянии от берега константинопольского.

В то время наша эскадра была на галлах берега, отсюда вступил в бой и крайний константинопольский конвояж в совершенной безопасности.

Милостивый государь Ф. Ф. Ушаков, командующий эскадрой, в сражении у мыса Калиакрия 31 июля 1791 года, в присутствии командира и капитана эскадры, отразил в совершенной безопасности турецкую эскадру из 5 кораблей на предельном расстоянии от берега константинопольского.

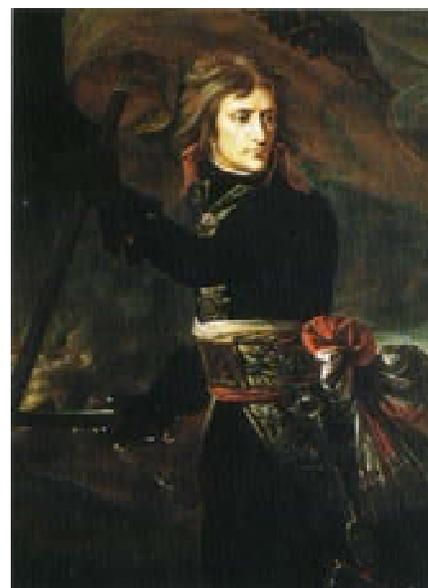
В то время наша эскадра была на галлах берега, отсюда вступил в бой и крайний константинопольский конвояж в совершенной безопасности.

Ф. Ф. Ушаков

Донесение Ф. Ф. Ушакова о победе у мыса Калиакрия 31 июля 1791 г. РГАДА, ф. 52, оп. 1, д. 594, л. 312

Павел I
в парадном одеянии
гроссмейстера
Мальтийского ордена.
1800.
Худ. В. Л. Боровиковский

Наполеон
на Аркольском мосту.
Худ. Ж. А. Гро

Адмирал Н. С. Мордвинов.
Фрагмент раскрашенной
гравюры Т. Райта и Г. Догу

Лорд Нельсон.
Худ. Л. Эбботт

Медаль Ф. Ф. Ушакову от острова Кефалония. 1800 г.

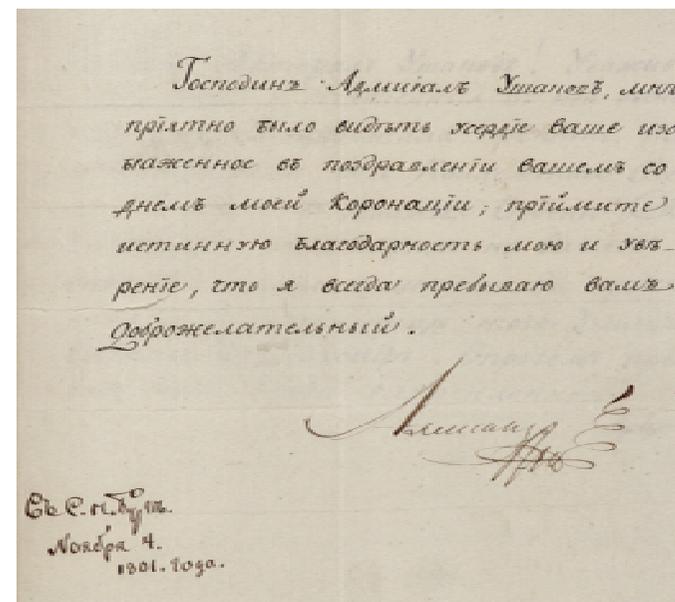

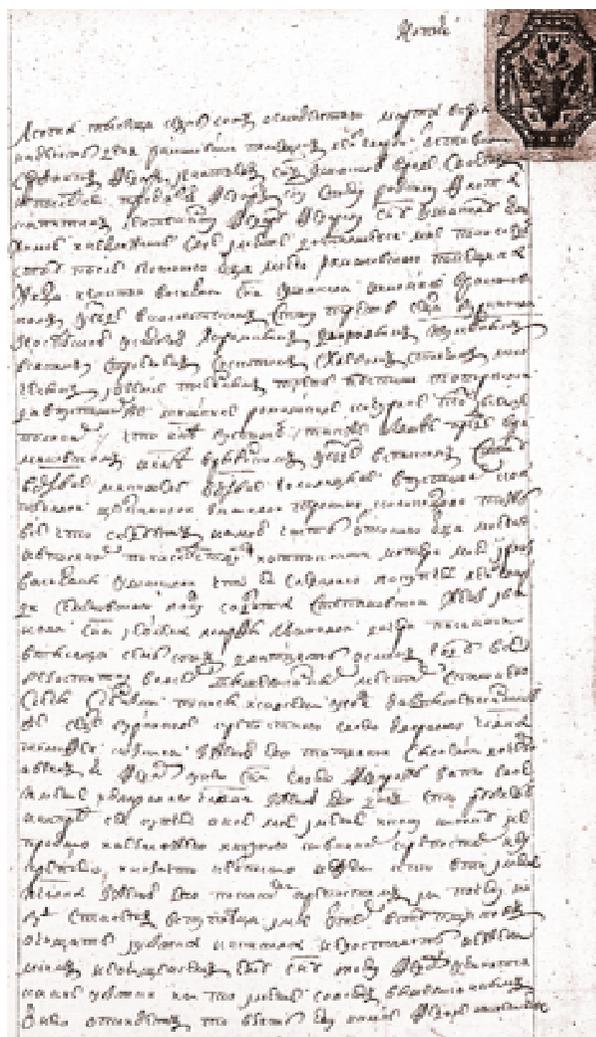
Медаль Ф. Ф. Ушакову от острова Итака. 1800 г.

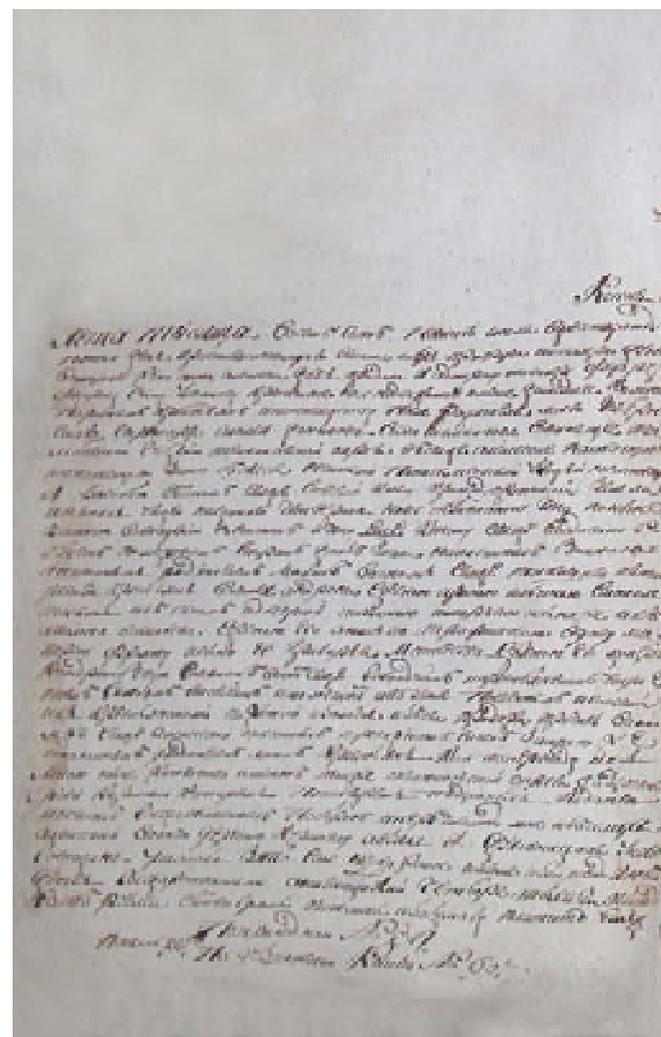
Император
Александр I

Письмо
Александра I
Ф. Ф. Ушакову.
РГАДА, ф. 159,
оп. 1, д. 495, л. 9

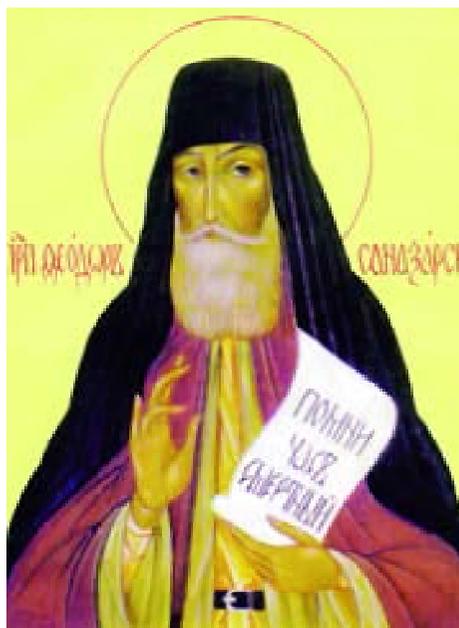
Копия купчей на имение в Романовском уезде, проданное лейб-гвардии сержантом в отставке Ф. И. Ушаковым своему сыну капитану-лейтенанту Ф. Ф. Ушакову 11 марта 1780 г. (фрагмент).
Государственный архив Ярославской области,
ф. 208, оп. 1, д. 83, л. 2 — 2 об.

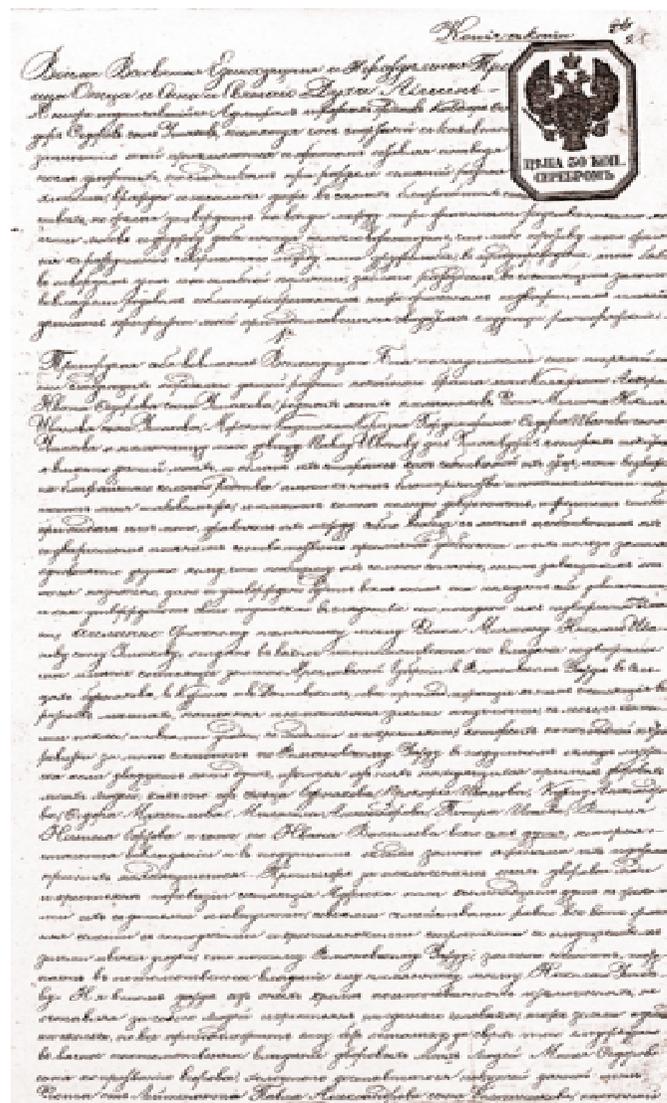
Копия купчей на сельцо Алексеевка в Темниковском уезде Тамбовской губернии, проданное А. А. Духовницкой адмиралу Ф. Ф. Ушакову 25 июля 1805 г. (фрагмент).
ЦГА РМ, ф. 101, оп. 2, д. 302, л. 5 — 6

Вид Санаксарского Богородицкого общежительного монастыря с юго-западной стороны. 1898 г.

Преподобный Феодор Санаксарский (Ушаков). Икона. 1999 г.

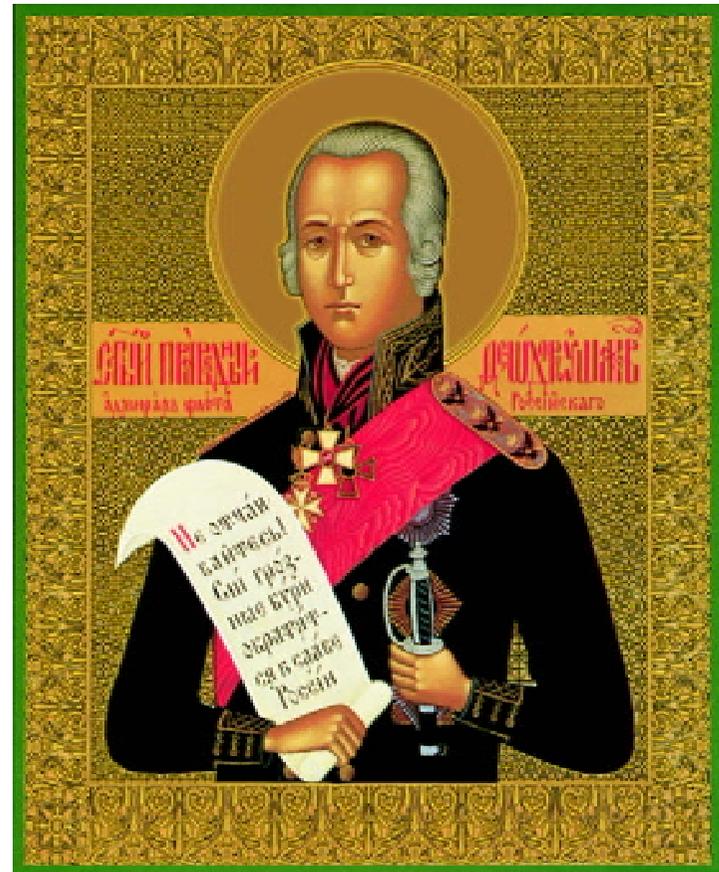
Копия завещания Ф. Ф. Ушакова (фрагмент). Государственный архив Ярославской области, ф. 213, оп. 1, д. 3002, л. 25

Спасо-Преображенская
церковь г. Темникова,
где отпевали
Ф. Ф. Ушакова

Могилы адмирала Ф. Ф. Ушакова и преподобного Феодора
Санаксарского на территории Санаксарского Рождество-
Богородичного мужского монастыря. 1990-е гг.

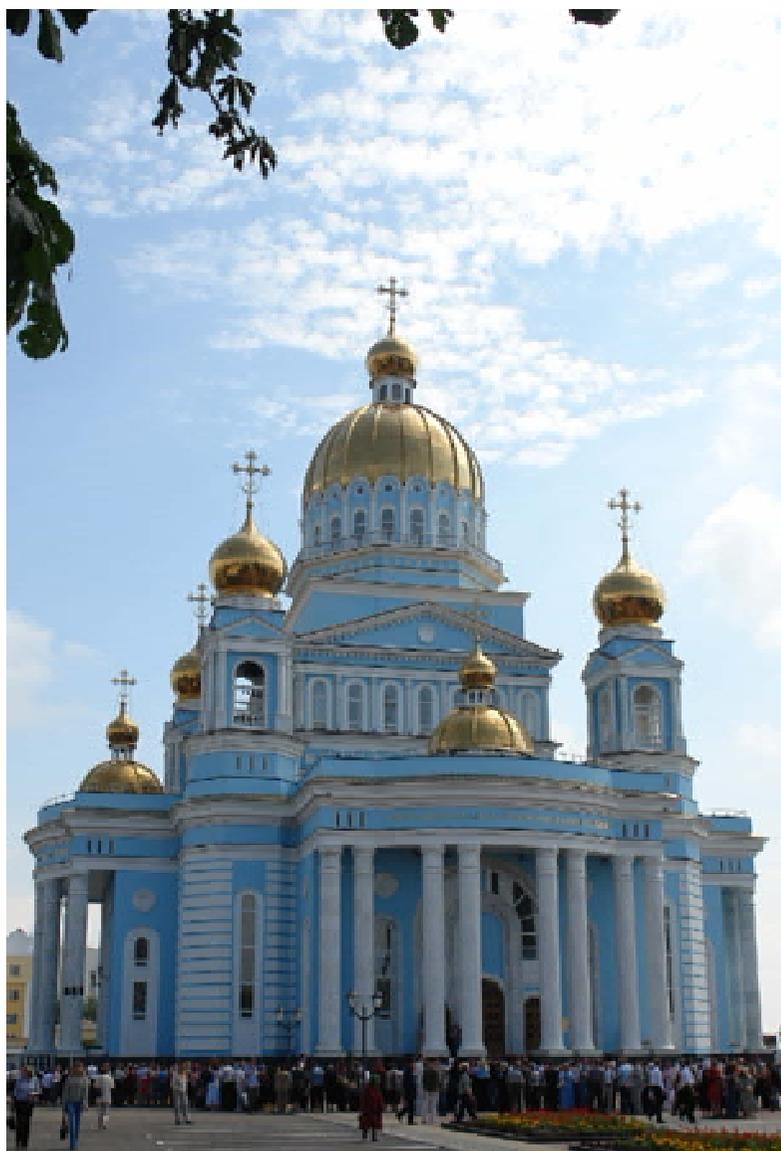
Святой праведный Феодор Ушаков,
адмирал флота Российского.
Икона

Канонизация адмирала Ф. Ф. Ушакова.
Рождество-Богородичный Санаксарский мужской монастырь.
4 — 5 августа 2001 г.

Собор во имя праведного воина Феодора (Ушакова).
Саранск. Август 2006 г.

Открытие Международной научной конференции,
посвященной жизни и деятельности святого праведного воина
Федора (Ушакова). Саранск. 5 августа 2006 г.

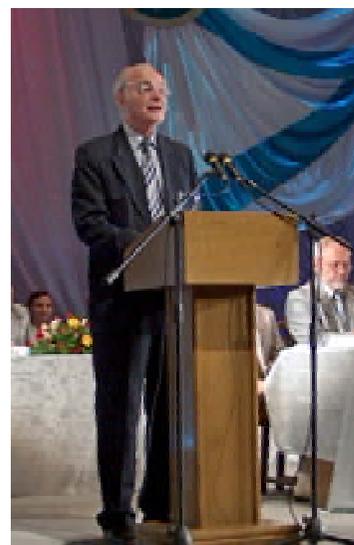

В. А. Кечкин

Протоиерей Виктор Зимин

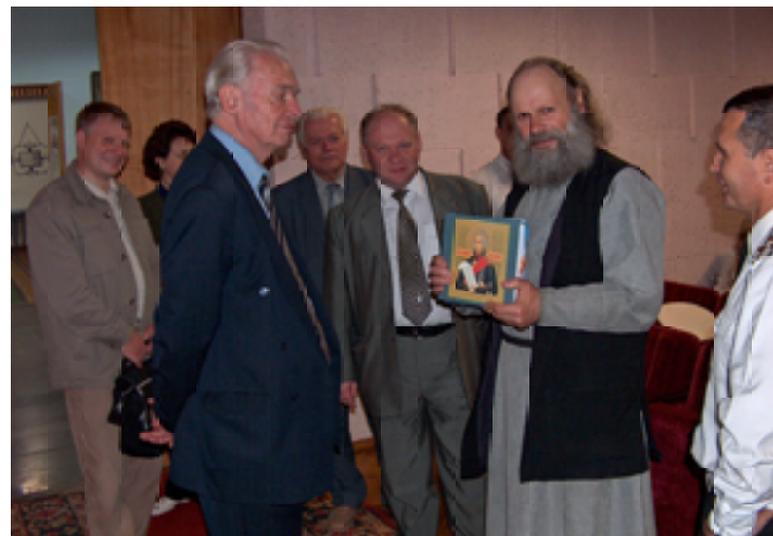
В. Н. Ганичев (Москва)

В. П. Казарин (Украина)

В. А. Юрченков, В. В. Конаков, В. Н. Ганичев, А. М. Доронин

К. В. Смородин, В. Н. Ганичев, А. И. Герасимов, В. А. Юрченков, иеромонах Венедикт (Кулешов), В. Д. Овчинников

М. П. Ненашев (Москва)

В. Д. Овчинников (Москва)

Е. Стериопулу (Греция)

Перед показом документального фильма «Святой адмирал»

Ю. Ф. Юшкин, протоиерей Виктор Зимин,
В. Н. Ганичев, В. В. Конаков

М. Де Бонис (Италия; в центре),
Н. Т. Антошкин (Москва; 2-й справа)

М. Де Бонис, Р. Михайлов (Италия),
А. И. Герасимов (Санкт-Петербург)

Выставка, посвященная жизни и деятельности Ф. Ф. Ушакова
в Государственном музыкальном театре им. И. М. Янушевича

В. С. Генкова (Болгария), Р. Михайлов

М. Де Бонис

М. Де Бонис, В. Д. Овчинников

В Мордовском республиканском музее изобразительных искусств имени С. Д. Эрьзи

Экскурсия по городу Саранску

М. Де Бонис

В. А. Юрченков

Н. В. Заварюхин

В. Д. Овчинников

В. А. Артамонов
(Москва)

Р. Михайлов

А. А. Тодоров
(Москва)

Ю. П. Смирнов
(Чебоксары)

И. А. Чуканов
(Ульяновск)

А. В. Буганов
(Москва)

О. Е. Ивицкая
(Украина)

А. В. Кузнецов

В. В. Шигин
(Москва)

В. С. Генкова

Ю. Н. Смирнов
(Самара)

С. В. Белоусов
(Пенза)

Г. И. Григорьева

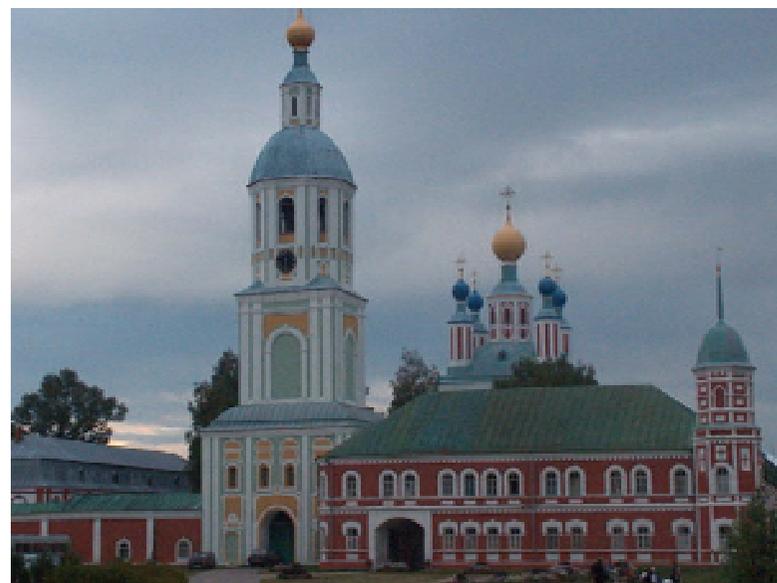

В. П. Столяров
(Москва)

Круглый стол в НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия

В городе Темникове

В Рождество-Богородичном Санаксарском мужском монастыре

В. П. Столяров, иеромонах Венедикт (Кулешов), В. Н. Ганичев

В Темниковском историко-краеведческом музее имени Ф. Ф. Ушакова

В. А. Артамонов, Ю. Н. Смирнов, Е. Стериопулу, иеромонах Венедикт (Кулешов), Р. Михайлов, Н. В. Заварюхин

В. А. Юрченков,
М. Де Бонис,
В. П. Столяров

